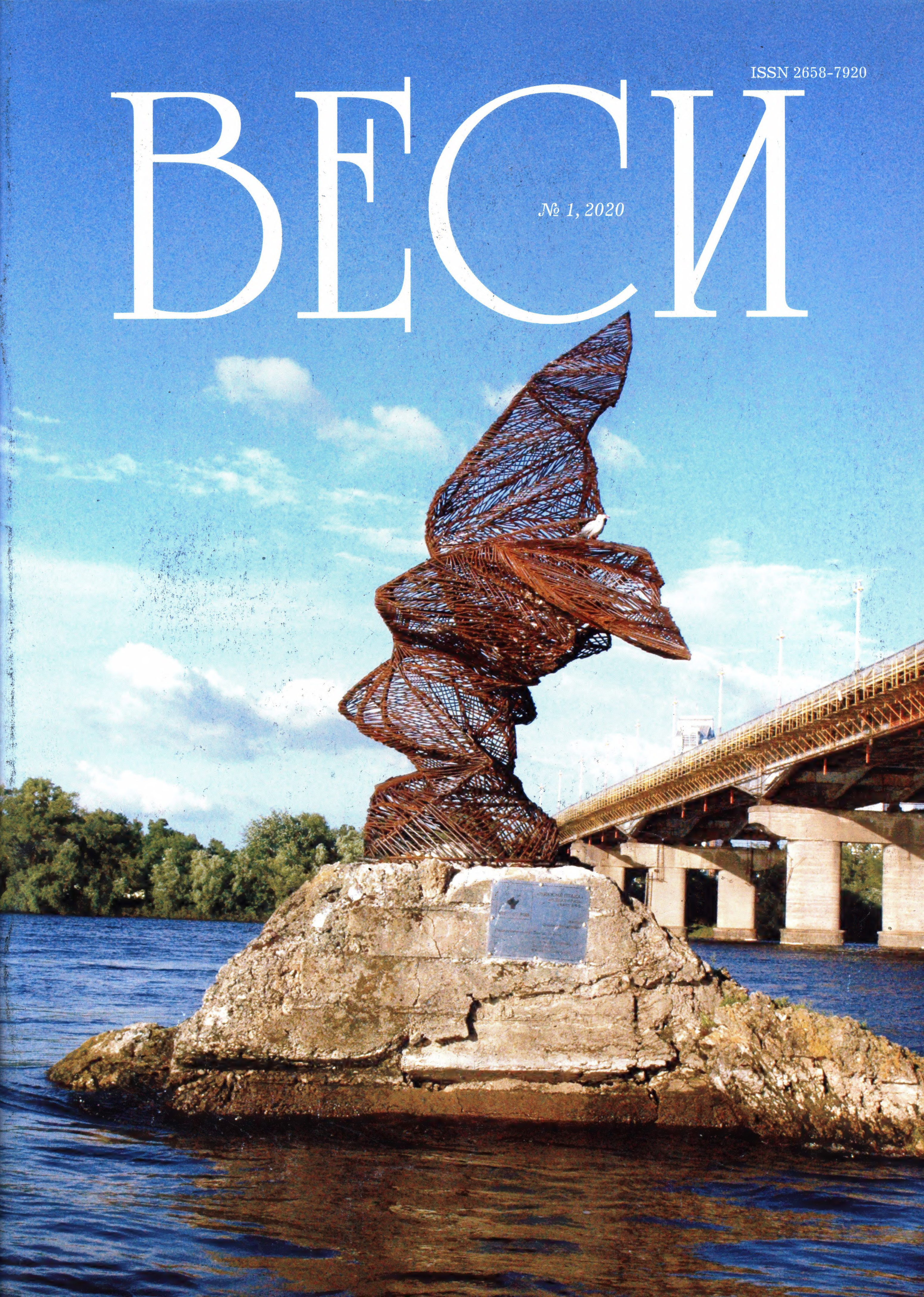
ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 1, 2020

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВ

«Простота – не цель в искусстве.
Но простоты достигаешь, приближаясь
к реальному смыслу вещей».
К.Брынкуши

Скульптор стремится осмыслить драматизм человеческих проблем, проникнуть в природу вечных нравственных переживаний. Он с помощью экспрессивных приемов создает ряд обобщенных художественных образов, прозревая внутреннюю жизнь вещей, дух, живущий в мертвой, только с виду материи. А скульптуры производят впечатление естественной, выросшей, рожденной напором сил изнутри, формы, в полноте обладающие собственной жизнью и значением.

Владимиров – художник с древней душой. Он скульптор, словно пришедший со времен матриархата. Он работает, доводя свою вещь до состояния священной глыбы, объекта, природной, древней, нерушимой. Кажется, что у его скульптуры можно производить религиозные ритуалы, посвящения, жертвоприношения. Мастер охвачен удивительными переживаниями архаики, интуициями о форме и темах своих произведений, Владимиров будто анализирует древнейшие неолитические стилевые идеи и приемы, снова и снова вдохновляясь ими.

В понимании автора произведение обладает не только качествами внешней монолитности, но и непосредственной интимностью, даже мягкостью и нежностью в детали, когда бережно раскрытая фактура камня гармонирует с обтекаемыми, плавно переходящими друг в друга формами.

Они умело и тактично акцентируются отдельно заостренными гранями, линеарной четкостью силуэта. В скульптуре открывается энергия роста, мотив нарастания формы, взаимодействия и взаимоперехода планов. Такое же движение оживляет самые освещенные места камня, вызывает ассоциации с дуновением теплого ветра, с дыханием человека. Тонко и сдержанно выявленное благородство материала тоже становится метафорой человеческого образа. Так же удивительно красив чуть-чуть холодноватый золотистый цвет бронзы, а спокойная, приглаженная, стилизованная лепка равномерно распределяет свет. Этот вызванный внешний и внутренний свет тоже постигает форму в ее полном пространственном бытии. Форма стремится застыть в идеальном состоянии эйдоса, шара, сферы. Ровное скользящее сияние света на сферических восходящих и ниспадающих поверхностях вызывает ощущения идеальной цельности и космического величия образа.

Сложная логика образности Владимирова, особая ритмика его скульптур обусловлены энергией и страстью художника открывать новые пластические соотношения, обнажать логос архитектоники, искать эффекты неожиданности и напряжения в скульптурных массах. Отсюда в его скульптуре – цельность, последовательность, логика, ритмическая организованность, весомость. Как в эпоху архаики, скульптура мгновенно схватывается глазами в единстве монолита. Силуэт осознается так же, как наглядное изображение внутренней структуры объема, его архитектоники. Тогда совпадают два пространства – собственное пространство скульптуры и окружающее пространство. Этим достигается осевая напряженность скульптуры в пространстве, весомое величие и убедительная вотивность образа.

Как у Генри Мура, у Владимирова скульптура утверждает могучую потенциальность пространства, его постоянную возможность ожить, расцвести в скульптуре. Как Генри Мур, он стремится связать в единое стилевое единство отдаленные, взаимоисключающие стилевые эпохи; ему не дает покоя одновременно любовь к предельно эллинизированной пластике Италии и любовь к грубой весомости сакральной пластики из истоков цивилизации: неолита, Мексики, Африки.

Человеческая фигура, красота обожествленного тела, ослепительная, нежная, у Владимирова всегда находится в каких-то спасительных эссенциальных пеленах. Такими пеленами укутаны фигуры в святых иконах. В пеленах малютка-душа Богородицы в каноническом изображении Успения. В пеленах длинное бездыханное тело Учителя в изображении «Положение во гроб» и «Не рыдай Мене, Мати». В ослепительных белых пеленах шагнул из темного мрака пещеры навстречу Мессии воскрешенный Лазарь... Начало жизни (младенцы в «Рождествах») и закономерный конец жизни отмечены этим пеленанием и белым сиянием, торжественным облачением, ими отмечены встречи и проводы души в этом земном мире. Теплое тело человека то выходит из них, облачается ими, то вырастая, снова прикрывается ими. Пелены, ризы у скульптора бывают иссечены, изрублены, будто длинным лезвием меча, достигая впечатления линейных складок на драпировках, как плоскостные условные изображения тканей в византийских иконах.

Это раны, драмы безжалостной среды, как шрамы и раны от клинка, нанесенные по живой человеческой плоти. Здесь максимально форсируются пластические акценты, где полярные силы вступают в конфликтные взаимодействия. В шероховатом, иссеченном страданием камне, в его неведомом коконе, в его пеленах прячется и сохраняется сокровенное тепло, тело, дитя, женщина, муза. И это так же похоже на рождение новой жизни.

Владимиров воплощает телесный идеал в драматическом соединении разъемов и расстояний. Человеческая пара, он и она, стянуты и намертво закреплены узами, узами в их сущностной зримой видимости в единое целое. «Ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность...» («Песнь Песней»). Художник находится в тревожных размышлениях о природе любви. Всесильный Эрос, то слабый и нежный, то грозный, иссекающий страстную силу, незримо присутствует в каждой его скульптуре. Его Эрос – это создатель, неусыпный творец красоты. И сила его несокрушима.

Художник, как работник в храме Аполлона, занят непрестанными поисками, высеканием, будто искры, красоты. Но красоты женственной, мягкой, светлой, в сознательном противовесе трагическому. Вечному трагическому образу суровой, но, увы, красоты воинской мистерии «Илиады», как раскаленной основы человеческой жизни, роковому двигателю любого становления.

Настоящее, пророческое и мужественное стремление к гармонии заключается в кропотливой и скрытой от людских глаз работе над созданием другой красоты и света, не обжигающих смертью, а тех, в основе которых лежит глубочайшая вера в человека. Не страх, а любовь, ее новая красота, более ослепительная, бесконечно боле мягкая, создается сейчас.

А в мастерской скульптора высятся глыбы нового камня – цветного, заморского, невиданного, радостного. Амазонит, желтый из Индии, мраморный оникс. Есть и такой, необычный, весь в таинственных фиолетовых ручьях в глубине сердцевины, которые прохладным духовным потоком пронизывают сакральную вертикаль человеческой фигуры. «В глубине этих мраморных глыб дремлют боги», – произнес Микеланджело. Я понимаю удовлетворение и счастье мастера, отлившего в вескую полноценную форму свою интуицию, свою веру, труд всей своей жизни, и свою Любовь.

Дмитрий Корсунь,
художник.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке и в оформлении номера – скульптуры Алексея Владимирова.
Дата выхода в свет 28.02.2020 г.

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Заказ № 186.

Тираж 2800 экз.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Поэтические спецвыпуски журнала стали уже традицией. Каждый поэт – это целый мир, в котором раскрывается его душа – от самых тонких эмоций и чувств до философских обобщений, размышлений о судьбах народа и взглядов на мироздание.

В этом номере представлен репрезентативный срез русской поэзии Украины начала XXI века, каким его видит поэт, автор-составитель Дмитрий Бураго. Вот уже более четверти века он выпускает литературно-художественное издание «Соты» и научно-художественный журнал «Collegium». Д.Бураго отмечает, что «продолжая традиции неразрывного сосуществования с украинским словом, преодолевая наносное и пагубное в исступленных хлябях нашей повседневности, русский стих становится ощутимой платформой и для пронзительных взлетов в метафизику духа, и для бесстрашного погружения в языковые глубины бурно обновляющейся нашей речи». Вслед за Л.Н.Вышеславским, он уверен, что «и в бесчисленных публикациях в отечественной прессе, и по всему миру, русский стих Украины определенно состоялся как явление. Теперь дело – за осмыслением».

Журнал «Веси», выполняя главную свою миссию по сохранению и развитию русского языка во всех его проявлениях, представляет сегодня авторов русской поэзии Украины.

В журнале представлены и творческие идеи Алексея Владимирова, воплощенные в скульптуре. На обложке – памятник «Редкая птица», идея установки которого принадлежит также Дмитрию Бураго, которую он вынашивал с конца 1980-х годов. Дмитрий поясняет, что скульптура символизирует не только могущество Днепра, но и «трагическую судьбу меж левобережьем и правобережьем».

Работы Алексея Владимирова словно дополняют поэтические мысли и образы авторов стихотворений.

Итак, мы приглашаем наших читателей соприкоснуться душой с поэтическими образами, познакомиться с новыми авторами и их творчеством.

Татьяна Богина,
главный редактор.

ВЕСИ

№ 1 (159)` 2020
январь-февраль

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

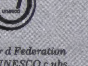

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

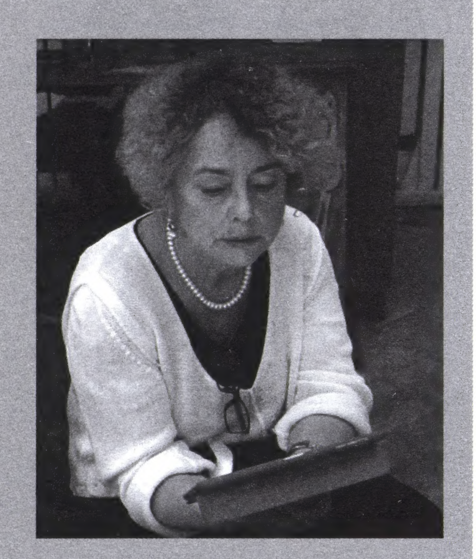
РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

ИРИНА ЕВСА

Родилась в Харькове.
Окончила Литературный институт им. А.М.Горького.
Член Национального союза писателей Украины.
Член международного Пен-клуба.
Поэт, переводчик, составитель множества книг и антологий.
Автор тринадцати поэтических книг.
Публиковалась в журналах «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Радуга», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Человек на земле», в альманахах «Стрелец», «Союз Писателей», «Новый Берег», в различных сборниках и антологиях.
Лауреат премии Международного фонда памяти Б.Чичибабина, премии «Народное признание», конкурса «Литературный герой», премии журнала «Звезда», премии Н.Ушакова.

ХОР НЕСОГЛАСНЫХ

ГЮЛЬЧАТАЙ

За идею? Вряд ли. Даже — не за еду.
Но мечтала с детства в райском летать саду.
Тут — чумичка, косая челка.
А там — райская птичка, майская пчелка.
Повстречались добрые люди,
пожалели ее, холопку,
сообщили добрую весть:
мол, пояс волшебный есть:
нажмешь на кнопку —
и вот тебе рай на блюде.
И когда мобильник ей приказал: пора! —
из нее на волю брызнули (как с утра
толпы из электричек)
сотни пчелок, птичек:
все багряные — земным не чета,
каждая — Гюльчатай.

ЭВРИДИКА

Он видит стен шершавую белизну,
пустую койку, немолодой четы
фото и — чуть левее — свою жену:
в платье из темно-серого полотна
она сидит на стуле спиной к окну.
Он видит контур, но не ее черты.
«Это не тот, не тот! — говорит она. —
Где, недоумки, родинка возле рта?»
Ей говорят: «Вот».
Она кричит, раскачиваясь: «Не та!
Пусть он уйдет!»
Грачи в больничном вспархивают дворе.
Не тот стоит и думает: «Помнит хоть
родинку. Это, вроде бы, добрый знак».
Жидкую прядь сдувает с виска сквозняк.
Врач говорит вполголоса медсестре:
«Надо бы уколоть».
И он выходит, чтобы не видеть, как,
дернувшись, словно сбитое на лету,
тело не той обмякнет в чужих руках,
из оболочки высвобождая ту,
что всякий раз беззвучно за ним скользит,
растерянно тормозя
у двери, где светящееся «exit»
читается как «нельзя».

* * *

Юность одержима, как мятеж.
Всё в пандан — бандана, балаклава,
все зачтется, чем себя ни тешь:
свергнутый родительный падеж,
смертью перекормленная слава,
бытие, обернутое в трэш.

Пуля — дура. Комп с разбитым ртом.
Врассыпную — треть клавиатуры.
Шрам зарубцевался на плече.
Под штормовкой — маечка с принтом
Че Гевары или Че Петлюры —
не имеет, собственно, значе...

— Что трясешься? Хватит — о тепле.
Я вчера — пошарь, короче, в сумке —
стырил в супермаркете коньяк.
Мяч у нас. Оле-оле-оле!
Если окружили эти суки,
есть, чем отстреляться, на крайняк.

Нам придется встать спиной к спине.
С тылом в этот раз не подфартило.
Гребаный не сбылся Голливуд.
Ты чего, чувак, повис на мне?
Как всегда, патронов не хватило.
Хоть сказал бы, как тебя зовут.

ЛЮБОВЬ

И она лопочет, не поднимая глаз,
к мусорному ковыляя баку:
«Не посылай мне, Господи, в этот раз
ни кота, ни собаку,
ни мужика: все спать бы ему да есть.
Дай управиться с тем, что есть».
Огибает лужу с голубем по кривой
И видит его.

Он ворчит, к помойке яростно волоча
сдохшую батарею:
«Западло платить врачам этим сволочам.
К яме бы поскорее
без приблудных тварей и сердобольных баб
самому доползти хотя б!»
Отдышавшись, в бак закидывает старье.
И видит ее.

— Нет, не может быть, чтоб это была она —
в заскорузлой шапке, в тапках, дугой спина!
и ползет зигзагом, словно с утра под мухой.
К слову, я частенько ей наливал вина,
в угловом раю на улице Веснина,
ну, когда она еще не была старухой.

А она, забыв про свой сколиоз, артрит,
по двору плывет, точней говоря, парит

(подбородок вздернут, плечи — назад), срывая
с голубых кудряшек вязаную фигню,
потому что может, ясно же и коню,
не узнать ее, как позавчера в трамвае.

ГОСТЬ

Не собирался — его попросили: сфоткай — чего там! —
так, чтоб вместился дельфиниум синий, льнущий к воротам,
или вьюнком оплетенная сетка, жимолость, или
из белогорского камня беседка в греческом стиле.
Он, между тем, закипал, презирая кнедлики с водкой,
сад как сиротскую копию рая, пошлое «сфоткай»,
сих болтунов, с кругозором козявки, склонностью к ляпу
и на бедре белозубой хозяйки хамскую лапу.
Брезговал каждой ухоженной грядкой, каждою соткой,
пьяного бабника мордою гладкой. Надо же: «Сфоткай»!
Но попросили — и сдался, гоняя их от сарая
к бане, намеренно фон оголяя: вот вам — сырая,
в пятнах стена, неприглядная груда утвари ржавой,
словом, — задворки удачи, откуда все вы, пожалуй.
Злился, что лавку поставили криво, сели неловко.
И сгоряча не смахнул с объектива божью коровку.

ПОДРУГИ

...а Людмилка теперь — улитка. Во тьме ночной
по бетонке ведет узор слюдяной слюной,
вычисляя дневное сальдо,
на бескостной спине качая свой сундучок:
вдруг какой-никакой приклеится слизнячок,
невзыскательный бомжик сада?

...а Марго — не жена ни разу, а стрекоза.
У, зараза! Опять с утра залила глаза:
на шиповник садится косо.
Проползают по стеблю глянцевые жуки.
Но зачем ей сиюминутные мужики,
их щипки, если есть «колеса»?

...а Настюха мухой носится по двору,
прибирая к лапкам вкусное, подобру —
поздорову слинять не хочет.
Увернувшись от настигающего шлепка
мухобойки, под холку лающего щенка
занырнув, — дребезжит, щекочет.

...а вдоль крыши горизонтальные кружева
растянув, из дыры выходит чернеть вдова
(мол, арахна я, ну и ладно!),
и тринадцать пунцовых клякс предъявляет на
опустевшем брюшке, не ведая, что она —
урожденная Ариадна.

Все четыре привычно день обживают врозь.
Но как только последний луч попадает в гроздь,
в тын, что жимолостью исколот,
тени женских фигур к некрашеному столу —
волоска не сронив, следов на сыром полу
не оставив — текут из комнат.

«Где Людмилка? — Бурчит Марго. — Эта шлендра где?»
Черепками закат горит в дождевой воде.
Ариадна бесстрастно вяжет,
языкатой Настюхе делая знак: молчи!
Точно зная, кем хрустнул мокрый башмак в ночи.
Но, сглотнув, ничего скажет.

* * *

«Не бросай меня, — прижимается, — будь со мной.
Будь моей опорой, крышей, моей стеной...»
Он кривится: «Боже,
поменял бы Ты назойливый звукоряд!
Столько баб на белом свете, а говорят
все одно и то же».

Тьма слетает в сад бесшумно, как нетопырь.
Отсыревший воздух, резкий, как нашатырь,
заползает в окна,
и зрачками волка
две звезды горят, насаженные на штырь.

Он снимает ее ладонь со своей груди.
ну давай: обличай, долдонь, городи, гунди —
все равно уеду
из югов твоих — горели б они огнем!
Под кроватью — сумка, паспорт на дне, а в нем —
мой билет на среду.

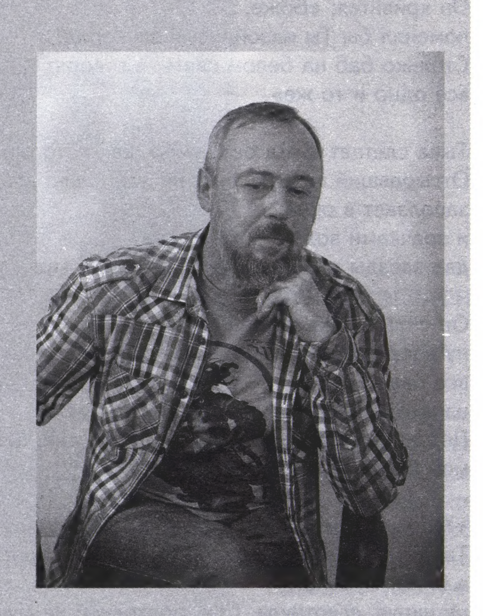
«Ха! — глумится она, — твой паспорт и впрямь на дне.
Тащит краб его в зубчатой, кривой клешне,
а билет мурена,
не икнув, сглотнула. Спи, болтовней не мучь.
На крючке — халат. В кармане халата — ключ.
Дверь снесешь? А хрена!»

Так полвека они, уставившись в потолок,
продолжают в ночи мучительный диалог,
губ не разжимая.
И когда она вдруг смолкает часу в шестом,
он толкает ее, спеша убедиться в том,
что она — живая.

АРБУЗ

Прижимает к арбузу ухо, вслушиваясь: трещит?
То подбросит его, как мяч, то к сердцу прижмет, как щит.
Простукивает бока:
не сорвался бы кайф с крючка. Иначе зачем — подшит —
лихо стольник стянул с лотка?
Подгребает, спеша, к пивной базарная шантрапа.
У татар перерыв дневной: бурлит в казане шурпа.
Нож дадите? Галдят: уйди!
Разбивает арбуз о камень. Лучший берет кусок.
Грязноватыми ручейками липкий стекает сок
по его расписной груди.
Обогнув лежаков ряды, где дремлет народ, сопя,
или режется в дурака,
он врывается в твердь воды, впускает ее в себя:
он хочет — наверняка.
Пролетая, монетка света, вдруг подмигнет, слепя,
и нырнет в глубину зрачка.
Никаких уже либо-либо. В логове бытия
он лежит у придонной глыбы, чистенький, как дитя,
ловит время открытым ртом.
А над ним проплывает рыба с розовым животом,
влажно семечками блестя.

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

Украинский поэт, живущий и работающий в Киеве, пишущий на русском языке. Автор 12-ти книг стих отворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике. Лауреат «Русской премии», премии «Antologia» за высшие достижения в современной поэзии, премии журнала «Новый мир», Международной Волошинской премии, премии журнала «Интерпоэзия» и др. Стихи переведены на украинский, польский, белорусский, английский, немецкий, французский, нидерландский, финский, грузинский, сербский языки. Главный редактор журнала о современной культуре «ШО», координатор Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры», один из основателей украинского слэма.

* * *

Земля шевелится, шелковица цветет,
внутри себя цветет и опадает,
и мастер йода собирает йод,
и мастер крови на бинтах гадает.

Цыганский табор под землей живет,
он свадьбы празднует и лошадей ворует,
и мастер йода собирает йод
и в Бабий Яр гостинцы серверует.

Земля шевелится, и превращаясь в квест,
выходит дядя Яша с черной скрипкой,
и тишина, как духовой оркестр,
из ямы поднимается с улыбкой.

Все зубы золотые, все шары,
все тапочки балетные от спама,
все пастернаки вышли из игры
и всех убили, даже мандельштама.

Сбегает дождь в резиновом плаще,
земля шевелится, не разбирая флагов,
а полицаев не было вобще,
примерно так, как не было гулагов.

* * *

Когда приходит зима — огромный белый каюк,
необходимое зло:
певчие птицы не улетают на юг,
потому, что им — взападло.

Вот соловей, чей раздвоен зоб,
чьи перья, как чешуя,
ложится в скворешник, как в птичий гроб,
вот так отдохну и я.

А вот канарейка ушла до весны —
в себя и поет псалмы,
и солнце висит на крючках блесны —
морозное солнце тьмы.

Вот пеночка, звонкая, словно медь —
в берлоге, на самом дне,
и ей улыбается бог-медведь,
забывшись в мохнатом сне.

И вновь, в постылую тишину,
подбросят свой уголек —
щегол, согревая людей в плену,
крапивник и королек.

ДРУЗЬЯМ

Быть голосом, которым не поют,
и на него не отыскать управы,
быть голосом, который узнают
и подражают люди, звери, травы,

и птицы носят у себя внутри
слепые и надломленные зерна,
я голос твой, не слушай, а смотри,
и вкус его прокручивай повторно.

Ни блогосфера, ни блатная тварь
не помешают твоему молчанью:
я голос, я буквальный, как букварь
пустых страниц в эпоху одичанья.

Я просто жил с тобой в одной стране,
в прекрасное мгновение распада,
и этот голос, знаю точно — не
для первого и для второго ряда.

* * *

Веронике Долиной

Засадой новизны я выпущен из лука,
и скорость тишины — страшней, чем скорость звука,
и я теперь лечу от кори и бронхита,
лечу, куда хочу и смерть моя убита.

А что осталось вам — полынь да чечевица,
и как сказать словам глазами очевидца,
подольские холмы и майские апрели,
где замерзали мы, когда с тобой горели.

Приподнята весна за память о домкрате,
и эта новизна в больничном масхалате,
мы все предрешены, наш супер-клей — разлука,
и скорость тишины — страшней, чем скорость звука..

* * *

Ахматовский сорняк, ты рос на этих строчках,
не думая о кубках и призах:
сизифы в камнях, в печени и почках,
архангелы кровавые в глазах.

Когда ты воздыхал над яблоком позора,
трехлапою водой обласкан и подмыт,
и удлинялась степь, и плакала рессора —
от топота копыт до топота копыт.

И этот первый снег честнее листопада:
поверишь — упадешь, полюбишь — залетишь,
и надо понимать, что всех спасать не надо,
скребется на душе диснеевская мышь.

Спокойно улыбнись, ведь все на свете — шутка,
на пепельном ветру ты наизусть забыт,
и пауза в тебе, как дочка промежутка —
от топота копыт до топота копыт.

* * *

Сквозь натяжные потолки, сквозь небо из вискозы:
не обманули — протекли — медведки и стрекозы,
они цеплялись на лету за корни и за ветки,
чумной валет, бубонный туз, стрекозы и медведки.

И я осматривал стихи, как женщин, не читая:
вот — грудь, вот — бедра, вот — духи (флакончик из Китая),
чуть-чуть Целан, щепоть Прево, Вергилия мокрота,
и в этом было противо естественное что-то.

Скрипит невидимый батут, предчувствуя интригу:
тебя из книги обретут и похоронят в книгу,
ты будешь слово и число, под спудом и наркозом,
опять медведкам повезло, не повезло стрекозам.

* * *

Я изобрел велосипед и подарил его калеке,
калека — это мой сосед по глобусу, по ипотеке,
два круга и стальная цепь, сварная рама в паутине,
а между ними — степь да степь блестит, как масло на картине.

Пускай в прихожей повисит, один, рассчитанный для многих,
был православный — стал хасид и враг безруких и безногих,
на спицах шерсть — связать строку, распущенная, молодая,
и просыпаться по звонку и жить, седла не покидая.

О, кровь-любовь-морковь-коня и тишины цветной подстрочник:
чем больше эхо от меня — тем меньше ссылок на источник,
и несгибаемый герой еще мечтает о победе —
за синим морем, за горой, за водкой на велосипеде.

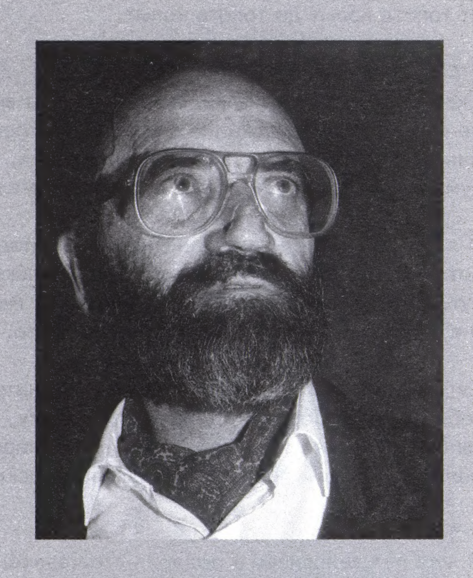
* * *

Стол, за которым сидит река, два старика на одном причале,
сыр — это бабочка молока, смех — это гусеница печали,
что происходит в твоих словах: осень, чьи листья,
как будто чипсы,
тьма — это просто влюбленный страх, это желание излечиться.

Мы поплавками на сон клюем, кто нас разбудит, сопя носами,
волк, заглянувший в дверной проем, окунь с цветаевскими
глазами,
звон колокольчика над волной, новой поэзии сраный веник,
мир, сотворенный когда-то мной, это отныне — пустой
обменник.

Вот он стоит на исходе лет, шкаф, предназначенный
быть сараем,
в нем обитает один скелет, судя по библии — несгораем,
пьет и отлеживает бока, книги — рассыпались, одичали:
сыр — это бабочка молока, смех — это гусеница печали.

В

Поэт-шестидесятник, журналист, музыковед. Автор свыше ста поэтических публикаций в литературных журналах, альманахах, антологиях. Лауреат литературных премий «Планета поэта» им. Леонида Вышеславского, Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских. Член Национального союза композиторов Украины (секция музыковедов). Не состоит и не состоял в литературных союзах, ассоциациях и других подобных объединениях. г. Киев.

ИГОРЬ ЛАПИНСКИЙ

Тяни паучок тяни
Серебряную нить
Из глубины нутра
Из самых последних сил
Звенит напряжена
Невидимая связь
Тяни паучок тяни
Не прерывай луча
Толпа в миллион завитков
Запутывает нить
Десятки сотни раз
Рвется кончается жизнь
Десятки сотни раз
Снова и снова начни
Тонкими лапками ткать
Тяни паучок тяни

Ночной пейзаж
Запудрены прически
деревьев
пылью.
По ним ладонью жесткой —
ветер...
вкус полыни...
Полыньи неба, полыхая,
пьют белую пену —
это ольха полиняла
как северянка в плену.
Листья ее дрожат в ознобе,
туникой шуршит кора,
а ветер, пропахший протухшим озоном
листает часы как Коран;
и где-то гвозди забивает дятел,
и кто-то по листьям бежит...
Волокна зелени во времени длятся,
и с ними восход брезжит.
Закат — червонный.
Закат — червьиный
чирьем чирьит.
Чирикает на черемухе черный чиж,
а в небе —
матчиш.
То облака мечутся,
а из травы —
мечи?
Нет —
мечики.
Тшшш...
Шипит
тишь.
Камни на колени стали.
Колени как кони из стали.
Стелятся мухи мхами,
а мхи мухами.

Под мехами ветра замахали
мельнично-крылые ветви: нет! нет! прочь!
Но ветер швырнул их в ночь,
и лучи ночи проглотили...
и стволы заныли, глотая листья.
Где-то звонили,
и
походкой лисьей
пробежал ливень.

Экскалибур
Ты врос в камень
и пьешь кровь
сто лет
и тысячу лет с хвостиком
сосешь кровь —
Кбледвулх, Кблибурн, Кблибурнус.

Взявшись за руки,
я пятилетний и я семидесяти трехлетний
очень коряво и медленно, как одышка столетий
поднимаемся,
все поднимаемся, к тебе
меч-камень
Кбледвулх, Кблибурн, Кблибурнус.

А кровь все течет и течет и обмывает нам ноги,
и листики порея, и подорожника блеклые цветки.
Течет и течет как жидкий пепел небес,
как алая ртуть, как пауза палача
течет эта кровь и обмывает наши шажки.

А вот и лужа, но как тускло
как тускло отражается в ней солнце, почти никак,
и невозможно знать —
скольких миллионов эта кровь,
и сколько их будет опять.

— Дедушка, дедушка, я пить хочу!
— Потерпи, малец, потерпи, скоро увидим, скоро придем.

В раскаленный как вспышка Хиросимы полдень,
увязая в гальке и в жизни начале, и в жизни конце,
дедушка, он же и внук,
доколупали шажками пчелиными,
дотерпели до тебя, наконец-то,
Кблибурн, Кблибурнус Кбледвулх.

Рыжее глазное яблоко —
камень
плешивый, в коросте лишайников,
а из зрачка торчит меч —
именно этот меч, блестящий, тысячелетний:
слезает, осыпается ржавчина
и добавляет наросты лишайников.
А меч звенит от солнца,
а меч кроваво поет.

— Дедушка, можно попить этой красной водички?
— Зачем тебе кровь, малец, не пил я ее никогда.
Кроме крови растений, кроме крови стихов,
кроме крови бушующих
скрипок.
Глазами, ушами и даром воображения я пью эту кровь,
я ею питаюсь:
смотри, видишь, — там водопад забвенья, и я уже в ладонях воду несу тебе, пей, чтобы я забыл себя и, одновременно, помнил тебя, чтобы Я-ты прожил иную жизнь.

Слушай, ласточка горная, уронившая дальнее перо, скажи:
зачем мне-нам меч этот сверкающий ржавой
кровью, зачем?
Этот символ чести в мире без чести, зачем он мне-нам, зачем?
В мире, где правые все равно не правы, а равные все равно
не равны,
зачем?
Уходим отсюда в прошло-будущее,
Уходим, уходим, уходим.
Безвозвратно уходим отсюда,
в прошло-будущее —
туда где тень.
Где тень меча и тень креста
кровотекущие
спеклись воедино в облаке заката
над горизонтом
реющие
едва, едва...

Название меча короля Артура Экскблибур (Эскблибур) по-видимому происходит от валийского Кбледвулх (валл. Caledfwlch), в котором скомбинированы элементы caled («битва») и bwlch («нарушать целостность», «разрывать»).

Притяжение.

ТИНА АРСЕНЬЕВА

Член Национального союза кинематографистов и Национального союза журналистов Украины. Выпустила три поэтических сборника: «Путь и дом», «Луна в колодце», «Под открытым небом». Стихи публиковались в разные годы в журналах «Дружба народов», «Юность», «Октябрь», «Радуга», «Южное сияние»; альманахах «Меценат и мир», «Соты», «Дерибасовская – Ришельевская».
г. Одесса.

МЕМЕNТО

Зачем-то помнится селенье,
В котором я была — чужая.
Был час: что утро — обновленье,
Что вечер — праздник урожая.

И был мой сноп: к былью былинка, —
Из диких льнов, что шли волнами
На склон, где ныл ожог суглинка
Под серафическими льнами —

На грудь холма: на всхлип гобоя
В тоске его непревзойденной,
На счет, не ведающий сбоя, —
На рьяный стрекот полуденный.

Там августова пульса ритмы
Под зарукавьем пышно шитым
Пошли вразнос в метеоритном
Ударе яблока о шифер.

Холмы не знали перевала,
Поля не ведали предела, —
Я в тех краях заночевала
И не жила, но лишь глядела,

Не выровнена по рейсшине
Долгов державе и общине, —
Таращилась, как лен в кувшине,
На краткосрочной дармовщине.

В те дни, не числя дня и года:
Сколь дадено — мои задаром! —
Каникулярная свобода
Малиновым бурлила варом.

Свистел, в ладу с моей тоскою,
Зеленый рак в придонной мути, —
Ведь я, исчадье городское,
Страды не знала: сиречь — сути,

Как высший балл за поведенье,
Как тайные приметы клада
Нося отметины паденья
С велосипеда в дебрях сада.

Там сонный гром бурчал сварливо
И тополя росли сплоченно,
Крутые скулы ранней сливы
Там багровели обреченно.

И отроческий пыл мятежный,
Отшлепав оттиски босые,
Навылет шел в чернильный стержень,
Оправленный в перо гусыни.

Те дни — небес благоволенье.
Тем дням — цена договорная.
Звеня, синеет в отдаленье
Холма полива расписная.

С охапкой льнов прохладный глечик
Там был древней, чем стих Гомера,
И на распутьях друг кузнечик
Не запускал секундомера.

НЕМНОГО

Рыбки вильнувшая спинка
В мутной реке.
Дня золотая крупинка
В сером песке.
В старом бурьяне тропинка.
Быстрые взгляды — запинка
На языке...

БЕРЕГ

И пошел отсчет последних дней
О медвяной Спасовой поре;
Мелкой дрожью рейдовых огней
Горизонт ответствует жаре.

Но ее заржавели тиски,
И шалашный рай идет на слом,
Где бульвара гулкие бруски
Метят бриз октановым числом;

Где геенны красное стило,
Очертив, обуглило слегка
Сросшиеся в синее крыло
Над колодцем солнца облака...

Спасовый успенья обиняк!
Бережный искус последних крох...
Душной ночью мчится молодняк
Урывать Эдема смертный вздох.

И поди, ту песню оборви,
И смоги не знать наверняка,
Как недолги радости любви,
Но зато печали — на века...

* * *

Где я была? Нигде, но где-то на земле,
Неважно, где. Ну, хмыкни и плечами

Пожми. — Но знай, не стать моими палачами
Моим годам, и хлеб не черствый на столе.

А я прониклась вдруг, что выгляжу смешно,
В конечном счете, что живу небрежно, —
Для тех же, кто любим, приберегаю нежно
Нездешний терпкий дар, кастильское вино.

А ты, свой проложив фарватер бытия,
Не трать напрасно лоцманских усилий
На бедный блудный челн, чей вызов бурям сивым
Беспомощен и зол, как вымпел: «Я есмь я!»

Куда стремлюсь? Небось, куда и все. Жива,
Да невпору. А если ты умелец
Жить — все равно: давай — за крылья мельниц...
Как пьет из ран земли сезонная трава.

* * *

A time to be reaping,
A time to be sowing...

На последней заставе прохладного детского рая
Мириады секунд, утрамбованных в горстке песка,
Попирает ребячья стопа, и земля не сырая,
И нисколько не хочется верить, что осень близка,

И навыкшей душе не без умысла нынче не внятен
Тополиной мольбы шепоток, огорчающий высь.
На песчаной околице рая несчитано вмятин
Человечьих следов, и не вдруг разберешь: «Лето бысть»...

То-то — было, но, как говорила мне бабка, на воды
Помочился, коней придержав, громовержец Илья...
Прощевай, раеванье! Пески всем разводьям — разводы
Объявляют, и певчие птицы не имут жилья.

Вот и год, отзвенев, черепковым ложится Трипольем
В недрах памяти: было ли, не было, — ржавы ключи!..
Вот и вся эта жизнь уместилась в размахе топольем,
Вот и вся наша мысль промелькнула зарницей в ночи.

Вот и вся тебе, значит, баллада о зелени лета —
В шатком коловращеньи, в уколе алмазной иглы, —
Слушай, девочка, сызнова, слушай: нища твоя лепта
В эту правду, — ты слушай, во тьмы израстая из мглы.

В тьмы и в темы людские — но, теменем, долго и тщетно,
В недоступные, взапуски с тополем, выси всходя,
Слышишь, девочка, слушай, — о, небо к послушливым щедро! —
Поминальный канон в бормотаньи листвы и дождя.

КАНУН

В перестуке — зуб-на-зуб — электричек подземных,
В преисподнем их скрежете — чисто зубовном, —
Я гляжу и молчу: вдруг привидится зелень
И, по гриву в ней, зебры в восторге любовном.

Не взыщи, соврала, — не всплакнула ни разу
Над изыском жирафьим в заоконную непогодь.
Нам, и в недрах всезрящему вверенным глазу
Майкрософта, и травку измыслить-то некогда.

Перестук — в пересчете: то ли рельсовых стыков,
То ли нас, ненаглядных, и наших деяний —
Для судов и торгов. Лишь вальяжные тыквы
Где-то нежатся в кротости солнцестояний.

Как созреют, их тоже снесут на базары:
Мы, славяне, заварим вселенскую кашу;
Нами метко плюет преисподняя заверть
Из конвейерных пастей — прям в родину нашу.

Мы, в вертушках юля, как на отмели рыбки,
И теснясь, как на нерест, — рванем врассыпную
В небывальщину: в заводи лета, на рынки,
Где днепровские ведьмы — Христа одесную —

Вяжут метлы душистые «на маковія»,
Вороха чернобривцев медами застроив,
И до дупы нетленье им Киева-Вия
В мерзлоте и как звали тех братьев-героев!..

ЕККЛЕЗИАСТ

Видеоклипы вседневных забот,
Ум завлекая обманкою смысла,
Застят костер над бескрайностью вод,
Глушат цикаду на краешке мыса.

Жизнь регулярна. В рассоле макрель
Нежится после соленой пучины,
И по весне соловьиная трель
Подчинена тяготенью причины.

В благости ливня и пахота — грязь.
Все, что гонимо, и все, что хранимо,
Годы стасуют; лишь смерть отродясь
И несомненна, и неотклонима.

Радуйся — нынче она не твоя,
Пусть бы и змий по Эдему елозил, —
Если корпит над ларцом бытия
Неугомонный кузнечика лобзик.

Ты, небожитель на краткий присест,
Земли в машине объяв окрыленной,
Удостоверься: они — палимпсест,
Да и притом не однажды скобленый.

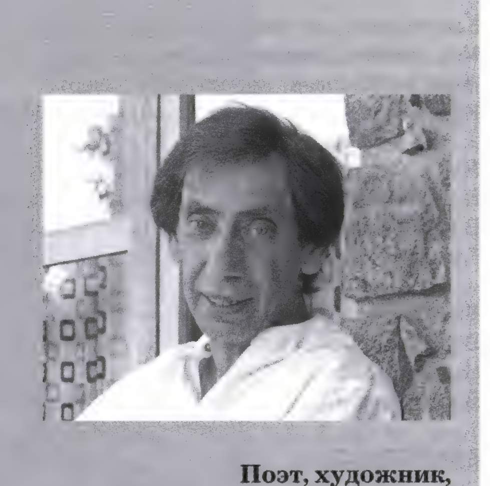
Радуйся миру в родном уголке,
В банк твоих знаний приняв пополненье:
Мышь, егозящая на поводке,
Да не подточит твое самомненье,

И да продлится выносливость шин
В дивном знакомстве с юдолью изгнанья.
Пей же, пока не разбился кувшин,
В дар от лозы и от кладезей знанья.

Нет, не ревную твою правоту.
Вам ли, кто книгами Числ озабочен,
Страшен сей фикс про сует суету,
Изобличенный как вирус обочин.

Но, мирозданья читая чертеж
И превзойдя толкований каскады,
Мудрость, о, юноша, приобретешь,
В полдень расслышав хронометр цикады.

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Поэт, художник, путешественник, автор более 20 книг стихов, прозы и эссеистики, среди которых: «Пир», «Книга», «Крымский диван», «Адамов мост», «Ее имена», «Человек и другое». Лауреат нескольких международных премий. Родился в Киеве в 1959, окончил филологический факультет Черновицкого университета, работал художником реставратором монументальной живописи в церквях и монастырях Украины. В середине восьмидесятых создал в Киеве авангардный театр «Нольдистанция», в девяностые – периодическое литературно-художественное изделие «Ковчег». К 2000 году – архитектурный проект метаигрового города-лабиринта (Германия). В середине 2000-х – автор проекта и руководитель клуба свободной мысли «Речевые ландшафты» и главный редактор альманаха современной литературы «Фигуры речи» (Москва). Живет в Индии и Германии.

* * *

У каждого свой лес. Особенно дойдя
до середины сумрака. У Кафки — тот,
где он сказал: сомнительно родство
с людьми. Биологическое разве что.
Мне кажется, в моем лесу и этот вздох
уж выдохнут. Как и другой, другого:
живя в аду, не жалуются. Нет здесь
ни ада, ни родства, ни жалоб. Помнишь,
друг в друга по утрам мы вглядывались:
«кто ты?», и смущена улыбка. «Где мы
живем с тобой?» — ты спрашивала так,
что было счастье нам хотя бы оттого, что
было откуда спрашивать. В одном, скажи,
из тех миров возможных. Как по-детски,
беспечно и светло, и страшно это сочетанье
слов. Они сочлись. И некого спросить —
ни кто, ни где. Песок, шалашик слов
и ветер — вот и весь возможный мир,
и тем роднее он, чем в нем однее. Рай.
Ну да, животных много. Общественных,
переходящих в жертвенных. Поговори
со мною. Больше не с кем, тут собеседника
молчанью нет. Одна отрада — мертвые и не
рожденные еще. Вот весь огонь в камине.
Знаешь, лег вчера, свет выключил, не сплю,
и вдруг — не чувство, не мерещится, а так
и есть — мое лицо исчезло. Но не маска
и не зиянье там, а призрачной пыльцой —
лицо отца. Мое. С того давно уж света.
О было бы оно развернуто ко мне! Но нет.
Простил? Не знал, что думать, не решаясь
его рукой потрогать. Не дыша, уткнувшись
в лицо его. Как блудный сын — в ладони.

* * *

В тюремном дворике души
гуляет разум.
Дыши-дыши,
не надышишься.

Ах как она застенчива, душа-
застеночек.
Бежать-бежать,
да не набегаешься.

А обернешься — ни добра, ни зла,
ни дворика.
Ах весна-весна,
руки за спину.

* * *

Живу я в Мюнхене на Изарекштрассе.
Изар — местная речка, эк — угол,
но реки тут, кажется, отродясь не было.
Улица тихая. Липы, акации, булыжная мостовая.
Дома невысокие, разноцветные.
Этаж у меня нулевой,

выходящий во внутренний дворик с садом.
Птицы, белки, куница. И коты.

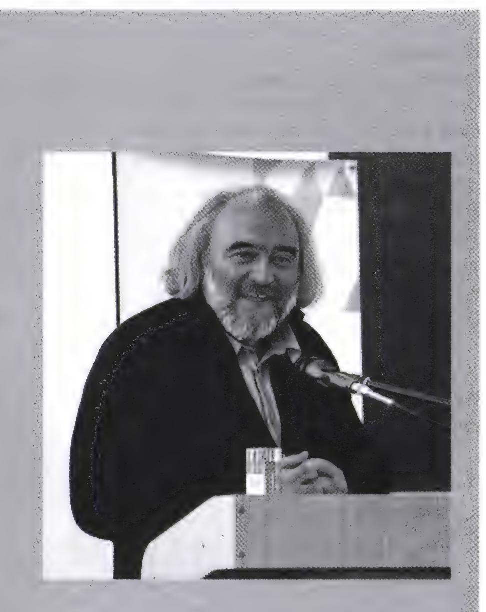
Слева — живет Герта,
медсестра, рукопашной комплекции.
Отец ее был в гитлер-югенд,
в первый же бой вышел навстречу врагу
с поднятыми руками.
У Герты — сын от неизвестного мужа
и два любовника — оба Вольфганги.
Ходят к ней в будни попеременно,
а по праздникам — вдвоем, в обнимку.
Первый Вольфганг,
жизнерадостно худенький,
который без одного легкого,
помогал мне с выставками, возил картины,
вместе развешивали.
Потом он кнайпу открыл неподалеку —
маленький пивнячок,
и без следа растворился в нем.
А второй еще раньше исчез.
Тем временем сын Герты,
карапуз Кристиан,
вымахал в двухметрового светлокудрого увальня
и женился на маленькой невзрачной польке,
родившей ему двоих,
которых они поделили,
когда она его, образцового мужа и трепетного отца,
бросила.

Справа живет седовласая хризантема,
под девяносто ей, немка, фамилия — Пятерик.
Семья ее погибла в аварии.
Больше у нее никого нет.
Мы ходим под ручку с ней до аптеки.
Со скоростью улитки.
После каждого шага, она шепчет: данкешен.
Ночами ее тревожат призраки,
она указывает пальцем на розетки в стене:
оттуда.
Раз в неделю я перекладываю ей матрас —
голова-ноги.
Угощает конфетой.
К ней ходит на дом парикмахер,
омолаживает ее
до трогательной мужеподобности.
Ест она, как и подобает цветку.
И клонится к заходу солнца.

А на моем кожаном диване, на веранде,
лежит Андреа,
девственница,
даром что только с виду.
За тридцать ей,
длинноногая, истерично одатливая.
Тоненько так поет, сохнет.
Говорит:
будем жить с тобой счастливо,
эротично-интеллектуально,
и вся дрожит,
покрываясь пятнами,
как карта контурная.
Я, говорит, открою маленькое издательство,
а у тебя, наконец, будет страховка медицинская.
И сворачивается калачиком под небом,
зябнет,
а с рассветом идет домой.
Выше этажом живет Урсула.
Девятимесячной,
еще до Октябрьской революции,
она была вывезена из Питера.
Первым мужем ее был немецкий композитор.
Погиб в расцвете.
Вторым — австрийский барон,
оставивший ей большое наследство и замок.
Третьим — жиголо, итальянец, все промотал и исчез.
Сын ее от первого брака в юности покончил с собой.
Я навещаю ее, помогаю по мелочам.
Как-то чинил у нее телефон,
вроде наладил, и говорю:
надо бы позвонить кому-нибудь, проверить.
И вот она долго листает ветхую записную,
испещренную меленьким почерком.
Этот, говорит, умер давно,
эта тоже,
и тот,
и на эту — последнюю букву — уж нет никого.
Alletot, говорит, все умерли, все!
И смеется —
так по-детски, до слез,
но беззвучно,
и остановиться не может...
Верней, не могла.

* * *

Вспомнил, как еще в брежневские времена,
работая реставратором, чтоб не сказать богомазом,
спал я посреди страны в Рождестве Богородицы,
прикрытой, как срамное место, свято-пусто.
Это чтоб не вставать чуть свет и на метро не ехать
через реку четырех согласных с редкой ятью,
долетевшей до ее середины, приволок я кровать
из отселенческих дебрей в Лавре, диванчик такой,
пахнущий базиликом, чтоб не сказать клопами.
Церковь была голой, и я был молод, оба мы
были внутри в лесах. А живопись — обмелевшая,
шелушилась, как рябь на реке под дряблым солнцем,
где-то там, за Никольской пустынью. Зачатия Анны
маленькая церквушка неподалеку, как и положено.
Там, из Дальних пещер, буду я выносить на руках
мумии: смуглые легонькие тела, ростом 1.40 — 1.50,
с живым выраженьем лиц и кожей, похожей на
корочку украинского хлеба. Илья Муромец, Нестор
летописец, Агапит, врач Ярослава. Я их в дворике,
огороженном, майском, клал на скамейки, тихих,
распеленывал, одежку их развешивал на веревке,
чтобы протряхла, а они лежали, смотрели в небо,
просто в небо — тем же взглядом, что оно на них,
облака развешивая на прищепках, обернувшись
через плечо. А на ногах — бирочки: Муромец,
Агапит... Вспомнил фамилию бригадира, он же
парторг: Честнейший. Такая фамилия. В Лавре
Почаевской, где мы несколько лет работали,
он строчил на меня докладные в Киев, что, мол,
позорю советский облик, вхожу в контакт
с монахами, ем и пью, и пою с ними, а с отцом
Валерием из окошка келии по ночам глядим
в телескоп и ведем беседы. Отстранял от работы
и отправлял в Киев с этой бумагой. Я и ехал,
но только во Львов, предавался радостям жизни
и возвращался, дописав размашисто под письмом:
Воспитательная работа проведена. Приступить
к работе с (такого-то). Начальник — Пилипонский.
Число, подпись. И шел за монастырским квасом
к дьякону. Сидели на куполе с ним, смотрели вдаль,
на поселок в несколько улочек, где в полупустом
сельмаге объявленье висело: круглые батарейки
выдаются в обмен на яйца. А чего вспомнил?
Бог его знает. Здесь, в Мюнхене, две эпохи спустя.
Да и кто там лежит в Рождестве Богородицы,
в этом дворике памяти, с бирочкой на ноге,
на кровати, пахнущей базиликом...

Поэт,
лауреат литературных премий,
автор девяти поэтических книг
и многочисленных публикаций
в журналах и альманахах
во многих странах,
в том числе и в переводах.
Главный редактор журналов
«Collegium», «Соты»,
«Язык и культура».
Кандидат филологических
наук, член НСПУ, издатель.
Живет и работает в Киеве.

ДМИТРИЙ БУРАГО

ПИОН

Есть в синем цвете красный брадобрей.
Есть в желтом — чернь. В зеленом — долгий омут.
Из тучных клубней тянутся бутоны
на ломких кисточках в лохматый белый свет.

Зажмуришься — и катится назад
цветочный шар переплетенных весен,
бунт красок переходит в буйство, жар,
сад воскрешен и ветер светоносен!

Кружит палитра омуты времен —
теряет страх и голову пион.

ВОЙНА

Украина — имя мило, горькое наречье.
Сколько судеб пригубила — похмелиться нечем.
За Дунаем солнце режет рваными краями
тучи жадные на межи с рвами та горбами.
Хорохорятся сестрицы — удальцы сподвигли
рукодельные зарницы запихнуть в глазницы.
Гибли, гибли — сколько цвета запеклось в отваге,
да такого, что ответа не сносить бумаге!
Да такого, что за Доном Солнце-кобылица
озаряет терриконам скошенные лица.
Воздух жирный, вороненый — что ни вскрик, то искра!
Как же это невозможно! Как же близко.

БУРЬЯН

Я, конечно, устал, и настолько явно,
что прохожая поддерживает меня под локоть.
Город катит к яру в закрытых ставнях
зубцами зданий, перемалывая страх в похоть.
Что ж неймется зрителям пирожковых,
что бурчат на парковках легальных, платных —
меня сводит за руку участковый
в подростковых прыщах и родимых пятнах
в подноготный оазис степного дола,
на пшеничный подиум стрекозиный,
где бессмысленна роскошь и кока-кола
с чадом тлеющей на крови резины.
А на всем участке встает картофель,
распуская белые узелочки.
Если сверху — то эта надежда — точка,
а приблизишься — бабы Марии профиль,
что стоит, сгорбившись во все поле,
ослепляя бурьян серебром сапки,
вишни и абрикосы за частоколом
воздевают ветви, ломают в руках шапки.
Кто мы, Господи, на экране этом?
Почему нетерпенье всегда безумно?

Почему так больно от света,
а на душе так сумно?

ПРИЗНАНИЕ

Я живу за счет тех, с кем душой не схож,
с кем молчу, за кого молюсь —
так за правду выстраданная ложь
повседневный выносит груз.

Так за каждым словом густится тень
коркой рифмы, слепым пятном,
наводя немыслимое на плетень,
чтобы свет сошелся на нем,

чтоб от неба близкого отлегло,
чтобы в памороке вины
не влетали факелами в стекло
беспробудной вражды огни.

Я живу пока на своей реке,
но сегодня не ровен час,
и приходит беспамятство налегке,
отмечая безумьем нас.

ВИТЕБСКИЕ СВИДАНИЯ

В.А.Масловой

От Даля до Шагала,
от Киева до Полоцка
ложится свет на полочки,
где книгам места мало.

Мы в промежутках ветреных
за шутками обнимемся,
и никакая мимика
не передаст смятение,

в котором мы расстанемся,
как будто ненадолго —
и до того состаримся,
что врать не будет толка,

и до того распишемся,
что в книжных полках станемся
березами и вишнями
и больше не расстанемся.

РАБЫНЯ

Мне причудилась рябина.
Мне привиделась икона.
Этот мир спасет рабыня,
что в молитве непреклонна,

что раскосыми ночами
изо всех надежд, испугов
обращает слезы в камни,
камни складывает кругом,

голыши и самоцветы
тельце к тельцу прилагая,
чтобы не было просвета,
не возникла мысль другая.

В малахитовом хитоне,
как в зрачке, клубком свернувшись,
то сверкнет, то монотонно —
причитания всё глуше.

Расцветает Божий щебень.
Разгорается рябина.
Всё на свете — шепот, щебет.
Этот мир спасет рабыня.

КОРОВА

Парное лето. Поле в запустенье.
Черкасские обрывы на сносях.
Сипят, гундосят в рыжем нетерпенье
степные слепни на рябых боках.

Коровий день медлителен до дрожи:
то мордой крутит, то разит хвостом,
то долго смотрит на одно и то же,
как будто поле ходит ходуном.

Потом придет усталая дорога,
родимый хлев, знакомая рука
и теплый сон за пазухой у Бога
с разводами парного молока.

МЫСЛИ

Бывают мысли тощие, циничные, спесивые,
их тянет в гости к прошлому, заросшему крапивой.
Им все что есть — убожество, и нету справедливости,
и отовсюду рожи — до дрожи, до брезгливости.

И эти мысли цепкие растравливают душу,
а в душу бьются ветки, с которых бьются груши,
а на душе распутица, стоят в слезах признания —
вот-вот они расступятся, завяжется молчание.

И в нем по глади пасмурной в глубинах неба топкого
пройдут бочком опасности, проглядывая робко,
обиды вскружат омуты, дрожа охолонутся,
ведь обижаться хлопотно, когда деревья гнутся,

когда от мыслей загнанных теперь одно терпение,
а у ворот бараны, и всё вокруг осеннее.
А за калиткой солнышко калиною лохматой,
и колются шиповником закаты виновато.

И нет уже раскаянья, есть только ощущение,
Что, где-то на окраине замешкалось мгновение.

Поэт, культуролог. Родился в 1968 г. в Киеве. По образованию – филолог (КГПИ им. Горького). Автор книг «Машины и озера», «Табукатура», «Река весеннего завета», «Чехонь», «Дважды река». Стихотворения публиковались в Украине, России, Белоруссии, Азербайджане, Германии, Сербии. Автор и режиссер поэтических клипов по мотивам украинской поэзии 1920–1930 х годов. Автор и ведущий радиопрограмм. Лауреат премии «Планета Поэта» им. Л.Н.Вышеславского, Всеукраинской литературной премии им М.Кириенко-Волошина, премии Николая Ушакова.

АЛЕКСЕЙ ЗАРАХОВИЧ

* * *

Ночных озер продолговатый звук
Как будто лодка, заступив за круг
Елозит брюхом о пологий берег

Левее вымостков, вот где-то здесь, внизу
Мой бедный друг на голубом глазу
В судьбу не верит:
— Несть низких и высоких берегов
Но глина с пузырьками мокрых слов
Чтоб воду петь, захлебываясь глиной
И ближе окуня с тигровой полосой
Лишь облако с серебряной косой —
...Кому как видно

Что за деревьями пристыжены огни
Трех дачных домиков и прячутся они
Лишь створи окон хлопают — и тихо

«...Была бы музыка»... А музыка была:
Транзистор пел — как яблоня росла
Чтоб всем хватило

— Что жаль мне тех, кого уже не жаль —
Как бы в себя врастающий кристалл
Невидимы. Чей оттиск так невнятен? —
Винильный шум изчерно-белых пятен
Шероховатость или тишина

...На подоконнике сутулятся коты
Луной подсвечены и медленно лоснятся
У каждого кота своя луна
А человек один, он спички ищет

И открывается зазор внутри окна
Где мухи спят на спинах, распахнувши
Хитиновые шубы, и в углу
Подсвечником с поджатыми плечами
Стоит паук и щурится во мглу —

Там рыба-дева все плывет ночами,
Сложив одежду в круглую волну
...И сны мальчишек мерзнут на причале

— Несть дальних жалоб и чужих даров
Но жажда, что ушла из берегов
Про воду петь, что прячется от жажды

...Как если б на коротком поводке
Вся видимость и ходят по реке
Святые баржи, говорю —
Святые баржи

* * *

Во глубокие берега
Да невысокие речи
Ходит Баба-Яга
На костры человечьи
Ночью быстрой сквозной
Ты ее не заметишь
Ставит рядом с тобой
Свои сети да верши
Рыбаки по старинке
Костры зажигают
Рыбаки по старинке
Себя утешают
— Нынче будет улов
Ни чехонь, ни плотвица
Будет сердце белуги
На вымостках биться
Участь примет свою
Заревую белужью
Встанет утренний пар
Над червленою лужей
...Что же ты, все ли снасти твои на теченьи
Или правишь на дно прямо в ямы сомовьи
Это выбор, поверь, значит, будут сомненья
Неизбежные, ибо ведомы любовью
Вся любовь твоя здесь, вся вина твоя в этой
Уходящей воде в недалекое счастье
В камышовое сито, да песочное тесто
Из которого лезут ничейные снасти...
В камышах сквозняки заходили локтями
Плавниками раздвинулись черные плавни —
Это карпа червленого скользкие слитки
Это белых кувшинок озерные сливки
Это щучьих племен отдаленные громы
Это сом забирается в ближние норы
...Ночью быстрой сквозной
Что ни клев, то обманка
Словно ветер себя уподобил приманке
Так чтоб длинных удилищ короткие взмахи
Рвали надвое мертвое горло рубахи
И тогда по хребту позвонки раздвигая
Опускалась за шиворот скользкая стая
— Это страхи, как шарики рыбьего жира
Это жереха жар, это холод налима
Это синих лещей отворенные губы
Это дуют сазаны в подводные трубы
...Это берег молочный, кисельные реки...
Это правда о плачущем человеке

КУПЕЛЬ

А.Воробьеву

Кто прячет в сумки серебро чехони
Не ищет встречи

— Вот дерево — высокое и злое
— А вот, как будто облако — простое
Два дерева сравнивший — их сравнял —
Два пня похожи как родные братья
Как всадники, когда без головы
Как все невесты, если в белых платьях
И только вдовы издали видны
...На пнях сидят, взобравшись на холмы
— Всему — купель Днепра — и день и ночь
Вычерпывают веслами младенца
Влюбленные, что взяли напрокат
Большие лодки. Вспоминаю — я —
Мне пять всего, я — сердцевина сердца
Я — кровь своя, я — мальчик-самокат
А дождь такой, а свет такой, а ветер
Деревьев, что доносятся сюда
На гнущихся перед собою ветках

*
— Послушай — над каждым из нас навсегда
над каждым из нас, говорю — навсегда
Горит в невесомости та же вода,
В которую нас окунали когда-то
И оттиск остался на ней меловой
И слезы и крик в той воде межевой
И кровь, что свернулась в углу аккуратно
Оставив нам место вернуться обратно
...Как если б не след возвращает, но стыд
— Послушай, в каком это сердце звенит
Весь черный, весь красный — как Днепр звенит,
Послушай

*
Из двух ты выбрал отраженный лес
Так преданно, что верхний лес исчез
Сказавшись пустотой, внутри которой
Стоял костер на вытянутых ветках
Ни рыбака, ни облака... И вскоре
Лишь искра малая, как ближняя планета
То гасла, то зачем-то разгоралась
И в озере ночном не отражалась
А ты глядел, как жидкие деревья
В зеленую мешались кутерьму
Как верхние и нижние растенья
За руки взявшись, прыгали по дну
В недвижном озере чуть приподняв волну
...А думалось — по щучьему веленью
Все было так, как только быть должно
Так отраженным видится окно
Что сразу загорается под верхним
Окном, в котором тот же самый свет
И если даже человека нет
Появится — кто отражен — бессмертен

*
— Послушай, всякой воде достается ее человек
Тот, кто забудет имя свое
Или не так: Имя свое забудет
Это в начале жажда, смерти недолгий век
Будто бы огонек полыньи
В самом дальнем углу остывающей Сулы
Или Днепра. Окликается имярек —
Входят и долго, долго идут безымянные люди.

*
— Я был — рыбак. Я видел сто чудес
Допустим, в озере качающийся лес
Вкруг озера дома, дома без толку
Их каменный, неодолимый вес
...И озеро, хранящее ребенка
Так улица спускается к воде
И как-то сразу падает и тонет
Один фонарь из белой глубины
Полночи светит — лунная дорога —
...Идет чехонь по улице моей

* * *

А.

Как Малевича празднуют нынче
Два квадрата на фоне кирпичном
Оба черные, правый светлей
Будто облик ее, будто облак
Или близкая память о ней
Заоконный раздвинули морок
Дважды черный — не нужно светлей
Это парная рифма как верша
Вещь в себе, это рыбья скворечня
Вот окошко и кошка внутри
...Там в воде образуется полость
Воздух крепит икринки на плоскость
И скользят по стеклу пузыри
Или так: это живопись, все же
Это жидкая птица под кожей
Мажет перьями, как бы летит
Или так: дом не спит, дует в трубы
Дом над озером плачущим, трудным —
Ночью в озере щука кричит:
— Ой, вей, голос зарезали в жабрах
— Ой, вей, в глотку засунули жабу
...А в окне все дрожит занавеска
Женский облак дождит и отвесно
Свет на тяге печной как на дрожжах
Жил, покуда до солнца не дожил
Щучьим горлом спускается к солнцу крючок
Мокнет в розовой слизи
И любимая спит, обернув серебрящийся бок
Не укрытая снизу
...Или так: два окна на весу, запах краски повсюду
Ожидание счастья? Ну что ты — единственно чуда

СЕМЕН АБРАМОВИЧ

Доктор филологических наук, профессор, академик АН ВО Украины. Автор 12 монографий, более 300 научных статей, 4 учебников и 40 учебных пособий, созданных индивидуально и в соавторстве с учениками. Возглавляет научную школу «Литературный текст в контексте культуры: проблемы рецепции и интерпретации», которая насчитывает в своем активе 700 работ; под его руководством защищенно 12 кандидатских диссертаций. Входит в состав редколлегий 5 научных изданий. Известен как поэт и прозаик, автор романа из античной жизни, нескольких повестей, ярких мемуаров. Занимается также живописью и рисунком.

* * *

тот день был необычен
как и все
с тобою дни
весна слепящим солнцем
знаменовала полюс равноденствий
и красками французскими рождалась
из глубины пророческого сна
синел восток
в окне открытом голубь
глядел на мир
восставший из потопа
обыденности
взглядом изумленным
прислушиваясь к нашим разговорам
в которых ткался нежный фимиам
симпатии
средь тайных разногласий
признаний обаятельно-ненужных
бутоны чувства тихо распускались
в лад сумеркам
и было странно мне
что этот мир гармонии вечерней
конечен
как зеленое вино

* * *

благодарю
зеленая весна
вошла в меня
так долго и сурово
я ждал ее под небом ледяным
она пройдет
я знаю
так недолог
пунцовый век любовного цветка
но и в пустыне огненного лета
я буду помнить
глаз неуловимость
и робость слов
и терпкость поцелуев
и шелковистость тела твоего

* * *

Шершавые карты мне кажут упрямо,
Что кончено все, что распался союз.
Червонный король да бубновая дама,
Да радости чуждой сияющий туз.

А мне — только пиковой дамы усмешка
Да мелкие хлопоты дальних дорог.
Не сменятся, как ты рукою ни мешкай,
Проклятые черные карты тревог.

Все черной тоскою да алою кровью
Пестреет узорочье прожитых лет.
Недаром с червонной девяткой-любовью
Все пиковый падал фальшивый валет.

* * *

сквозь ночные прозрачные тучи
в черной небесной кроне
расцветают гроздья созвездий
на невидимых ветках
все та же луна
что и в Вавилоне
на которую молились
мои давно истлевшие предки
сохраненное сияние
ушедшего на ночь солнца
разливает бесшумно
меж черных узоров тени
и на съеденных временем
древних ступенях
кто-то тихо и счастливо смеется

БЕЛАЯ ЛУНА

Вечер
в чешуе золотого мазка.
Картина окончена,
как путь скитальца.
Демиург
в ипостаси Великого Простака
метит
испачканным в белилах пальцем
беспредельность
космической синевы
над землей,
изнемогающей от любви.

МОЛИТВА

Человек — это фиш на песке
(И.Бродский)

В холодной тьме воды безмерной,
В районе, помнится, Магриба,
Живет, по книжному поверью,
Двоякодышащая рыба.

Средь хищных звезд и осьминогов
Она сквозит легко и гладко.
Всего-то надо ей от Бога —
Планктон клевать, густой и сладкий.

И в сонной сей абракадабре
Ни вскрика жаркого, ни стона.

И медленно сквозь рыбьи жабры
Проходит ток воды зеленой.

Но если, словно лик сатрапа,
Белесой исполинской массой,
Распугивая юрких крабов,
Вдруг обозначится опасность, —

Она прядает ввысь, сквозь воду
Пройдя безудержным снарядом,
Взрывается цветком свободы
Над муторным подводным адом.

Облитая слепящим солнцем,
В струях воды бияcь, как в танце,
Расправит легкие до донца
С немым восторгом иностранца.

И — снова шлепается в море,
И грузно в дно зароет тело...
Как тяпнувший мадеры тори,
Глядит вокруг осоловело.

Но в сонном одуренье мнится:
Господь, сместив привычный вектор,
Тебя читает, как страницу
Незавершенного проекта.

* * *

Сколько же пройдено, Господи, градов и весей — без счета,
И на избитых ногах ты уже не считаешь засохшие раны.
Но исчерпалась дорога по тверди, и нет поворота,
А пред тобой маслянисто колеблется мрачная гладь океана.

И естество колыхания светом пронизанной ночи
Под ослепляющей тьмой мириадов очей поднебесных
Ты постигаешь. И каждый твой шаг тяжелей и короче.
И расправляет беспомощно крылья надежда воскреснуть.

* * *

Шелест дней — так сворачиваются кружева.
И стучат вкруг стола инвалидов тупые протезы.
А зачатые в злобе просительные слова
Тяжелы и мертвы, словно желтая муть энуреза.

Вот пахнуло, как свежевынутой амброй, весной.
Так мучительно снова включаться рецепций радарам...
А вверху рассыпается пригоршней над тобой
Манна звезд, приглашение к трапезе Бога задаром.

* * *

Сотворенное, вовсе не самобытное, время
Куролесит волчком, как подсеченный саблею конный.
И летишь, уцепившись за комель волчка, как за стремя
Уцепляется воин, из шелка седла изверженный.

А земля, что бурливо неслася внизу, нам навстречу,
Взгромоздилась чернеющим куполом над горизонтом.
И просторы бескрайнего неба сложились далече
В отчуждаемый проблеск меж смертью и жизни дисконтом.

* * *

Слышишь — время шуршит по песку испещренной змеей,
Извиваясь в тоске изощренно-размытой струей.

И куда же летят, чередуясь под солнцем-луной
Дни и ночи мои, и бытийность всего, что со мной?

Все возникло из тайны и в тайну уходит всегда.
Задрожит, просияет и с неба сорвется звезда.

Лист зеленый увянет, скукожится и упадет,
А несорванный плод на чернеющей ветке сгниет.

Вкрадчив, явственен шепот сомнения в благе вещей...
Твой я, Господи, или, возможно, что все же ничей?

* * *

Меч затерялся в цветах — утомилась война.
Мчатся по ветру весны травяные знамена.
И, предзакатным пыланием озарена,
Переставляет разбитые ноги расстрельных колонна.

Прочерк в небесной графе — кто поймет алгоритм
Жуткого, великолепного мига ухода?
Тысяча солнечных и ослепительных рифм
Вспыхнет в мозгу, не знакомом с поэзией сроду.

Господи, как я устал от обманных нирван,
От непрестанногожева бесчисленных пастей!..
Стелются красные ризы в земной дерибан,
И разрываются на кумачовые части...

* * *

В этом городе N, средь брусчатки старинной зыбей,
Где минувшее ткется и тает, как ткань Пенелопы,
Безоглядно взрывается алчущий сонм голубей
От случайного крика иль глупого детского топа.

И оркестра еврейского скрытым рыданьем пьяна,
Дефилирует публика весело в самозабвенье.
Между тем оборвется, крутясь и взвиваясь, струна,
Побросают смычки музыканты, настанет смятенье.

И в синайской пустыне, почти заметенный песком,
Вдруг проступит языческий жертвенник глыбою бурой...
А под жестким, сминающим хрупкие крылья, сачком
Вострепещет Психея, пылая огнем и пурпуром.

ПСЕВДОМОРФОЗА

В цветущем дереве бурлит весна,
Жар солнца пьет сияющая крона.
Равнина, пробудившись ото сна,
Ему шлет волны свежести зеленой.

Но сдвинет время основанья дней,
И канет древо в темную пучину,
Где чрез десятки лет поток солей,
По утвержденному натурой чину,

Невнятному для радостных невежд,
Сгустится тайно в некогда живую
Программу-форму, дивно образуя
Каменноугольный, холодный труп надежд.

Поэт, журналист.
Стихи публиковались
в журналах, альманахах,
антологиях Украины, России,
Германии, Бельгии,
Израиля, Австралии, США
и других стран.
Автор шести поэтических книг.
Куратор поэтической рубрики,
зам. главного редактора
сетевого альманаха
«Палисадник».
Член Национального
союза писателей Украины.

ИРИНА ИВАНЧЕНКО

ПОСТ

Ты — герой, говорит, целых сорок дней
избегаешь скоромной пищи.
А у нас, говорит, у простых людей,
сквозняки по сусекам свищут.
Град добил покос, но растет погост,
и бабьё голосит истошно.
А у нас, говорит, семилетний пост
на воде с картошкой.
А на мясо, знаешь, гляди не гляди —
не кусает цена, а режется.
Мы и так его, говорит, не едим,
потому как не за что.
Как закрыли завод, так и сел народ
Лузгать семки у телевизора.
Говорят, что пост — небесам оплот,
а душе ревизия.
Говорит и лыбит щербатый рот,
грех тебе, говорит, печалиться.
И в груди печет, и подкожный лед
истончается.

ХРОНИКИ МАСЛЕНИЦЫ

Как с глухим, недовольным ропотом
на кулички бежал мороз,
так молва покатилась покатом —
будто вправду весна, всерьез.
И мальцы собрались на площади,
там, где делает крюк река,
и намяли сугробам тощие,
залежалые их бока.
А потом, на неделе масляной,
отъедался и стар, и млад.
И погода стояла ясная,
будто сторож у входа в сад.
Точно стали к такому случаю
добродушнее небеса...
И горело смешное чучело,
и сгорело за полчаса.
А в субботу явился незваным дождь,
разогнал людей по домам.
И пошел галдеж, и пошел кутеж,
и такой пошел тарарам.
Разошлась не на шутку Масленица,
и ничем ее не унять.
И от зависти спала зима с лица,
устарела, как буква «ять».
Над кряхтеньем ее да оханьем
потешался честной народ.
И река затряслась от хохота,
так что лопнул от смеха лед.

ТИБЕРИНА

Там крылья ставней бились на ветру
в силках стены над улочкой окрестной.
Я вспомню все, когда опять умру
в твоих руках и в памяти воскресну, —

ручную чайку, плоть небес и кров
для странника в каком по счету Риме,
гостиницу в одном из тех миров,
что мы с тобой еще не сотворили.

MementoRoma, помни обо мне,
пока плывет кораблик Тиберины,
а расставаться тяжелей вдвойне,
чем путь земной пройти до половины.

Вот Эскулап, он бог, как мы с тобой,
местоблюститель и плохой товарищ,
когда врачует сердце через боль.
Я знаю, что и ты меня ударишь.

Mementovita, я не тороплю
события. Они приходят сами.
Моя вина не в том, что я люблю
слова, а в том, что я люблю словами.

Не Тиберина — дудочка моя, —
гусиный крик, насаженный на вертел.
Кто был любим, тому не страшен яд
змеиный. Кто любил — как Рим,
бессмертен.

Познать меня нельзя. Не проще ли
принять на веру и простить на ощупь?
Чума — в умах, и мир неисцелим,
когда выходят улицы на площадь.

Хрипит кровать под гнетом простыней,
зародыш дней в гигантском чреве Рима.
Смертьпоправима, жизньнеповторима.
MementoRoma, помни обо мне.

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Как стыдно умирать
в конце апреля, в мае...
Михаэль Шерб

Так трудно, умирая от любви
в апреле, в мае, в месяце нисане,
не возжелать, не ранить, не убить,
соприкоснувшись всеми полюсами.
Такие войны нынче на дворе,

что пушки тише сетевого лая.
Так часто умирать, чтоб, умерев,
истосковаться и бежать из рая.
Там мало наших. Меж стрельцов и дев
ютится бестиарий Зодиака.
Так стыдно умирать, а, умерев,
не встать над пеплом, не восстать из мрака.

СИНАЙ

Светает. Конвой у ворот, и рабы, и собаки.
Вот-вот над горою покажется первая просинь.
Здесь черные козы пасутся у мусорных баков
и гонит ораву туристов курчавый Иосиф.

Здесь камни в корзинах, а манну еще не собрали,
и козы пасутся, не зная, что скоро — на бойню,
что совесть и зависть родней, чем Иосиф и братья,
а в каждом из нас умещаются раб и конвойный.

Здесь катится по небу солнце верблюжьей колючкой,
гонимое ветром, ранимое встречным утесом.
Рабы сердобольней конвойных, а значит живучей,
и рабскую участь до времени терпит Иосиф.

У стен монастырских чумазые дети играют
в менял и торговцев и камни сбывают приезжим.
Конвой отпирает ворота ключами от рая,
и солнце цветет, как терновник, растет, как надежда.

Здесь путников помнит щебенка дороги, за нею
гора каменеет от страха в присутствии Бога.
В начале — слова о любви. Толкованья позднее —
серебряный шелест оливы в долине пологой.

Туристов уводят в автобус. Иосиф сминает
коробку от «Camel», искрит маячок сигареты,
и красное солнце на красном подворье Синая
ночует, и холодно ветру, а камни согреты.

Одиночество.

ЕЛЕНА БУЕВИЧ

Родилась в г. Смела Черкасской области. Окончила Черкасское музыкальное училище им. С.С.Гулака-Артемовского и Московский Литературный институт им. А.М.Горького. Член Ассоциации украинских писателей (АУП), Союза писателей России и Российского отделения Международного ПЕН-клуба «Русский ПЕН-центр». Работает журналистом, переводит поэзию с сербского, украинского и польского языков. Стихи и переводы публиковались в журналах, альманахах и книгах Украины, России, Белоруссии, Сербии. Автор книги стихов «Странница-душа», «Нехитрый мой словарь», «Ты – посредине», «Елица», «Две душе – две души». Лауреат многих литературных конкурсов. Живет в г. Черкассы

ЯВЛЕНИЕ ЦВЕТУЩЕГО АБРИКОСА

Он первый, он самый отважный,
он чует, что будет теплей,
и шмелик однофюзеляжный
поверил ему, дуралей.
И бабочка, la mariposa,
не зная прогноза вполне,
мерцает в столпе абрикоса,
на светлой его стороне.
Все вместе они обязались
втянуть меня в эти дела —
летать, любоваться на завязь,
сулить наступленье тепла.

ДОМ БЫЛ ДРУГОЙ

Дом был другой, и заборчик другой,
и тропинка, протоптанная, дугой,
и в снегу тяжелые ветки
и следки соседской левретки.

Но очнешься случайно не там, а тут,
где подхватят тебя и несут, несут
и поют на ходу, и смеются,
и бессмертными остаются.

* * *

Как же долго идет Рождество!
Сотни дел предваряют его,
сотни снов в забытьи, сотни встреч,
сотни страхов, зависших, как меч...

Но пока ты живешь как-нибудь,
три царя отправляются в путь.

Центр Вселенной смещается в хлев,
сторожит Его кот, аки лев,
добрый ослик мечтает над Ним:
«Повезу Тебя в Ерусалим!»

И в языках растет торжество:
Кристмас, Божич, Риздво, Рождество!

* * *

«В щепоти его зажат
Край Господней ризы».
Юрий Милославский

Убегает, изворачивается, а ты ее —
за цветной уголок выскальзывающего
платья,
за дубовый лист, за воздух, за ё-моё —
восклицание, восхищение без понятья.

(Ухватить ненадолго, держать на весу
и рассматривать, словно бабочку, уважая
ее мир цветочных полян в лесу,
а потом все равно отпустить: чужая).

Что же жалко так, что же трудно так —
расставание не превращая в драму?
Люди — ласковы, воздух — масляный,
что коньяк,
а пейзажи вокруг — хоть каждый в раму.

Но не все ли равно, когда, — отпусти,
не скули, что, мол, не все рассмотрелось...
Тяжела полнодушность, легка
пустотелость,
край Отцовой ризы уже в горсти.

ВОЙНА

Хочешь, скажу тебе, что будет на самом
деле?
Война нас заставит забыть о нас,
держать себя в черном теле,
выветрит все упоминания о любви
из сна и яви,
выберет из всех — нас двоих
и железной рукой задавит.

Это за то, что мы хотели увидеться
в мае —
сфоткаться на мосту, из центра ехать
в трамвае,
долго гулять над рекой, искать
созвездие Девы,
засыпать под утро, не зная, кто мы
и где мы.

Это за то, что много всего мечтали,
мало имели, тяжко трудились, были
из стали,
и когда другие ломались, ты молился
и я молилась...
Мы получим сполна за все, и тут
ни при чем справедливость.

Здесь работает высший закон,
закон для Иова:
у других — безмятежный сон,
плодоносит корова,
тучны стада у них, не пропадают дети,
лишь для таких, как мы, нет ничего
на свете.

И когда друг друга жизнь случайно
протянет: «На»! —
наступает конец, миру венец, война.

ВАДИМ ГРОЙСМАН

Родился в Киеве в 1963 году. Окончил Московский горный институт. С 1990 года живет в Израиле, работает библиотекарем. Автор восьми поэтических книг.

НА ТЕМНОМ ПЕСКЕ НАГАРИИ

В.А.Малахову

На темном песке Нагарии,
На жарких ее берегах
Века и миры круговые
Стоят с узелками в руках.

Опять финикийцы и греки,
Везущие охру суда,
И можно вернуться навеки,
Навеки вернуться туда.

Кто верит, что бурное море
Проплыл Одиссей на плоту?
Зачем-то при каждом повторе
И горько, и пряно во рту.

Путь медленный, сирый, упорный,
Всё глубже и реже гребки.
Два паруса — белый и черный —
Пускаются вперегонки.

Волна поднимает Элладу,
А золото тянет ко дну.
Довольно Харону в уплату
Оставить монетку одну.

Кончается теодицея.
Разбиты таблички богов.
Качается плот Одиссея,
И чайки кричат с берегов.

СТУЧИТСЯ В ПЕРСИЮ

Стучится в Персию, в мучные города
И выкликает: Сура, Пумбедита,
Махуза, Негардея!

Ничтожного, его не победить:
Он ляжет между крепостных валов,
Сравняется с землей.

Такой же бурый, пыльный, как она.

А ночью встанет, будто бы воскрес,
Усядется напротив грозных башен
И будет из дырявых башмаков
Сердито выбивать песок.

Как сказано во тьме какой-то книги:
Пыль отрясти, чтоб не было следа.
Идет, и на пути его встают
Руины храмов, статуи царей,
Столбы могил, фигуры из горы:
Два всадника дерутся за кольцо
И два коня бодаются под ними.

Но он не верит ни в коня, ни в бога:
Ормузд и Ариман в его груди
Переплелись, как змеи.

Песчинки древности, скупые черепки,
Колючие чешуйки медных рыб
Однажды сложат скорлупу Вселенной.
Заполнится немеряное дно,
Где мы и наши предки ходим рядом
И человек, закутанный до глаз,

Стучится в Персию, но Персия мертва.

* * *

Из далеких северных земель
К молодой ольхе на берегу
Приплывает белая форель
С пятнышком кровавым на боку.

Приплывает — в полосах воды
Ищет, будто женщина в плену,
Прежней жизни лунные следы,
Навсегда пропавшую страну.

Так мы любим — из одной реки,
Наклонившись, кровь и воду пьем,
Где тогда пришельцы-моряки
Грудь ее поранили копьем.

О кирпичной родине молчу,
О лесной волнуется свирель.
Подойду к холодному ручью
И увижу белую форель.

* * *

Веселым пьяным — легкое питье,
Серьезной музыке — канву и тему,
И голос голосу, и тени тень ее,
И тело — голосу и телу.

Земное утро, гул из серебра —
Ночной тревоге и попытке,
Живущему в других — от самого себя
Хоть пару строчек на открытке.

И зазывале колокол в груди,
И вожаку победу в споре.
Вот так и мне перед концом пути
Хотя бы стрелку на заборе.

Поэт, врач, издатель
и культуртрегер.
Член Национального союза
писателей Украины,
организатор Международного
фестиваля Каштановый дом,
главный редактор
литературного альманаха
«Каштановый Дом»,
основатель Премии
им. Андрея и Арсения
Тарковских в области поэзии и
кинематографа.
Лауреат многих премий,
член Международного
ПЕН-клуба.
Радиолог. Лучевой терапевт.
С 2010 года заведующий
отделением
радионейрохирургии
ГУ «Институт нейрохирургии
им. А.П.Ромоданова НАМН
Украины».
Доктор медицинских наук.
Живет в Киеве

АНДРЕЙ ГРЯЗОВ

ИЗ СУДАКСКИХ ТЕТРАДОК

* * *

Уже заполночь, город спит.
И мне пора. С утра — работа.
Но, вдруг я чувствую, стоит...
Стоит опять за дверью кто-то...
Не позвонит, не постучит.
Не позовет: «Хозяин, дома?»
Нет. Он стоит. И он молчит.
И мне молчание знакомо.

ОРЕЛ

Недвижно, как всегда смотрел,
И чем древнее, тем нетленней,
Сквозь тучи солнечные стрел,
На чудаков в соленой пене...
И видел он, сквозь морок, мрак
Не как рука ползет в заначку, —
Как облака входил кулак
В горы боксерскую перчатку.

СИНОПСИС

Умирает снег. Мы так его ждали.
А теперь хотим, чтоб он быстрей исчез.
Капельки воды.
Все, что есть. Все, что было. Все, что будет.

* * *

Ты — земная вода, память снега и льда,
Ты — росток из породы побега...
Ты — земная вода, ты — земная звезда,
Из породы — упавшие в небо...

* * *

Скажи мне, друг, зачем мне друг?
Скажи мне друг,
Зачем мне дружба?
Совсем неважно и не нужно,
Но если... ошибусь я вдруг.
Скажи мне, друг.
Ответь мне, друг.

Скажи мне, враг, зачем мне враг?
Скажи мне, враг,
Зачем вражда мне?
Совсем не нужно и неважно,
Но если... все совсем не так...
Скажи мне враг,
Ответь мне враг.

Скажи мне, ты, зачем мне ты?
Скажи мне, ты
Зачем мне Это —
Что дарит Свет,
Отняв у Света...
И, вдруг, в том нету правоты...
Скажи мне, ты,
Ответь мне, ты.

* * *

Как хорошо идти не в рифму.
Как хорошо писать путем.
Вдвоем, а может и втроем.
Подвластным хаосу и ритму.
На языке иных времен.

Как хорошо, жить не по нотам.
Без ноты «до», без ноты «си».
Чюрленис, или Дебюсси,
Неважно, что ты, где ты, кто ты,
Молчаньем вышним выносим.

Как хорошо... и точка! Точно
Она всегда моя, твоя,
Она — квадратная земля
Наш теплый дом, и отчий, отчий...
Для жизни, смерти, просто — для...

* * *

Скажи в какое тело жизнь ушла?
Кто стеклодува перестеклодувил?
Кто головою бил в колокола?
И приголубил?..
И повторял: «Давай, давай, давай»
Возьми же ты дымящееся счастье...
Пусть будет караваном — каравай,
И станет окончанием причастье.
Скажи, как тело ты опять зажгла?
И где в тебе я спасся от погони?
Сгореть... и снова выстоять до тла.
В избе. В краю. Где пробежали кони.

* * *

Я падаю, падаю в яму
Какой это этаж?
Я падаю прямо, упрямо,
Как будто впадаю в раж.
Да, здравствуй, кричу я, здравствуй!
Скажи мне, только, скажи —
Ведь это подземное царство?
Ведь это же — этажи?
Нет «стопа», «стоп» вышел на первом
Теперь бесконечность вверху,
А впрочем, смотай мне нервы

Свей гнездышко ямба в яху...
Там жил мой любимый цирюльник,
Там жили — хирург и портной,
Дард Вейдер, сваривший в кастрюле
Свой мозг неземной...

Теперь это в прошлом. Надолго?
Но после, чем раньше вчера,
Ты помнишь, впадала Волга,
Черная, словно икра?..
Ты помнишь, играл монеткой
Юродивый с пьяным попом,
А после пугал пятилеткой,
Молотом и серпом.
...
А, впрочем, сойдемся намедни.
Вот только узнаю когда.
Чтоб тот, кто приходит последним
Не думал, что в кране вода.
Не думал, что тесто и дрожжи
Какой-то мудреный крафтверк,
И если накрапывал дождик, —
Сулил он — крапленый четверг.
...
И каждый кричал мне: «Простите»
И каждый кричал мне: «Постой!»
«Немного еще погостите
В квартире чужой и пустой».
И я отвечал им, — конечно,
И даже загадочно — «LoL».
Но, если, сердечно и честно,
Я верю тебе — корвалол.
Зачем мне чужая квартира?
Зачем я квартирной жене?
Я лучше объеду полмира,
Полцарства на красной коне.
А после... опять я об этом
Осле, закричавшем котом...
Уже доигрался со светом,
На этом и даже на том...

Конечно, вы спросите: «Где же?»
Но это вопрос не ко мне.
А если хотите вы свежей,
То только по бо́льшей цене.
А если, конечно, попроще,
То можно направо, сюда.
И мимо березовой рощи.
Туда, где гудят провода.
...
И я попрошу напоследок.
Замок. И, конечно, ключи.
Стучится под сердцем мой предок.
И просит меня: «Не молчи».

НЕЙРОХИРУРГАМ

Открыто вверх окно и голубь вылетает,
И медленно летит сквозь тучу воронья...
Так сквозь беду летит, летит так мыслей стая
Спасая жизнь людей в зрачке хмельного дня.
Нейрохирург идет, как будто и не глядя,
В глаза, в которых боль и черная беда...
Он победит недуг, не ради Бога, ради...
Всего, что есть сейчас, всего, что есть всегда.
Он победит болезнь... вернет больному воздух,
Разрез морей и гор и вдохновенье грез,
Симфонию любви, борьбу живого мозга
За право просто жить, за солнца свет и звезд.
Вернет нейрохирург, он просто быть обязан,
Быть там, где все уже поверили в «не быть».
Не потому, что так он крепко клятвой связан,
А просто так ему положено любить.
Он оживит цветок, и зрение и душу...
Вновь оживит он центры Вернике, БрокА,
И кто-то наверху ему вдруг скажет: «Слушай,
Ты — дирижер, творец... легка твоя рука».

* * *

Я иду по следам человека, которого нету.
Я иду по следам, я стою, я живу по следам.
Обращаясь сквозь сон то ли к лекарю, то ли к поэту.
Уходящему вдаль от меня, по размытым водою годам.
Я иду по следам человека, которого вспомнит,
И поймет и увидит, и сын мой, и внук мой, и дочь.
И сейчас надо мной будто листик над следом уронит
То ли клен, то ли вихрь, то ли тихо уснувшая ночь.
Я иду по следам человека... святого? Пророка?
Я не знаю, но Веру и что-то иное храня,
В темноте Светлячок, заселивший заснеженный кокон, —
Новогоднее чудо, — идущее к вам от меня.

* * *

Четверо шепчут: «Мы вышли из дома»
Четверо шепчут: «Мы вышли в ночи».
Вспыхнула молния. Тихо. Без грома.
Сучья трещали в закатной печи.
Четверо шепчут: «Кому-то мы люди»
Четверо шепчут: «Кому-то мы псы».
Четверо шепчут: «Нас скоро не будет».
Тсс...

* * *

Глаза болели видеть пустоту
В любой гурьбе толпящихся предметов,
Неважно человеков, иль скелетов,
Которым просто жить невмоготу...
И вспоминал я слово карандаш.
До боли свой, до боли Отче наш.
Пока делю я с небом сердцевину,
Пока делюсь вином, или виной,
И становлюсь я целой половиной,
Еще не расшифрованною мной.
И повторяю: слово из стекла
Богемского, бомжацкого, босого...
Ты жизнь спасла
И смерть мою спасла,
Заснув на век, мгновенье проспала
И проступила сквозь лицо росою...

Глаза болели... вкривь и вкось, и вдоль,
Не видеть пыль, не видеть быль и боль
И наслаждаться тьмою, как везеньем,
Когда за внутренним, придет иное зренье
Последним,
Кто приходит за тобой.

Родилась в 1973 году в Киеве. Окончила филологический факультет Киевского национального университета им. Тараса Шевченко. Лауреат литературной премии Хуберта Бурды (Германия), премии имени Николая Ушакова Национального союза писателей Украины и премии «Планета поэта» им. Леонида Вышеславского. Автор восьми стихотворных книг. Переводит с украинского на русский и наоборот. Стихи переводились на европейские языки, входили в антологии. г. Киев.

НАТАЛЬЯ БЕЛЬЧЕНКО

* * *

Настоящее пахнет букетом,
А в прошедшем — гербарий душист.
То, что будет, — ласкается светом,
А слова еще прежде нашлись.
Шепот в рифму и прочие части
Абсолютных разгадок — влекут,
Беспричинно появится счастье,
Если выйти на верный маршрут.
Левитируй, насколько возможен
Человеческий этот заплыв,
Если чувствуешь прошлое кожей,
Настоящему поры открыв.
Кундалини пробудится позже.
Обнимись — и окажешься жив.

ВЕНТСПИЛС

Все мы живы еще,
нам хватает пока языка —
не оправдываясь, произносить
близкое чуду.
Пахнет голос палисадником после дождя,
где черный кот Рудис любит гулять —
графически-грациозный Сидур.
В этом городе мартынов и котов
гигантские чайкины перья торчат
из огромной чернильницы на площади
(знак Дома писателей и переводчиков).
А белое пятнышко на груди Рудиса —
то самое, единственное найденное слово...

* * *

Упрятавшейся в лоно фонаря, —
Где твой фитиль охватываю я,
Тобой разносклоняемое пламя, —
Какого же имения желать,
Когда на свет слетелась благодать
И сумрак расступается над нами.

Так, часть — до целого и пол — до полноты
Довоплощаешь, проникая, ты,
И бегство упраздняется по мере
Прибежища, налившегося в нем,
Пока не в схватке с нашим веществом
Отравленное вещество потери.

А нежность — даже посреди огней —
Влажна и обступает тем тесней
Ковчег фонарный, что иной неведом.
Он сам себе голубка и причал,
Его, как жизнь, никто не выбирал,
И никому не увязаться следом.

* * *

А тело движется на запах,
Без фонаря к нему идет
Кто был давно и прочно заперт,
Но вдохом обнаружил вход,
Где слиплись камфара и мята
И хочется лизнуть тайком
Жестокий мускус невозврата
И затаить под языком.
Надежно голову теряя,
Ее под ложечкой прижав,
Так радостно дойти до края,
Который вместе всплеск и сплав...
И выйти из-за поворота
Растерянной, совсем другой,
Сквозь запах притяженья рода,
Совпавший с этою ходьбой.

* * *

Ночью в лесу вырастаешь, как гриб,
Греешь дыханьем непуганых рыб,
Перегибаясь с байдарки.
Хвоя, травинки пронзают насквозь,
Чтоб никогда потерять не пришлось
Эти земные подарки.

Дышит грибница, а легкие спят,
За посвященным идешь наугад,
И у тебя остается
Всплеск безнадежный на зыби речной,
Тела упругого запах грибной,
Вязкий глоток первородства.

КИЕВ

Сердце заводится с пол-оборота.
В горле и в городе влажное что-то.
Спелая бренность, опасный проем,
Все, что к бессмертию тянется ртом.

Вынырнет улица, даль подминая,
Выгнется следом за нею другая,
Тужится в коконе дом-шелкопряд,
В ряд фонари напряженно горят.

Каждый идущий и каждый стоящий
Свежепеченого яблока слаще.
Площадь похожа на чайный сервиз,
Пар поднимается вверх — присмотрись.

Как хорошо, что мы можем напиться
Чаю, желтеющего, как синица
В чашке, расписанной наискосок,
В жизни, пригревшейся там, где пупок.

Ниже пупка Прорезная зашита,
Кесаря шрам или аппендицита,
Скверик Шевченко, мохнатый ботсад...
Вытащи руку — за нами следят.

Можно не думать о городе этом,
Можно считать одновременным бредом
Все, что случается с ним
и в нем —
Он не предаст, а мы не умрем.

СОФИЯ ФРУНЗЕ

Родилась в 1994 г. в поселке городского типа Новоселки под Киевом. В 2011 году стала организатором международного поэтического фестиваля «Поэтическая Лига», а также конкурса любительской поэзии «КЛюП». Вошла в состав ЛИТО «Каштановый Дом». В 2012 году вошла в оргкомитет фестиваля для людей с особыми потребностями «Павлов-фест». В 2013 год – фильм «Добрая любовь» (режиссура и главная роль). Проводила мероприятия в рамках театра «ПоэТ», а также в рамках фестиваля «Каштановый дом» – «Парнасские игры» и «Камышовый джаз». Имеет публикации в альманахе «Каштановый дом» и различных поэтических сборниках.

* * *

Осиротевшим вмиг ребенком,
Сквозь душу зыркнули слова,
И под чернилом влажно-тонким
Прогнулась твердая строфа.
Бумага стерпит говорили,
Бумага – тоже женский пол!
И за ночь выцвели чернила –
Забытый с Богом разговор.

* * *

Душа болела нараспашку,
Скиталась, билась за гроши,
На свой помин ткала рубашку,
Великодушно согрешив.

* * *

На тропинках продрогшие листья,
В парке дождик идет без зонта,
Аккуратно и нежно, по-лисьи
Облизали дороги ветра.

* * *

Жизнь на цыпочки встала. Боится.
Вечер туго затянет петлю,
Календарь отпускает страницу,
Словно душу. На ветер. Мою.

* * *

Я не забуду. Нет, не нужно...
Слова пусты. Давай молчать...
Растаял лед. Остались лужи,
Переполняя жизни чат.
Я промолчу и, может, вскоре
Улыбкой тихой, без причин,
Сниму, уставшие от горя,
Морщины с юных лиц мужчин.

* * *

Так весело! Ведь, правда? Мы смеялись...
Последний лист на дереве желтел,
Я струсила. Ушла. Не побоялась.
Все видел лист. Не выдержал. Слетел...
Так весело! Ведь, правда? Я любила...
Ночь прятала ключи, монеты, взгляд...
Пусть не исправит осень... И могила
Горбатых линей жизни. Все подряд...

* * *

Ненаписанных строчек ошибки...
и по линиям жизни в горсти,
Сколько ямочек грустной улыбки,
Оставлял ты другим по пути.
Я забыла тетрадку и кисти...
Ты, похоже, в кого-то влюблен...
Но, теряешь меня, словно листья,
у дороги стареющий клен.

* * *

Нерешенный взгляд. Молчанье.
За спиной крадется ночь,
Переулком мятным, чайным
Я хочу куда-то прочь.
На ноге проходит стрелка,
На руке стоят часы.
Словно ночь забила стрелку
В толщу черной полосы.

* * *

Сырой туман ночного, призрачного неба,
Июльский дождь съедает образ пустоты,
Там, за окном, пыль солнца, быль и небыль,
И звук дождя идет тоннелем немоты.

* * *

Глухая жизнь, в уме, в душе застой,
И только эхо делового мата.
Дверь сквозняковая стучится в мир пустой,
Как в створку сердца первого примата.

Размахом мысли кто охватит бренный мир,
Как дважды два, все не понятно просто.
Во мраке чувств, как в безьмятежье Лир,
Шагает Гамлет маленького роста.

Закрасив в черное красноречивость слов,
Корректором исправит книгу веры.
Он вырос из шекспировских обнов
И примеряет шляпу Гулливера.

* * *

Невольно подвести стоящие часы,
Чтоб время ожиданья мига сократить,
С горячих щек смахнуть по капельке росы,
Связать на узелки разорванную нить.

Того не зная, смог меня ты подвести,
Забыв о встрече той, которую не знал,
По линии моей судьбы не провести,
Всех тех, кто так велик, а может
слишком мал.

Хрустальный юный взгляд
сквозь призмы старых скал,
На камне не нашла я две свои косы...
Мой замок из песка напрасно ты искал,
Он перетек в твои песочные часы...

Украинский поэт, автор песен, бард, филолог, писатель, переводчик. Член редколлегии журнала «Радуга», член жюри различных песенных конкурсов. Член Ассоциации русских писателей Украины. Участник туристических походов по Восточным Саянам, Дальнему Востоку, Уралу, Памиру, Кавказу.

ВЛАДИМИР КАДЕНКО

БЛАГОВЕЩЕНИЕ ДЕВЫ МАРИИ
Поэма

1

Игру затевали у вешней воды
Шумливые дети.
Теплом наливались поля, и сады
Цвели в Назарете.

Закат галилейский на город льняной
Спешил опереться.
И так голубок ворковал за стеной,
Что таяло сердце.

Трава подступала под самый порог.
Весна нарастала.
В открытые двери заглядывал Бог:
Мария читала.

Пытали пергамент дыханию вспять
Персты восковые,
Как будто на ощупь премудрость понять
Старалась Мария.

Дрожали оливы в проеме окна
И тени бросали,
Но светом счастливым светилась Она
Над Книгой Исайи.

Спокойно текли за главою глава —
Времен дуновенья —
И в самую душу проникли слова
О Божьем знаменьи.

В наплыве неясных и радостных слез,
В порывах свирели
Ей чудился Сын, и дыхание роз
Вокруг колыбели,

А в грудь ударялся небесный настой
Волною упругой.
«Ах, если бы стать Мне у Девы Святой
Последней прислугой».

Был возглас Марии настолько нежней
Мольбы материнства,
Что, стоя у райской калитки Своей,
Творец озарился.

2

Нет, не шаги, и не скрип отворяемой двери.
Нет, не движение ветра в померкших густых кипарисах...

День остывал — уходил за холмы, и по мере
Близости ночи поток умолкал. И источник затих, точно высох.

Стихли смоковницы. В улочках не говорили.
Замерло все. Отзвучали сверчки понемногу.
Только светильник дрожал, освещая жилище Марии,
Знавшей уже, что гонец приближался к порогу.

В час, когда Божий посланник слетал в Галилею,
Смерть умирала, забыв наказанья и казни.
«Здравствуй, Мария!» — Архангел возник перед Нею,
Но не заметил в Марии и тени боязни.

Голос его был ни с арфой не схож, ни с трубою —
Юноша так говорит — и взволнованно, и вдохновенно:
«Радуйся, о Благодатная! Бог наш с Тобою!
Ты среди женщин воистину благословенна!»

Не догадалась Мария о слове провидца —
Речи небесные Ей представлялись иначе.
(«Богом он послан, а душу заставил смутиться,
Кто вразумил бы, ответил бы — что это значит».)

Камертон вечности.

Божия нежность сияла в очах Гавриила:
«О, успокойся! Сомнение да не тревожит
Сердца святого, которым ты ввысь воспарила».

«Все, что предсказано в Книге Исайи-пророка,
Сбудется в точности. И пред Тобою я ныне,
Ибо Земля дождалась долгожданного срока,
Ибо Всевышний Отец помышляет о Сыне».

«Ты обрела Благодать у Великого Бога —
Это и в свитках взойдет, и в преданьи изустном —
Скоро зачнешь и родишь Ты в пещере убогой
Божьего Сына, Его нарекут Иисусом».

«Свет воцарится, навеки погибнет обида,
Будет любовь, не останется места коварству,
Вышним наследством получит Он Царство Давида,
И никогда не развеяться этому Царству».

Ангел умолк. В тишине, в наступившем молчаньи
Даже светильник в покое светился без звука.
Ровно горели, как будто Младенца качали,
Томные звезды. Ни вздоха, ни скрипа, ни стука.

Но, встрепенувшись, к Архангелу очи воздела
Божья Избранница. И, с высотою согласно,
Тихо сказала: «Живу я в дому древодела,
Мужа не ведая, ложу любви не причастна».

«Не прикасался ко Мне боговерный Иосиф,
Нежного Тела мужчина вовек не коснется.
Как без семян не дождаться тяжелых колосьев,
Так и Ребенок во чреве Моем не зачнется...»

Ангел кивнул. Он не ждал от Марии иного,
Горний посланник, немыслимый гость полуночный:
«Бог осенит. Причастишься Ты Духа Святого.
Даже в зачатьи останешься Ты Непорочной».

«В святости душ зарождается сила святая.
Грех не падет. Ты ни в чем не нарушишь завета.
Вот и сейчас, материнства доныне не зная,
Мальчика ждет престарелая Елисавета».

«Что предначертано мудрыми, то и случится.
Я не гонец — Всемогущего Господа глас я.
Птица летает, и все же на скалах гнездится,
Но Небеса ожидают земного согласья».

Влагой живой налились, вожделея ответа,
Дали морские и рек вавилонских начала,
И Иордань, и в забвенье текущая Лета...
Ждал Гавриил. И Мария ему отвечала:

«Что ж, если так, то и Я говорю не с тобою.
Мы не подвластны ни краю земному, ни крову.
Ныне и присно останусь Я Божьей Рабою.
Бог выбирает. Да будет по Божьему Слову».

Смолк разговор. Золотистое вспыхнуло пламя.
Небо зарделось в мгновенном огне незнакомом.
Вздрогнул Иосиф, легонько задетый крылами,
Но не проснулся. И ангел вознесся над домом.

Украинская писательница, поэтесса и журналистка. Член PEN International, Союза писателей Москвы, Южнорусского союза писателей, Национального союза журналистов Украины. Первая публикация – в 1991. в альманахе «Вольный город». Спустя 22 года вышла книга «Глаголы настоящего времени». г. Киев.

ОЛЬГА ИЛЬНИЦКАЯ

* * *

Сумерки. Мелко поземка змеится.
Тени на стенах. За окнами лица.
Староконюшенный дышит устало.
Кто, хоронясь, переулком идет,
пряча в рукав осторожное жало?
Тонко метель в подворотне поет.
Кто сторожит у парадного входа,
след оборвав у стеклянного брода,
кто рукавицей зажал громкий рот?
Нож не опасен случайным прохожим –
прочим, другим, на тебя не похожим.

* * *

На все вопросы один ответ:
Не грусти. Не свисти. Не кури сигарет.
Без фильтра курю, как зэк в уголке,
Библейские тексты сжимая в руке.

И БЕЛОЕ ПЕРЫШКО

1

...ненавижу все что вижу:
крышу,
выше глубину
ночи страшной
непроглядной.
Там, в безмолвии греховном
путаница прядей темных,
парикмахер остро бреет
головы созревшим.
Зло.

2

Сунул нос, чтобы смотреть,
убедиться в праве?
И тебя подправят.
Вот четыре крыла
парикмахерских плащей.
Щелкнут ножницами –
чей неподстриженный?
Ничей.
Так зачем тогда глазеешь
в черную дыру?
Срежут голову и тоже
станешь на дыру похожим.

В эту тьму не в гости ходят,
волосы в клубок смотав –
эта пряжа не для «кухни».
Для чего и кто нарисует
профиль мелом,
разотрет по лбу сурьму,
мерку снимет срочно.
Захотел не знамо что
разглядеть воочью?
А не суйся
в прорезь тайны,
там ни зги.
Не тебя позвали.
Не тебя везли
в зыбкой
колеснице,
и не над тобой
цирюльники работали –
как голуби ойкали.

Срежут с головой
прическу
не тому сейчас.

3

То-то, спи –
уже погас
свет в (пока)
чужом окошке.

Брови насурмили,
покрасили рот.
Вот какие сны я вижу
сутки через сутки.

Но теперь
ко мне вломились
и всучили поутру
посох в руку
и суму –
звана.

4

Это стремнно –
алый рот
насурмлены брови,
и комок волос,
вроде доброй волей
отданных во сне
парикмахерам безумным
с полной урной прядей,
прядок, прядочек...

Это кто рядком затих
на лавочках струганных,
балуясь чайком.
Волоски из чашечек
выберут потом.
Прочь покудова прошу,
а не то с рассветом
всех незваных приглашу

выпить чашу эту —
где заваркой перышки
голубиные.

...Так узнала, что у ангелов
пряди длинные.

Я ЧИТАЮ ТЕБЯ И СЕБЯ

Слово «возраст», конечно,
женского рода.
Как и «зеркало».
Владлен Дозорцев.

Я читаю тебя и себя не в первый раз.
Голубого сухого льда не пугает пламя.
Я согласна глотать эту злую словесную вязь,
Отрастающие волосы нести, как знамя.
Только что я могу в нашем мире больших ножей.
Кривым зеркалом отразившем не меня, а моих мужей.
В старом замке у самого Черного моря.
В новом платье изящном, сшитом для горя.
Ты, чужой и сильный, не поднимай
Соскользнувшую с плеч мою вдовью шаль.
Потому что и я уже будто —
Ускользнула в ту степь, где ковыльно и людно
От скачущих с гиканьем: «Сарынь на кичку»!
(Вы молчали ко мне, вы ни слова лично).
Это, видно, татаро-монгольское иго
Всех не то, чтоб рассо*р*ило — рассор*и*ло.
Потому что прошлое уже было.
Потому что я взрослая женщина, Боже.
...А старуха уже все на свете может...
И когда я лягу в чужую кровать
Не любить, а еще страшней — умирать,
Во мне маленькая девочка гукнет беззубым ртом.
Как виновата я перед ней,
Не пощадившая даже своих сыновей,
Оставлявшая жизнь и любовь — на потом.

ВСЯКОГО БОГ ХРАНИТ

Словно историй нарыв — из глубины времен,
я возвращений жду каждого в свой район,
где места миру нет, нет — красоте...
Рядом — не узнан никто, ибо — не те...
Ответишь ли, что за стих, и почему звук стих?
Кто запустил движок того, кто стирает блог,
книгами кормит костры. Лезвия чьи остры?
И по кому рыдал маленький детский бог?
Это за что в висок ввинчен земной виток?
Всё. Ничего не жаль, было — прошло.
Это небес скрижаль — перекорежило.
Что я смогу сказать — рот закушен навек.
Дольше побудь живым, теплый ко мне человек.
Здесь, высоко в снегах — благостно и светло.
Здесь претворяют прах в чистое вещество.
Слушаю день и ночь голос людских щедрот.
Как я скажу про то, что поняла не вдруг:
не передаст никто свой спасательный круг.
Не продышать, нет сил — в светлое завтра окно.
Ведь не увидеть свет, если в глазах темно.
Как не коснуться листа, если бежит строка...
Если уста к словам, что к поводку рука...
Память дана тому, кто опрокинуть смог
мир в себе и войну — в холода млечный слог.
А разжавши уста, кто кому повелит?
Произнесет не всяк — Всякого Бог хранит...

БАБУШКЕ, ЖИВШЕЙ В ДЕБАЛЬЦЕВО

Потихонечку, потихо...
завожу я твой патефон.
За окном доцветают вишни.
Твои окна намного выше,
чем венец их цветущих голов.
Я к тебе приезжала чаще,
чем сады превращаются в чащи
непролазные, чем дитя
перейти могло рубикон
от пророчества до девичества.
Вишни, бабушкино величество.

Тяжелый рок
Малый колокол скороговорку рассыпает.
Речитативом вторит колокол большой.
Звон отлетает и в пространстве тает,
рифмуя «воскресение» с «упокой».
В день воскресенья выходные мы
от всех жилищ, пристанищ и ютилищ.
О, как беспомощно мы в божий храм идем,
где прадеды за правнуков молились.
Светлая память. Светлая память. Светлая...

Малый колокол сквозь зубы, как в ознобе,
сотворит колючий перезвон.
Воскресенье Бога за руку уводит
в божий дом.
У Бога руки слабые.
У бога щеки белые.
Ах, что мы с Богом сделали?
О, что мы с Богом — сделаем!

А колокол — он кол-о-кол,
как будто дел до Бога нет,
при-го-ва-ри-ва-ет:
поганцами замученный,
прекрасен Бог задумчивый,
христианский мученик
доведен до распятия
бра-ти-ей...

То-ва-ри-щи!
Живых душ не ищи:
вор на воле —
вор на воре
в красном головном уборе.
Шапка горит,
шапка горит,
шапка горит на воре!

* * *

Ты лучше не поминай причину былых размолвок.
Он песенен, этот край щеглов и красноголовок.
Смотрю я во все глаза — летят над рекою утки,
и, знаешь, нельзя сюда запавшим на прибаутки,
раешники, на галдеж тусовок, глухих к свирели.
Поймешь ли, как все они, и ты заодно, надоели
смертельно мне, знаешь, да?
Вали по добру отсель — где иволги голос чист,
словно певунья свирель...

**Родился в 1959 году в Харькове (УССР).
Окончил радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники.
Автор поэтических сборников «Имярек», «Вервь», «Листобой», «Хожение», «Невма», «Снить», а также книг эссеистической прозы, энциклопедий и альбомов о храмах и святынях Руси и др.
Член Союза писателей России и Русского ПЕНа (Москва), Национального союза писателей Украины (1994–2014).
Лауреат Международной премии Арсения и Андрея Тарковских, Всероссийской премии им. братьев Киреевских, им. Б.Слуцкого, «Народное признание» и других литературных и журналистских премий России и Украины.
В 2014 г. награжден Золотой медалью «Василий Шукшин».
С августа 2014 г. живет в Белгороде.**

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

* * *

Проснешься — с головой во аде, в окно посмотришь без очков,
клюешь зеленые оладьи из судьбоносных кабачков.

И видится нерезко, в дымке — под лай зверной, под грай ворон:
резвой, как фраер до поимки, неотменимый вавилон.

Ты дал мне, Боже, пищу эту и в утреннюю новь воздвиг,
мои коснеющие лета продлив на непонятный миг.

Ты веришь мне, как будто Ною. И, значит, я не одинок.
Мне боязно. Но я не ною. Я вслушиваюсь в Твой манок,

хоть совесть, рвущаяся в рвоту, страшным-страшна себе самой.
Отправь меня в 6-ю роту — десанту в помощь — в День седьмой!

Мне будет в радость та обновка. И станет память дорога,
как на Нередице церковка под артобстрелом у врага.

SKYPE

Сын по скайпу показывает ему пятимесячного внука.
Внук, солнечный малый, лыбится и пищит.
Он говорит сыну: «Какой смешной глазастый пищун!»

Дочь по скайпу показывает ему его собаку.
Та сопит, кладет башку на лапу и глубоко задумывается.
Он говорит дочери: «За эти три года она еще больше стала
походить на тюленя. И пятачок у нее поседел».

Жена по скайпу показывает ему большие сливы из их сада.
«Ты в новой красивой блузе, тебе идет, — говорит он жене.
— Сладкие?»
«Да, очень», — отвечает жена.

* * *

Мама стала махонькая, как котик.
Мама стала тихонькая, как мышка.
Мама еле-еле по дому ходит.
Гречку перебирая, лапкой гребет, как мишка.

Мамины дни теперь ни пестры, ни пёстры —
мелкой моторикой их не унять, итожа.
Старощь и немощь — тоже родные сестры,
так бы поэт сказал, если б только дожил.

Мама крючком салфетки плетет, платочки,
превозмогая тернии Паркинсона.
Если идти, то надо идти до точки —
где золоты цветы на кайме виссона.

* * *

В неделю первую Поста
была еда моя проста,

да — тяжек ум. Хотя в капели,
слетавшей с синего холста,
я слыхом слышал Те уста,
что говорили или пели.

В неделю первую Поста
была душа моя чиста
и по отцу сороковины
справляла. И, неся свой крест,
сквозь слезы видела окрест
свои ж безчисленные вины.

Не досчитавши до полста,
я список лет прочел с листа,
и, ужаснувшись, благодарен:
у Гефсиманского куста
мне тоже Чаша — непуста,
напиток огненный — нектарен.

КУЗНЕЧИК

Елене Буевич и сыну ее Ивану

Час настал, отделяющий души от тел,
и застыла ветла у крыльца.
И кузнечик, мерцая крылами, слетел
на худую ладонь чернеца.

И продвинулась жизнь по сухому лицу,
и монах свою выю пригнул.
И кузнечик в глаза заглянул чернецу,
и чернец кузнецу — заглянул.

«Как последняя весть на ладони моей,
так я весь — на ладони Твоей...» —
молвил схимник, радея о смерти своей
и луну упустив меж ветвей.

«Перейти переход, и не будет конца —
в этом знак кузнеца-пришлеца.
Переходного всем не избегнуть венца —
по веленью и знаку Отца.

Нет, не смерть нас страшит, а страшит переход,
щель меж жизнями — этой и той.
Всяк идет через страх на свободу свобод,
И трепещет от правды простой».

И еще дошептал: «Погоди, Азраил,
не спеши, погоди, Шестикрыл!»
Но зеленый разлив синеву озарил,
дверцы сферного зренья открыл.

И послышался стрекот, похожий на гул,
и как будто бы ивы пригнул.
...И кузнечик бездвижную руку лягнул:
в неизбежное небо прыгнул.

ПРО ЗЕВЕДЕЯ

Се — сидит Зеведей, починяющий сети.
«Где же дети твои?» — «Утекли мои дети.

В Галилее ищи их, во всей Иудее,
позабывших о старом отце Зеведее».

Так речет Зеведей, покидающий лодку.
И мы видим тяжелую эту походку

и согбенную спину, поникшие руки,
ветхий кров возле Геннисаретской излуки.

А вдали, как поведано в Новом Завете,
оба-двое видны — зеведеевы дети,

что влекутся пустыней, оставивши дом их,
посреди первозванных, Мессией ведомых.

Да, мы видим: они, Иоанн и Иаков,
впредь ловцы человеков — не рыб и не раков —

босоного бредут посреди мирозданья
нам в укор и в усладу, в пример, в назиданье.

Вот — пред тем, как приблизится стражников свора,
сыновья Зеведея в сиянье Фавора,

вот — заснули под синим кустом Гефсимани —
от печали и скорби, как будто в тумане,

и всегда — как надежа, защита, основа —
обнимает Иаков, старшой, Богослова.

Нам откроют деянья, где явлены братья:
Иоанн златокудрый — ошую Распятья,

и, сквозь дымчатый свет тополиного пуха,
мы Святаго увидим сошествие Духа,

а потом — как, зашедшись от злобного хрипа,
опускает Иакову Ирод Агриппа

меч на шею, святую главу отсекая;
у апостольской святости участь тякая.

Дальше мы озираем весь глобус как атлас:
Компостеллу из космоса видим и Патмос,

и Сантьяго де Куба, Сантьяго де Чили...
Это все мы от братьев навек получили

в дар — свечение веры, величие жертвы.
Те, что живы, и те, кто пока еще мертвы,

грандиозную видят Вселенной картину,
окунаясь в единую света путину,

где пульсирует Слово Христово живое,
за которым грядут зеведеевы, двое.

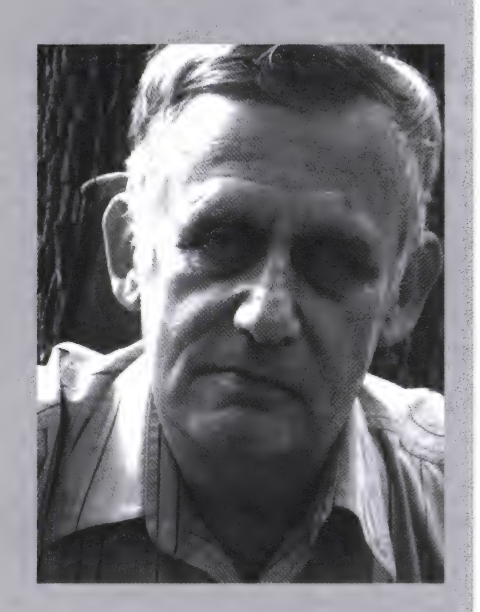
...Да, понятен посыл, и отрадна идея.
Отчего же мне жаль старика Зеведея?

* * *

Дышит ветер неспешный заветный,
овевая невидимый сад.
Ходит тихо Господь безответный
посреди обезумевших стад.

Никакого им сада не надо
и не надо для сада рассад,
потому что рассада для ада
им отрадней, как собственно ад.

Потому что не кущи, а рощи
разрастаются в теплой крови.
Потому что бездумней и проще,
и привычнее жить без любви.

Живет и работает в Киеве. Поэт, прозаик, переводчик, критик. По образованию – математик, окончил КГУ им. Т.Г.Шевченко. Член Национального союза писателей Украины. Ответственный секретарь жюри премии НСПУ им. Н.Ушакова. Автор книг стихов и прозы: «В то же время», «Не сезон», «Перебор», «Сюрлиризм», «Фонограф», «Свод».

ВЛАДИМИР ГУТКОВСКИЙ

* * *

Я был на родине любви.

То, что я там увидел,
могу только перечислить.
Описать не смогу.
Не сумею.
Там нужно ходить босиком.
Но суровые служители на входе
всем выдают белые тапочки.
И предусмотрительно
наглухо застегивают души.
Это безжалостно, но милосердно.
Иначе они могут просто
не выдержать и разорваться.
Еще там заставляют
надевать защитные очки.
Они сильно искажают,
а помогают слабо.
Но спасибо и за это.
За частично работающее зрение.
Это единственное
доступное там чувство.
В остальном
ты глух и безгласен...

Я был на родине любви.

Там очень умелые гиды.
Нашего брата туриста
они повидали всякого и немало.
Никто не хочет возвращаться оттуда.
Но никому не удается остаться.
Некоторые поддаются увещеваниям,
внимают голосу разума.
Цепляющихся не слишком деликатно
выпроваживают пинками.
Ничего не поделаешь —
время сеанса ограничено...

Я был на родине любви.

Визу туда выдают только один раз.
Не пытайтесь утерять паспорт.
Или подделать документы.
Отпечатки глаз хранятся вечно.
Вас больше туда не пустят...

Я был на родине любви.

У меня была хорошая группа.
Редкая группа крови.
Мы и сейчас иногда встречаемся,
хотя это и против всех правил.
Долго говорим по телефону.
Говорим о другом,
но каждый из нас помнит —
мы вместе были на родине любви.
Но они уходят. Уже уходят.
Скоро я останусь один.
Или их оставлю одних...

Я был на родине любви.

Я смотрю в окно.
Ласточки спустились совсем низко.
Такая понятная примета.
Я становлюсь назойливым
и однообразным.
Как дождь.
Но пока он не пошел.
Пока я могу повторять это.
Я говорю снова и снова...

Я был на родине любви.

* * *

Родина моя — Евбаз!
Вот ответ на ваш вопрос,
почему я Жидкоглаз.
Жидконос. Жидковолос.

Говорят, что был Исход.
Кажется, еще Завет.
Все давно прошло, и вот
нынче и в помине нет.

Наш Отец настолько дряхл,
что не может ничего.
Время обратилось в прах.
На престол взошел И.о.

В глубине священных книг
то ли сказка, то ли быль.
Но, когда вникаешь в них,
то глотаешь только пыль.

И от нестерпимых уз,
и от бесконечных дум
помутился и обрюзг
мой не больно крепкий ум.

Как мечтал один Арап —
дескать, «тленья убежит»!
Но судьбою смерть поправ,
Вечен в мире только Жид!

Жизнь несущий на весу.
В душу тесно облачен.
Что скитается вовсю.
Проклят. Этим и прощен.

Ну, а я уйду туда.
В царство призрачных теней.
Понимая, никогда
больше не увижусь с Ней.

В рай довольно узок лаз.
Но, похоже, кончен рейс.
Как ты там, родной Евбаз?
Я уже на месте. Хвейс!

К ПОРТРЕТУ Т.А.
(автор-художник Рафаэль Багаутдинов)

Ни взгляда оторвать, ни выпустить на волю.
Затейливый пейзаж, сгодившийся на фон.
Но ты уже к нему прикован, им присвоен,
до капли растворен, навечно пригвожден.
Как отзвук давних слов, плывут другие лица.
Иные имена вплетаются в сюжет.
И странный этот свет струится и двоится
в ночи — как явь и сон. Как образ и портрет.
Там полная луна парит на пьедестале
и символов ночных неразличима нить.
И медлишь потому, уставившись в детали,
что страшно сделать шаг — к загадке подступить.
Цветного витража, растрескавшейся фрески
осколок, лепесток, чешуйка и пыльца.
И полуоборот решительный и веский
над призраками снов царящего лица.
Которое к себе влечет неотвратимо —
пленительный изгиб, таинственный обет.
С рождения души наложенная схима,
Впитавшая в себя небесный этот свет.
А ты опять ему внимаешь богомольно,
глядишь во все глаза, следишь издалека,
как тонкая рука роняется безвольно —
трагический излом поникшего цветка.
Продолжить этот жест могли б клинок и гарда,
опущенные вниз, — окончена дуэль.
Улыбкою б черты чуть тронул Леонардо,
но так — трезвей — ее увидел Рафаэль.
Обычный человек, нерасторопный гений.
Всего вначале он и сам не знал, но вот —
свободный результат медлительных прозрений,
мерцая и маня, пред нами предстает.
И дальше — суть видна как прорастанье зерен,
как отповедь тоске, как парафраз обид.
И дальше — каждый штрих случаен, но бесспорен.
Он все соединит. И снова раздробит.
Глаз этих глубина как ангельское пенье.
И как благая весть из неизвестных стран.
Как под рукой — волос спокойное кипенье.
И кожи белизна. И горделивый стан.
Что самоценно и что параллельно славе —
неизъяснимость слов, объятий нежный хруст.
О чем не рассказать, когда раздует пламя
неистовой свечи дыханье этих уст.
Порхают мотыльки в трепещущем полете,
настойчивая кисть вскрывает новый пласт —
простой и внятный смысл — что и по части плоти
высокий этот дух любому фору даст.
И все же стоит быть поэтом и изгоем,
и смутно ощущать, как с плоскости холста
нисходит в бренный мир провидческая горечь —
бессмысленна любовь, бесцельна красота.
И сколько надо слов отбросить и растратить,
пускать Пегаса вскачь, переводить в полет,
чтоб истину постичь или себе потрафить, —
а там — кому дано, возможно, и поймет.
Оставить легкий след, едва заметный слепок
своей души и знать — хоть вечен бег времен,
но их могучий рев, неуловимый лепет,
по сути, для тебя — не более чем фон.

* * *
Звездный накинут полог
сразу после шести.
Путь, что далек, и долог,
пройден уже почти.

Чувствуешь себя Крезом,
очередной денек,
так щедро отрезав
и раскрошив у ног.

Налетающим птичкам,
что бездумно клюют,
как и прочим привычкам
скоро общий каюк.

Если душа простая
по истечению лет
в небе пустом истает
как сигаретный след.

Цвет неба — не маркий.
Тот же и у реки.
Там, где звездные шкварки,
шаркающие шажки...

Портрет Неизвестной.

АННА СТРЕМИНСКАЯ

Училась в Одесском Театрально-художественном училище на театрально-декорационном отделении. Закончила филологический факультет Одесского университета. Работает ведущим научным сотрудником Одесского Литературного музея. Печаталась в журналах: «Октябрь», «Дерибасовская-Ришельевская», «Южное сияние», «Крещатик», «Зинзивер», «Дети Ра», «Соты», «Дон», «Меценат и мир», «Мир Паустовского», «Журнал поэтов», «Интерпоэзия», «Артикль», «Литературный Иерусалим», в Литературной газете. Автор поэтических сборников: «На древнем языке», «Трое», «Умение говорить шепотом», «Марфа и Мария» и многих коллективных сборников. Победитель международного литературного фестиваля «Славянские традиции».

НЕМЕЦКАЯ КАСКА

Сергей нашел немецкую каску с дырочками от пуль.
Ради смеха надел он ее на голову, и вдруг его захлестнул
поток чужого сознанья и речи нездешней лязг.
И он закричал: «Мою голову прострелили!», и разум его погас.

И снится ему, что лежит он в поле на чистом белом снегу,
пронзенный насквозь чужою болью: «Майне либе, я встать не могу!
Зачем я лежу на большом покрывале, холодном, как чья-то смерть?
Мою голову прострелили, майне Ленхен, майн херц!

Зачем я лежу здесь, подобно снегу, а мне еще нет тридцати!
Ведь если время приказывает нам быть, то пространство
приказывает идти.
Но я умираю, и снег накрывает белой меня простыней...
Я был поэтом, а не солдатом, я хотел вернуться домой.
Всегда мне казалось: надо мною витают ненаписанные стихи.
Но смерть говорит: это были пули! Шаги ее так легки...»

С Сергея сняли немецкую каску — зачем нам чужие грехи?
Он долгое время ходил как блаженный,
затем сел за стол и начал писать стихи.

ВАВИЛОН

— Что ты там видишь, в окно окунаясь ночное?
— Вижу работы на лунных полях Междуречья.
Ночью работают, днем же, спасаясь от зноя,
в хижинах спят, шелестящую слышу их речь я...
Башен, ворот Вавилона вдали силуэты...
Ночь нависает над ними законом тирана.
Пьян во дворце Хаммурапи, пьяны горожане,
но рыбаку веселей, чем царю иль поэту.

— Утро... Что видишь в деревьях, в фигурах прохожих,
в сонных трамваях, стадами бегущих из хлева?
— Вижу — вступленье рассвета по свежести схоже
с садом висячим и с ликом ячменного хлеба.
Знаю — не пал Вавилон, на земле он все длится:
где-то проходят воротами сонмы торговцев,
где-то цари облачаются в багряницы,
сонмы блудниц обращают помятые лица
ввысь, где бог Солнца несется в своей колеснице...
Мы на планете языческой — дикие овцы.

* * *

Облака говорят на санскрите,
Облака говорят на латыни...
Говорите со мной, говорите!
Этот день был тяжелый и длинный.
Облака надо мной проплывают
и словарь драгоценный роняют:

«агни», «веды», «поэта грекорум»
и рифмуют его с «романорум»...

Древний агни горит в наших жилах,
мимо стройная дэви проходит.
И в уме все слова колобродят:
Веды — ведьма, медведь, джива — живы...
Облака знают все, все видали:
древних ариев славу и горе,
древних греков дороги и дали,
древнеримских владений просторы.
Но к истокам припасть тянет снова,
что всанскрита живительной влаге.
Мама — мата, брат — братар, и слово
полыхает огнем на бумаге!

* * *

Одиссей возвратился,
пространством и временем полный...
О.Мандельштам

Сколько талантов зарыто в земле — она не спешит
делиться —
сколько секретов, страстей и прочих других сокровищ...
Только растеньям она открыла и птицам —
сколько впиталось в ее чернозем неповинной крови.

Сколько оружия, амфор, роскошной посуды,
сколько монет, украшений искусной работы.
Сколько сокрытых любовей — чьих? и откуда?
в землю ушло и полито могильщиков потом.

Сколько безвестных легло в этот грунт, что убиты
дерзким мечом или просто устали чрезмерно.
Их имена или клички лишь травам открыты —
травы их помнят уж тысячелетья наверно...

Все принимает земля — чернозем и суглинок
также податливы, как и во дни сотворенья.
Дом твой стоит на костях скифов иль сарацинов?
Чьи различимы слова в шелестеньи и пеньи?

Все принимает земля, а трава покрывает —
ходят по степи зеленые, пряные волны...
Кто там в земле? Одиссей ли зарыт под сараем?
Кто упокоен — и жизнью, и бременем полный?

* * *

Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом,
а одно только нужно. Мария же избрала благую часть,
которая не отнимется от нее.
Евангиле от Луки, гл. 10, 41-42

Меня называли Марией,
а я оказалась Марфой!
Подрезаны мои крылья
и спрятана моя арфа.

Ведь после базара не нужно
ни музыки, ни полета,
ни слова Учителя. Ужин
важнее всего да работа.

Обильное угощенье
радушно встречает гостя.
Надеемся на прощенье,
да жиром заплыли кости.

Но все же сквозь чад кухонный
доносятся звуки арфы.
Сквозь быта чугунные тонны...
О, Марфа, трудяга Марфа!

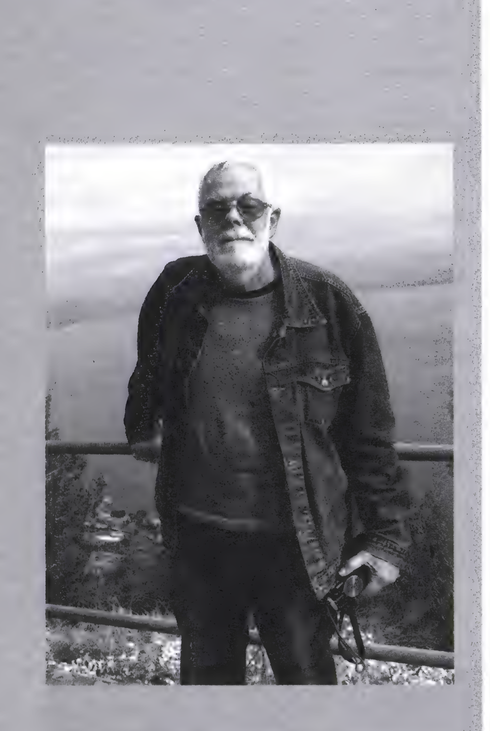
И все же доносится Слово
сквозь грохот горшков и тарелок,
сквозь крики ослов — так ново,
и так непривычно смело!

И все сжигает пожар твой,
о, Слово, ведь ты — стихия!
Меня называли Марфой,
а я оказалась Марией!

Муза, сбрасывающая крылья.

По специальности – философ, этик. Работал в Институте философии НАН Украины, преподавал в киевских вузах. После событий 2014 г. покинул Украину. В настоящее время живет в Израиле, в г. Нагарии. Основные книги: «Уязвимость любви», «Этика общения», «Этика. Курс лекций», «Нагарийские тетради». Опубликовал поэтический сборник «Вослед душе». Также публиковал стихи в журнале «Collegium» и альманахе «Соты».

ВИКТОР МАЛАХОВ

МОЛИТВА ОТШЕЛЬНИКА

Помилуй, Господи, края,
которых я не знал —
пусть будет ангелам земля
как сладостный привал.

Пусть будут темные моря
и город на рассвете
и здесь, где родина моя,
и на другой планете.

Помилуй, Господи, края,
которых я не знал,
помилуй тех, кто звал Тебя,
всю жизнь Тебя искал.

Помилуй, Господи, любя,
в отеческой печали,
и тех, кто не искал Тебя, —
за то, что не искали.

Помилуй, Господи, края,
которых я не знал.
Помилуй тех, кого никто
в молитве не назвал.

За той чертой, где вестник Твой
крыла не распростер,
даруй им, Господи, покой
и тихий разговор.

* * *

правда боли и правда веры
правда пота и правда света
правда счастья и правда гонений
и последних минут перед смертью
правда сердца и правда страданий
правда страха и правда надежды
правда мудрых волхвов предсказаний
правда гневных пророков мятежных
правда слабости правда силы
правда нежности правда свинца
правда сказки и правда были
правда верности до конца
правда плачет и правда шепчет
правда судит
правда не спит
правда милует
правда как голубь трепещет
в детских ладонях твоих

* * *

Мы на огромном кладбище Вселенной
еще не встретили себе подобных
погорельцев,
но страх перед возможной этой встречей
уже тревожит нас. И вот, за той звездой,
чуть-чуть левей и вверх — чей это череп
на нас таращит мутные глазницы
в десятки тысяч безнадежных лет?
И мы летим, летим, а на пределе света,
в глазницы наши устремив свой взгляд,
завороженно ищет в них ответа
в сетях иной судьбы запутавшийся ад.

«ЕСТЬ ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА, ДЖАННЕТТА...»

Соберу тебя по малой ветошке,
в избу каждую вкачусь белой заметью:
а скажите, хозяева, где моя детушка,
чай, негоже от меня ее прятати.

Соберу тебя по хворостиночке,
по малой веточке да по зелену листику,
выплачу тебя всю по слезиночке,
утомлю тебя слезной жалостью.

Из прели лесной, кликов утренних
уж собрал твой стан я украдкою,
а из тех корешков заветных моих
так сложу тебе головку сладкую.

* * *

Я прошел полосу ночи,
я достиг полосы света,
над холмами луна слепнет,
как ребенок больной хнычет.

В холода — а идти долго —
нет пути с первого шага,
я очнусь памятью волка
на тропе, где луна стынет.

Под луной, что в свету воет,
я кровавой ищу снеди.
Синий холод плетет сети,
темень поля меня скроет.

* * *

Прорежет солнечное утро
ожог беды, глоток воды
остудит горло, караваном дня
потянется отсюда до заката

теченье дел, не одаренных правдой,
никчемных, неизбежных, никаких.
Отсюда — а хотя бы и обратно,
в тот давний миг надежды и зари,
затем, что все равно. Вестей не будет.
Не будет чуда. Твердь не прошибешь.

И лишь однажды, вырвавшись из плена
немых желез, из заточенья век,
в пучине дней беспутных и унылых
сверкнет, помедлив, глупая слезинка,
соскальзывающая навек.

* * *

В вашем мире, как в чужой стране,
по струне идти мне, по струне —
жмется напряженная строка
под прицелом зоркого стрелка.

По струне, а значит, по стреле,
может быть, последней на земле,
мимо вотчин лагерных царей,
золотокипящих алтарей,
мимо площадей, праздничных огней,
пламенных речей, злобных стукачей,
липких соцсетей, сплетен и обид,
бравых трубачей, позабывших стыд, —

по упрямой солнечной стерне,
по стерне — и все же по струне.
Что ж, крепись, последняя строка,
под прицелом вечного стрелка...

* * *

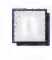
Нет, я не вернусь,
даже если утихнут дожди —
дорогие друзья, ну куда мне теперь
возвращаться?
Пусть заплаканный город
вытрет радугой очи свои,
мне пред очи его
отныне нельзя показаться.

Как во сне, я бреду
по исхоженным с детства местам,
вижу, как наяву, лаврским золотом
шитые склоны...
Не гадайте, друзья,
мое сердце не здесь и не там —
в чужедальней дали
мой горит огонек потаенный.

И я не вернусь,
даже если пойдет снегопад
и укроет печаль, как червонную
копоть Майдана.
Те мосты сожжены,
на прошедшем сиротства печать,
и мозолят плечо
гробовые углы чемодана.

А в вишневом краю
будут новые песни звучать —
про беду и победу над ворогом
и про надежду.
Рассудите, друзья,
у меня ли не ворона стать —
о какой же земле,
о какой же надежде я грежу?

Но будет стоять
этот город над вечной рекой,
будет вечное солнце
к прохладной листве прикасаться,
и летят вечера
в небосвод золотой, голубой,
и пылает рассвет —
и как мне с тобой
распрощаться...

Расставание.

ЛЕСЯ ТЫШКОВСКАЯ

После окончания университета им. Т.Шевченко и защиты диссертации по творчеству Марины Цветаевой оставила научную карьеру. Работала в театрах, снималась в кино. Свои спектакли, перформенсы и концерты окрестила «Театром Автора». Член Союза писателей Украины. Печаталась в периодике Украины, России, Франции и Америки. Автор семи поэтических сборников и трех музыкальных альбомов. Живет во Франции.

* * *

Как рассмотреть сквозь отпечатки лет,
сквозь опечатки выцветших изданий,
сквозь безнадежно пасмурный рассвет
наполненных, но одиноких зданий?

Как рассмотреть сквозь беспросветность встреч,
ворвавшихся в вечерние пустоты,
в дамоклово-уклончивую речь
навстречу гостю позднему:
— За что ты?
Как рассмотреть — не вздрогнуть, не моргнуть,
не сделаться чужой и преходящей,
не скрыть свою трепещущую суть,
когда тебя увидит настоящей

слепец прозревший — тот, кто свет дневной
познал сквозь стекла, а ночной — сквозь веки
и разобрал, сорвав за слоем слой:
мы — снов ловцы, где тонут человеки,

и удержал желанием одним
тончайшие, невидимые нити,
пока я белой бабочкой над ним
пыталась видеть.

* * *

Горе растет вовнутрь.
Местные слезы его орошают.
Знаю: если поднимется сад,
он разрушит меня.

* * *

Моя Вселенная опустела,
когда Мужчина стал моей Вселенной.

* * *

Я — в паузе. Я долго не смогу.
Мне не хватает праздничных мелодий
Я зависаю на вчерашней ноте
И не могу начать свою игру.

Мне клавиши на блюдце поднесут —
Полакомиться звуками ручными.
Покорной и податливой личиной,
Наброшенной на немоты сосуд.

Импровизируй, хватит партитур,
сценариев и молчаливых книжек
В стране, где так хотелось воспарижить,
попробуй жить без помощи микстур

отечественных, без рецептов мам,
поющих колыбельные так вкусно,

что хочется опять найтись в капусте
и закричать: верните небесам!

КИЕВУ

Этот город...
Разве может оставить его в одночасье
тот, кто в ласковый воздух вмурован, почти-заключенный?
Даже если Золотые ворота разберут на запчасти
и шансон вездесущий заглушит колокольные звоны.

Ты стоишь у ворот, сознавая, что это — прощанье.
Чуть откроется утро и вздрогнет вздремнувший засов,
Ты шагнешь за черту, но лишенной родных очертаний,
под накопленной памятью упадешь через пару шагов.

Сколько обморок длится, насколько отказ исцеляет?
Ветер выдует землю, а солнце иссушит тоску.
И с душой похудевшей, за каждую ветку цепляясь,
Побредешь по дороге, а может, тебя понесут...

Чтоб не видеть пути,
за которым — всегда безвозвратность.
Лучше сразу: открываешь глаза — и чужая земля.
Лучше пыльные сны, чем усталость...
А, впрочем, не надо...
Ты еще в этом городе. Разве можно...
А разве нельзя?

* * *
Рай —
когда исполняются все желания,
а желаний нет.

ЭТЕРИ

Полоса потерь — косые дожди.
За окном — любимых размытые лица.
Беспробудной памяти миражи
о полете — тени вчерашней птицы.

По лицу сухие слова текут.
Не отыщет самый настырный сыщик
ни следов потерь, ни седых минут,
от которых у времени протекает днище.

И летят на самое дно потерь
годы, выточенные Прокрустом.
Полоса то темной кажется, если штормит,
то подарком света, если боль отпустит.

* * *
И лица, вспыхнувшие из темноты,
и взгляды неба в голых ветвях марта,
и беспричинная радость —
все это не дает уйти
вовремя и с достоинством
и, превращаясь в молитву,
продлевает
твою неоправданность здесь,
твои следы на теле земли,
слова твои, впитанные воздухом,
мысли, Бог знает, куда уходящие —
все, что развоплощает твой плен,
делает легче и вопросительней
твое существование.

* * *
Посмотрю кругом — отражений столько,
что лица своего в толпе не узнаю.
Размахнусь — не стоит добавлять осколков:
и глазам больнее, и душа босая.

От обилья лиц своих на фэйсбуке воротит.
Фрагментарное счастье не складывается в картинку.
Жаль, что время нельзя посадить напротив,
предложить чаю, попросить: застынь-ка.

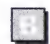
Фотовспышкой льстивой обратить в друга,
попросить подыскать подходящее имя,
чтобы встречный смог подобрать по слуху,
с каждой нотой делая все любимей.

Бижутерией стрелок пустоту прикроя,
циферблат не одарит ни секундой праздной.
Подойдет дочь:
— Мам, поиграй со мною,
помоги в картинку сложить пазлы.

* * *
Замечать невидимое,
отворачиваясь от яви.

Любить несбывшееся,
пока оно не воплотится.

Стремиться к недоступному,
В прикосновении теряя суть.

Купальный сезон.

Родился в Одессе в 1983 году. Председатель Южнорусского союза писателей, председатель Одесской областной организации Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», член руководства Конгресса литераторов Украины. Выпускающий редактор литературного журнала «Южное сияние», председатель оргкомитета международного арт-фестиваля «Провинция у моря», член жюри ряда литературных конкурсов и фестивалей. Автор публикаций в изданиях Украины, России и дальнего зарубежья, в т.ч. в журналах «Дети Ра», «День и ночь», «Зинзивер», «Октябрь», «Дон», «Меценат и мир». Автор книг «Неоновые пожары», «Апокалипсис Улыбки Джоконды», «Падение в небесах». г. Одесса.

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

* * *

Давай с тобой поедем на косу.
Когда-нибудь. Хоть в прошлом,
хоть в былинном.
Не может быть такого в жизни длинной,
Чтоб вечно продолжался Страшный суд,
Чтоб лес был полон стреляных косуль...
Готов молить хоть Господа, хоть джиннов,
До старости ждать времени машину,
Чтоб черную покинуть полосу...

За нею будет кедра хризолит,
И хризопраз полыни, прячущей седины,
Там море станет нашим паланкином,
Хранящим сны, которым чужд Эвклид,
Которые еще не расцвели...
Готов извлечь себя из карантина,
Перекроить себя, как бомбы — паладина,
Чтоб видели дельфинов корабли...

Давай с тобой уедем на косу,
Каким бы именем тебя не звали
И сколько лет тебе в миру бы не давали,
Давай с тобой окажемся в лесу,
Где аисты давно тебя пасут,
Где зиждется березовая дача,
Перерастая в Сож. Я не могу иначе,
Иначе не могу, не обессудь.

ОТВЕТ

Испуганные сны
стареющих Индиго
впечатаны от века
в решетки хромосом,
как огненный Псалтырь
в лесов живую книгу,
где — кома человека,
познавшего свой сон.
Не бойся испугать,
любимая, родная —
проносится, как поезд,
глухонемой вокзал.
Разомкнутая плоть
свой зодиак познает —
сирот колючий пояс
стучится в тронный зал.
Колодцев тайный быт —
глаза дремучих марев —
играет с верхней бездной
и — с нижней заодно.
Не думай, что теперь,
когда живее зарев
становится Невеста,
заляжет Сон на дно.
И я тебе приснюсь
там, где случилось Чудо —
вослед оледененьям
и пасеке венер.
Храни такие дни,
мы — прибыли — Оттуда,
там — камера храненья
нас, словно общий нерв.
Не тщись не сниться мне —
ни в саване ознобном,
ни в пелене азота,
ни в раненой фате —
мы все равно найдем
Кристалл в миру загробном,
что так похож на одурь
двух спаянных людей.

МОЙ СОЛДАТ

Мой боец, мой солдат, я теряю тебя,
Будто армию, будто победу над злом.
Если ангелы спят, когда демоны спят,
Я тобой прикрываю себя, как крылом.

Я тобой прикрывался, ты этим — жила,
Это был твой суровый солдатский паек.
Моя армия больше не стоит крыла,
О ней грустные песни сирена поет.

Твоего офицера знобит, мой солдат,
И победа над злом далека, за рекой.
Я поднялся на борт, и — уносит вода
Твоего офицера домой, на покой.

ШЕСТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Мать — предательница, мачеха — убийца.
Зиждется в кармане черной меткой паспорт.
Потому-то нам, бездомным, и не спится,
Что назло обеим мы решили выжить,
Что ушли в себя, в такие бездны, на спор,
Что душа в погранпостах, как в язвах, иже

С ними даже те, кому война — невеста,
У кого давно на совести, на чести
Днем с напалмом не найти живого места.
Мать — предательница, мачеха — убийца.
Так бывает, что из двух прекрасных бестий
Выбирают ту, что угодит в больницу,

И во всех дверях всегда стоит вендетта
Памятником, истуканом, сталагмитом,
И, увы, теперь мы знаем всё об этом... —

Что ждет нашу мать, от пят и до макушки:
Без финала Страшный суд и без лимита
Казнь, ведь нет страшней греха, чем грех кукушки.

И апноэ
Нам — плацебо,
Бездыханно небо,
И по воздуху летит
Белое каноэ
За безлюдной, за луною,
Словно синий кит.

НЕМОТНАЯ ГРАМОТА

Генофонд, геноцид, геномор, геноцирк...
Золотые тельцы нас берут под уздцы.
Кто был ночью убит, тот сто лет уже спит.
За Садовым кольцом обретается спирт,
Под Садовым кольцом пьют коллекторы СПИД,
И за крепкое здравие пьет инвалид,
И скорбят по нам — Киев, Одесса и Минск...
Поминать уже некого — черный помин.

Мы — обрубки без ног, мы — культяпки без рук,
(Девятнадцатый год в наших генах — хоругвь),
Ходим в черном — сто лет и не знаем, что так —
Поминаем царя, что мы всё еще — там,
И морально мы — трупы — уже — навсегда
(С девяностых душа наша стынет во льдах),
И нам снится, что вместо царя мы лежим
На постели его, что — постельный режим.

Это княжество катится в тартарары —
В состоянье искусственной черной икры,
И никто никогда не поможет ему,
И на нем — нефтяной черной метки хомут,
И славяне ему, будто валенки, жмут,
Все замкадыши молча шагают в тюрьму,
Под замкад, под замок, под кладбищ телеса...
Улетайте, славяне, в свои небеса!

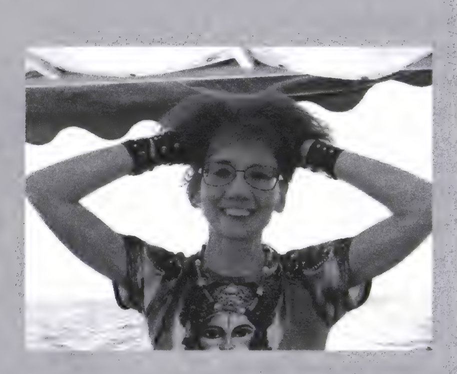
...В АРКАИМЕ

И поймем мы с тобою, что — были, что — Были...
Но кустарный наш мир, сингулярное гетто,
Вновь висит на распятии, тленом окуклен,
Бесконечна беда, словно трапы в могиле,
И внутри этой куколки — нами отпетой
Изнутри — все, что есть, вырождается в рухлядь.

И мы выпорхнем — рухлядью — вниз! — будто камни,
И поймем, что нам есть куда падать, и падать,
И — в свободном паденьи — забудемся снова,
По теченью плывя там, где шепчет река мне,
И пульсирует вакуум, как канонада,
В герметичной могиле пустого алькова...

Беззащитная.

Поэт. По профессии – культуролог, преподаватель, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и философской антропологии Национального педагогического университета имени М.П.Драгоманова. Автор 19 поэтических и около 200 научных работ. Лауреат научной премии для молодых ученых им. Пилипа Орлика и двух литературных премий: им. Г.Сковороды и Н.Гоголя за поэтический вклад в развитие мира. Победитель ряда международных и всеукраинских фестивалей поэзии. Член Конгресса литераторов Украины, Международной академии литературы и искусств Украины. Блогер, общественный деятель, аналитик.

ЕВГЕНИЯ БИЛЬЧЕНКО

ЧЕЛОВЕК-САД

Разбей себя на части,
Ракушечки, ракеты.
Отдай себя за счастье
Быть принятым
Хоть кем-то.

Заели хвори? — Ну их!
Пусть злят врачебный обыск.
Возьми любовь земную:
Она — небесной отблеск.

Возьми ее, утешься.
Смутись пунцовым светом.
Пусть сыплется черешня
На старую газету.

И пусть уже не тянет
Высоких нот сирена:
Плевать,
Ведь ты частями
Разбросан по Вселенной.

Ты — дождь, гнилые фрукты.
Ты — весь, но стал другими.
Ты — пыли взвесь и грудка
Цветочков на могиле.

Одно лишь помни четко,
Пока тычинки дышат:

Тебя сорвут девчонки,
Гадая на мальчишек.

«ПОЭТ МАЙДАНА»

Когда толпой, что жаждет мяса,
Я был посажен на престол,
Стояли беженцы у кассы.
И поезд шел.

Когда они кричали: «Браво!» —
Моим непуганым стихам,
На дне души цвела отрава.
И плакал храм.

Когда, искореняя с кровью,
Весь тошнотворный маскарад,
Я стал писать про горе вдовье,
То был распят.

Их горе занимало мало:
Ведь горе — настоящий бунт.
Но чернь меня короновала
Вождем трибун.

А я попрал трибуны эти.
И, пусть я теми не прощен,
Я все равно один в ответе
За детский сон.

За нежный лик, за бабий лепет,
За каждого, кто мне велит
Погибнуть, раствориться в Лете,
Залечь в гранит.

И я залягу, друг мой, Бог мой,
Я за ценой не постою.
Пока не стала песня догмой,
Ее пою.

Поэт мой кончен. Изувечен.
Гагарин пал. Разбился асс.
Но небо расправляет плечи...

Оно воздаст.

ТИРЕ

Весь поэт на одном тире держится...
Марина Цветаева

Они говорят изящно, концептуально.
А я — дурачок. А я не умею — так.
Во мне колокольный звон с огнеликой сталью
Оплавились в меднорусский простой пятак.

Волчок-пятачок внутри куролесит, воет,
Башкою о стенку тычется во хмелю.
На кладбище мыслей
Слово Христа живое
Глаголом травы сквозь камень растет: «Люблю».

И эта любовь несет меня морем мира —
Зеленым, как степь, и синим, как весел шум.
И я выхожу в себя из людского пира
И слышу, ушам не веря, что я дышу.

Дыханием наполняется грудь Вселенной
От Сциллы и до Харибды: Волынь — Донбасс.
Меж ними на тонкой нитке тире я тлею:
Меня подожгли, но Бог опознал и спас.

ЧЕЛОВЕК-ЗВУК

Меня качает, курчавит, сносит: я слушаю Божий рэп.
И пусть мой голос — кожа да кости и я не совсем окреп,
В моей грудине — градинок груды, в башке у меня — дуда:
Меня воспитали мама-беда и работник попа, Балда.

Нет, это не новые ритмы века, не биты сектантских месс,
Не инсталляция в стиле «диско», не виртуальный лес
Базарной толпы, что вопила в спину мне: «Скоморох и хам».
Это — рыба, ставшая птицей и ввысь, к золотым верхам,

Метнувшая оперение — красноперые плавники,
Серебряные пластинки, синие огоньки.
И вот уже рыбы и птицы — нет, а небо — багряный пруд:
Латы смарагдовых ручейков сквозь него текут.

Дивные краски музыки, ставшей лучшею из картин.
Когда я слушаю все цвета, я становлюсь один.
И всех прощаю, всех отпускаю, за всеми вослед иду,
Маму-беду за собой веду, и попа веду, и Балду.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Нечто юное — сланец, глина, хрусталь, фарфор.
Нечто нежное — лебедь, бабочка, молоко.
Нечто белое осветило собой Фавор —
Стало видимо и невидимо далеко.

Нечто хрупкое — под белками опухших век.
Нечто крепкое — под ступнями истертых ног.
Говорили под вечер матери: «Человек».
Сыновья на рассвете им отвечали: «Бог».

И такая жара стояла: считай, зима.
Свой порог болевой прошедший, мороз есть зной.
Из палаты больничной выпорхнув, Палама
К ребятенку в панаме птицей летел ручной.

Нечто первое, — как бессмертная нота «до»,
И последнее, — как сыгравший тебя Донбасс.
Говорила сестра: «Единственный это дом».
«Путь, — ей брат отвечал, — на нем не считают нас».

Нечто твердое — при посадке на рейс: «Пора».
Нечто мягкое: «Улететь не хватает сил».
Опрокинутой чашей моря текла гора,
И Ванюша на небе пил из нее и пил...

АВГУСТ

Вася стоит за крутой оградой в камуфлированных трусах.
У Васи — рюкзак в пыли. Матушка — в небесах.
Брат — во сырой земле. В чумной голове — травмат.
Во рту — украинский суржик и русский мат.

«Пустите, — кричит, — пустите, либеральчики, левачки,
Не нюхавшие чеки, мажорные чувачки!
Я хочу вас отмониторить: иначе умру с тоски.
Устье моей реки — канализация и бычки».

А за оградой — Черное море, синее море и белый Крым.
Всяк, не погибший первым, умрет вторым.
Вольется в чистую бесконечность мутный его ручей:
Царь Небесный не маркирует и не спросит на входе: «Чей?»

Вася смотрит глазами зверя: «Женя, мол, как же так?
Сегодня я всем — дурак, и часы у меня — тик-так.
Кукушка отсчитывает секунды, пылью пропах рюкзак,
Я ночевал в степи, я собственный видел прах».

Я говорю ему: «Вася, милый, чем я могу помочь?
Я умею латать прорехи — дай мне вселенский скотч.
Голос истины — тих, от него исчезают твои враги:
Люди с ногами, люди без ног, люди не с той ноги».

Политологи, лидеры мнений, фрики, имиджевое жулье —
Все, кто делит нас на свое, свое и еще свое.
Но, если мы все сольемся, Вася, на что они будут жить?

Осень эпохи бредет Тавридой, ткет золотую нить.

РОЖДЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

Тарасу Борозенцу

«Бог постигается через море», — помнишь, отец Тарас,
Ты говорил мне, когда на свете не было взрослых нас?
Море — союз бирюзы с гречихой, синий медовый Спас.
Ты еще не был рукоположен в сан свой, а я — в свой час.

Родина милая, не изведав страшных чужих грехов,
Нам заплетала златые бусы с детства родных стихов.
Слог зарождался, как снег в апреле, двойственно: стар и нов.
А на дворе прорастали травы сквозь баррикады дров.

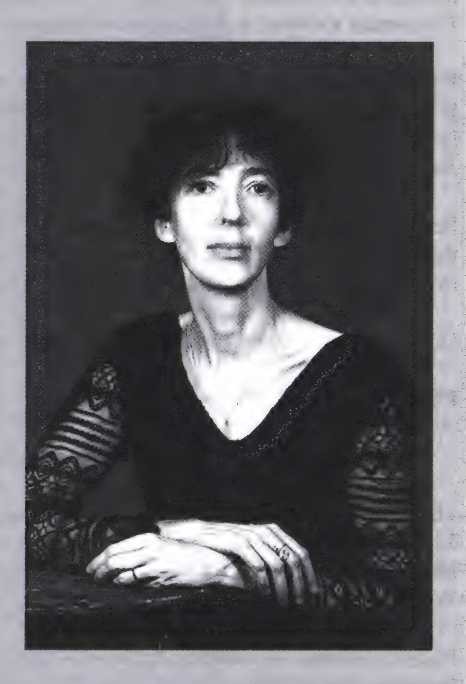
Ветхие книги в библиотеках нам заменяли СМИ.
Рифма обычная, без изысков, делала нас людьми.
Море шумело, как звери в бочке. Пушкин, творивший мир,
Видел Христа во второй главе за коваными дверьми.

Тарик, ты знаешь, что корнерот на девять десятых из
Той же воды состоит? Осев грибочком на самый низ,
Душу ворсинками растопырив, лакомый склизкий приз,
Он размножается и не жалит, а холодит, как бриз?

Он — беззащитен: хоть ввысь подбрось, хоть пяткой его сдави.
Море — беременно. Люди, слушай, роды его любви!
Светом с Востока плывет по небу к западным городам

Моря рождественская медуза:
Я ее не предам.

ЮЛИЯ ПЕТРУСЕВИЧЮТЕ

Помощник режиссёра в ТЮЗе. Руководитель театральной студии «Обочина». Выпустила поэтические сборники «Киммерийская Лета» и «Археология перекрёстка». Стихи публиковались в альманахах «Меценат и Мир», «Дерибасовская – Ришельевская», в журналах «Южное Сияние», «Октябрь», «Интерпоэзия», «Дон». г. Одесса.

* * *

Оторопь серой воды в эти серые дни
Дрожи озябших ладоней и листьев сродни.
В шаре хрустальном деревья стоят не дыша,
Ветра не видно, и капает время с ножа.
Капля за каплей стекает в прибрежный песок.
Что-то меняется исподтишка между строк.
Что-то растет изнутри, шевелится в земле,
И содрогается мир, отраженный в стекле.
Так поднимается кит из подводных глубин,
Так неуклюжий и страшный растет цеппелин,
Так вырастает из впадины горный хребет,
Так с корабля видят новый невиданный свет.
С дрожью и ужасом и упоеньем глядят,
Жизнь исступленно влагая в единственный взгляд,
Жадно глядят и не слышат свой собственный крик,
Как из-под темной воды восстает материк.
Шар замедляет на краткие доли разбег.
Мир изменяется. Это рождается век.

* * *

Я живу в тишине. В тихом шелесте медленных туч,
В серой башне у самой черты горизонта, над морем.
Это древний маяк, и по стеклам его перед штормом
Пробегает зеленый и острый, как лезвие, луч.
От него зажигается в башне сигнальный огонь,
Запускается весь механизм. Штормовая сирена
Завывает, как дева морская, поднявшись из пены,
И торжественно вторит ее завыванию шторм.
Десять тысяч испуганных птиц от пределов земных,
Обезумев, летят и летят через край на тот свет,
В те края, где ни боли, ни страха, ни холода нет,
Где прозрачное море спокойно и ветер затих.

* * *

И город затонул. Холодный дождь
Кругами разбегается по лужам.
Ты одинок, ты слаб, ты безоружен,
Ты никуда отсюда не уйдешь.
Ты пленник Атлантиды. В глубине,
На дне времен, среди немых созданий,
Ты связан, ты прикован, ты раздавлен
Обломками. Ты слышишь зов извне.
Далекий, еле слышный волчий вой,
Дрожащий от восторга и тоски.
И дыбом шерсть встает не по-людски,
И ты по-волчьи алой пьян луной,
Которая в зените над тобой
И тянет, тянет душу, как магнит.
И сила притяжения звенит
В твоей крови натянутой струной.

* * *
Кто живет в моем заливе? — волны, рыбы и дельфины,
крабы, чайки и русалки,
и подводная трава.

А ночами в час прилива там купается стыдливо,
пробежав по мокрой гальке,
обнаженная луна.

Как с серебряной дорожки тронет воду тонкой ножкой,
выгнет спинку, прыгнет с плеском,
засмеется вдалеке.

Я наутро в мерзлых лужах горсть сияющих жемчужин
с ледяным знакомым блеском
соберу в морском песке.

* * *
Слушай эфир. Глубже, в толще кипящей воды,
между волнами, в клокочущих темных провалах,
звук захлебнется, и гула в ушах тебе мало,
чтобы почувствовать мозгом уколы беды.

Радиоиглы насквозь пробивают висок,
точка, тире — обрывается ниткой со звоном,
треск и помехи в наушниках. В космос бессонный
рвется беспомощным писком земной голосок.

Где-то на дальней планете, неведомо где,
кто-то отчаянно шлет нам сигнал за сигналом,
всю бесконечную ночь, а пространство молчало,
глухо молчало в грохочущей черной воде.

* * *
На границе звенят леденцы — заблудилась весна,
забрела в зимний сад, перепутала лед с молоком,
по песку босиком, с облаками вприпрыжку бегом,
расплескала ведро серебра из январского сна,

лебединые девы встают в январе на крыло,
собираются в белые стаи, летят над водой,
на маяк, и кричат, и кружат над его головой.
Белых перьев сугробы у наших дверей намело.

* * *
Это море, а это маяк. Это ты, это я.
Это наша собака, а это — ничейная кошка.
Это дом и сарай, а у дома — пустая сторожка,
мы там сети храним, а еще там стоят якоря

С не известных ни мне, ни тебе — никому — кораблей,
утонувших, ушедших за край горизонта, забытых.
Знаешь, прежний смотритель читал перед ними молитву.
Надо вспомнить, какую, спросить у самих якорей...

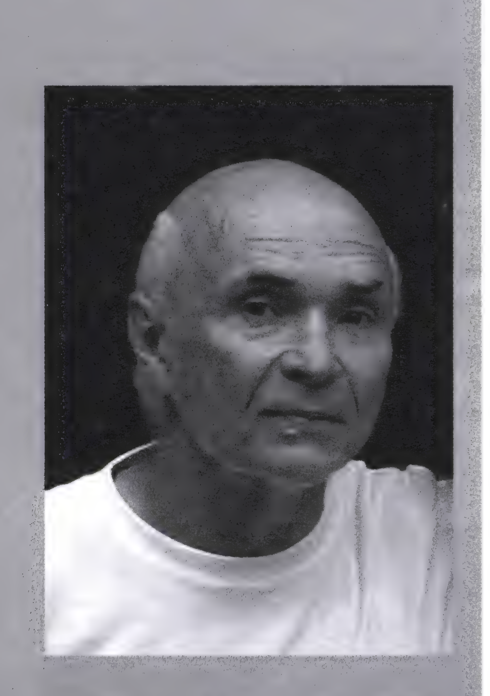
* * *
Уж как пал туман,
белым волком лег.
Белых яблок сок
с белых яблонь тек.
Тонет белый сад
в молоке до пят.
В маяке не спят
пять ночей подряд.
То ли сладким льдом,
белым ли стеклом,
то ли долгим сном
залило наш дом.

* * *
Где-то горят города за чертой горизонта.
Горсть разноцветных огней в черном зеркале ночи,
брызги стеклянных витрин.
Хочешь, пошарим в эфире, отыщем на ощупь
сквозь бесконечные сводки и новости с фронта
музыку темных глубин?

Колокол гулкий над нами, колодец бездонный, —
сколько ни лей молока, не наполнишь вовеки
темную чашу времен.
С дальнего края Вселенной, сквозь дыры-прорехи
к нам позывные летят, еле слышные звоны,
яблочных звезд перезвон.

Первая любовь

Родился в Донецке в 1958 г. Редактор литературно-художественного альманаха «Четыре сантиметра Луны». Режиссер «Театра земной астрономии» и ряда историко-документальных фильмов. Автор трех поэтических сборников, трех книг прозы. Публиковался в различных журналах и альманахах Украины, ближнего и дальнего зарубежья.

СЕРГЕЙ ШАТАЛОВ

* * *

оперативная
пересадка сердца
прямо в поле
рядом с морем
на берегу луны
ты еще слышишь
донное
постукивание камней
в невозможной возможности
встретить тебя
ровно в полночь
в пене
только что рожденного
неба

* * *

предсказания теряются
в поисках тебя
будь то вечер
или тихие ночи
сны как незрячие
зеркала
на грани твоего отсутствия
находят место гибели
в неописуемости музыки
успевая поменять
как в замедленной съемке
картины
вчера
на голос
из ниоткуда

* * *

снег
так хрупок
словно воспоминания
о прошлом
которого нет
есть слова
на все случаи жизни
они больше чем море
без берегов
не оспаривая разногласия
с воздухом
выдыхаю одно молчание –
дикую
неопознанную силу
так долго сопровождавшую меня

в этот февральский день
все птицы напуганы
отсутствием голоса
они растворяются среди облаков
как солнечное затмение

* * *

разбросанные фотографии –
горсть камней на полу
о них можно споткнуться
и разбить лицо в кровь

КУПАНИЕ

с медлительностью
задуманных вещей
поднимается тело
в ожидании наготы
едва тронутой воды
погружаясь
в невесомость золота
восходящего солнца
оно
как завершенная женщина
плещется ныряет
и боги растут в глазах
и длятся
задевая ресницы
пробуждением

* * *

когда небо проступает
в твоих глазах
идет дождь

когда утренние облака
выходят из берегов
твоих зрачков
минуя заросли света
солнечный зайчик
зеркального шмеля
высвечивает мой рай
на твоей ладони

* * *

он зачерпывает воду
для умывания
из двух рек

одна из них
соразмерна взгляду
прощальному

* * *

архитектура трепета
в траве
в шагах
их не догнать

там гефсиманский сад
для дерева
БЫЛ
только сад...

МУЗЫКА ПУСТЫНИ

триста тысяч роялей
родила песчинка
в порыве ветра...

* * *

черепаха движется так
что моря не хватает
медленное море
совпадая с черепашьими шагами
оставляет на песке
след от солнечного панциря

ОКТЯБРЬ

в простуженной прозрачности воздуха
раздетое разрывом сердца
сияло дерево

KNEPHASICRON*

у вечернего чая достаточно
света
чтобы освещать твои губы
всю ночь
и повториться
за горизонтом дыхания

* * *

приходит человек
и говорит о смерти
а смерть все не кончается и не кончается...
библейский взмах заоблачной руки
росой дописывает миг
дочерчивает дом —
так выбирают птицу
как искупление
чтоб свет — во все четыре стороны
и новый день
и человек
который говорит о смерти

МУЗЫКА

тень летящего человека —
рояль на сцене

В РЕЛИКТОВОМ ЛЕСУ

только у этого дерева
драгоценная тень
вот и лег ее измерить
такой ли длины
должен быть гроб?
вместо ответа
у ног вырос камень

* * *

зелень солнца
в черных водах...
луны ли? озера ли?
или это фрагмент моря
с затонувшим танкером,
где водолазы,
рискуя жизнью,
запутались
в водорослях, рыбах, утопленниках?

* * *

Я здесь едва замечен.
Один поезд приходит, другой уходит,
А мне ехать некуда.
Твоя поднятая рука застряла
В облаке.
А я никак не могу начать
Ни исповедь, ни молитву, ни симфонию,
Ни жизнь.

* * *

когда наступит китай
не удержаться от всадников
со слезящимися глазами
это время раздела имен
на тибет и кино
где успевает остаться все
что не успел запомнить

* * *

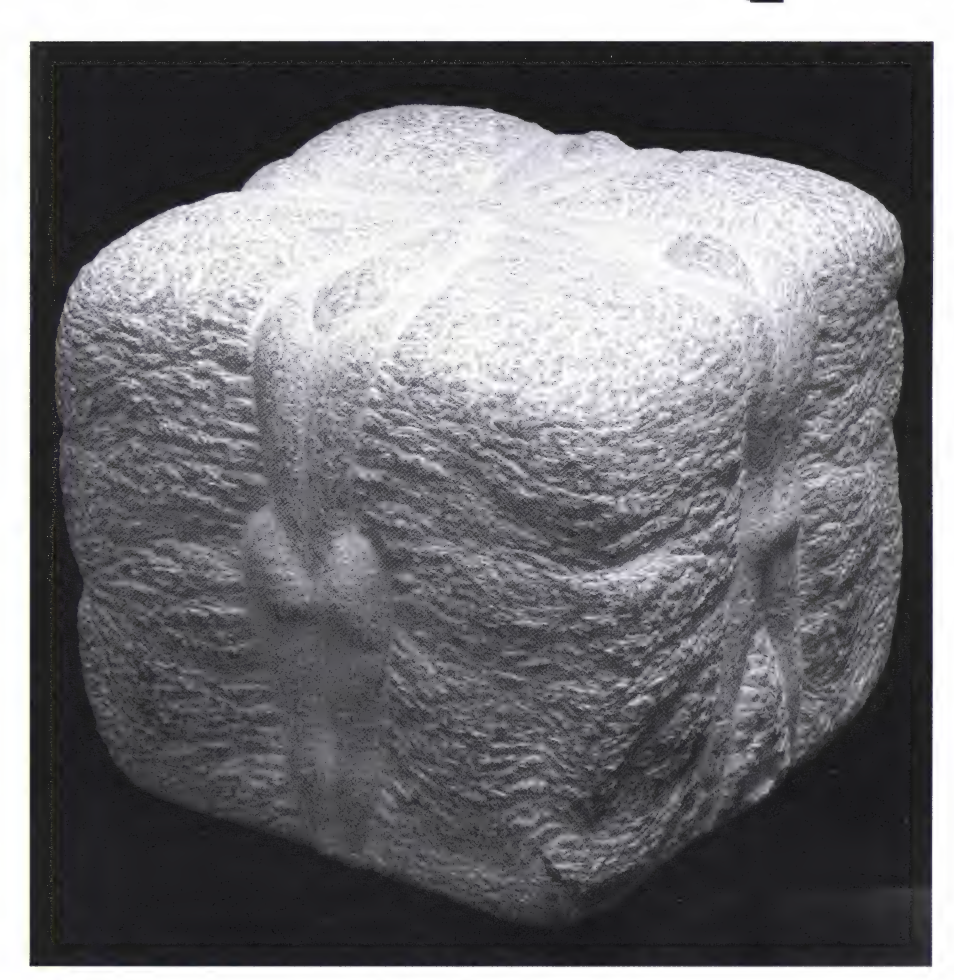
Если спросят,
Как давно я плакал?
— КАЖДЫЙ ДЕНЬ, — отвечу и,
Будто что-то утратив за спиной,
Стану строить умопомрачительные гримасы
И делать
Всевозможные гадости.
Странно, что таким образом
Хочу свести всё к шутке.
Но уже слишком поздно —
И я ныряю в прозрачное озеро слез
И заплываю в такую расщелину,
Где меня невозможно рассмотреть.
Ты, кажется, сказала:
— В твоих глазах появилось родимое пятно.

* * *

забываю в тебе умереть
и забывшись твоим бессмертием
как бесконечное воскресение
стою в беспамятстве дорог

* * *

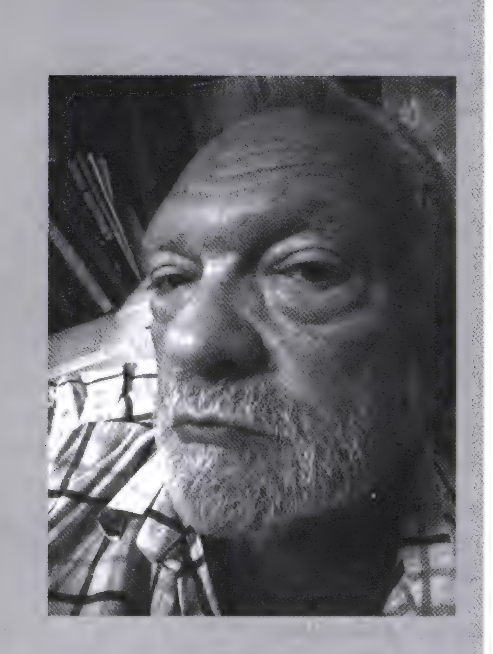
По моим ладоням
стекают ладони:
сначала крошечные,
потом незнакомые,
их так много,
что я не замечаю,
как по моим ладоням
стекает дождь ...

Алтарь Безмолвия.

* Мраки священные («Илиада», 17, 455)

ГРИГОРИЙ БРАЙНИН

Родился 1954 году в Донецке. Печатался в сборнике «Перевоз», в журналах «Многоточие», «Дикое поле», в альманахах «Четыре сантиметра Луны», «Соты».

1
я вышел к морю свет далеких звезд
мерцал сквозь ночь под куполом озона
ни шума волн ни летнего сезона
не слышно было гладкая вода
стояла молча рядом между твердью
былых моллюсков и небесных сфер
и возле ног граничила со смертью
и верой в бесконечность агасфер
бессмертия бродил по этим пляжам
в плену танатоса и эроса где ад
его судьбы казалось был не страшен
для заключенного над камерной парашей
и для сократа выпившего яд

2
я вышел к морю вечер был убит
на поиски луны над темным югом
как циолковский в небе над калугой
я слышал зуд неоновых орбит
хрустел песок из раковин моллюсков
напоминавших профилем сердца
скелеты их наросшие снаружи
на их тела с осколками жемчужин
лишь оттиски их мертвого лица
течет вода в песок уходят буквы
латыни обозначившей их род
их раковин то выпуклых то впуклых
приоткрывающих немой первичный рот

3
я вышел к морю штиль лежал повсюду
песок шагов скрипел почти как снег
незыблемой воды немое тело
целуя вслед беззвучно как иуда
впечатало меня в третичный мел
береговой черты качались звезды
и млечный путь усыпанный известкой
под напряжением качался и гудел
как мост канатный над ущельем ночи
и я шагнул туда что было мочи
уж полночь близится а германа все нет
что он узнал пройдя по грани сред
сошел с ума и не нашел ответ

4
я вышел к морю шел парад планет
сияла тьма отверстиями свода
где планетарий знаменитых звезд
в таком раскладе жизнь мою принес
к боспору киммерийскому тотлебен
нарыл на белом мысе крепостцу
на новый год войны но мне к лицу
азовских кос ракушечные мели
причесаны востоком набекрень
они вольны на воздухе свободы
на карте жизни изменять обводы
где птицы моря любят свою тень
и мир поделен на песок и воду

5
я вышел к морю небо шло со мной
всем капищем светил с песком и илом
шло надо мной оно за мной следило
весь свой эскорт построив неземной
в краях где небо мучил летний зной
с пометкой бесконечности на коже
запястья левого скитался вечный жид
знакомый нам еврей чтоб он так жил
в нем часовщик заложен генрих мозер
с часами вечности размером с эмбрион
жид шел вдоль берега идя по грани он
стирает ход времен в песок и воду
в надежде что вернется на свободу

* * *

1
к уснувшим скалам льнет прибой
знак корабля стоит на месте
едва заметно в час сиесты
качая воздух над собой

по берегу на водопой
ведут отару к устью речки
обрывки музыкальной речи
в камнях шумят наперебой

катая гальку наугад
сквозь мель процеживает воду
покой лелеет и свободу
неумолкающий накат

2
висят как оттиски стрекозы
и будто минус их тела
креветки — ампулы глюкозы
глядят глазами из стекла

перо руля кормы обводы
вода глодает ртами рыб
мальки позируют для фото
бесчисленным глазам икры

корабль качает тень улисса
рисуя мачтой в небесах
каракули над картой мыса
безветрие на парусах

3
болтая руль вода гудит
галанит сквозь обрывки текста
лилит чарует и улисс
привязан к мачте вместо секса

но тем кого коснется страх
войны и гибели елена
твоей любви придонный мрак
париса выпустит на сцену

твоей измены вспыхнет нож
прольется свет на кровь и бездна
нас заберет к себе на ночь
неотвратимо как железо

* * *
сережа зубарев
он где теперь витает
от слова vita
где теперь живет
его актерский дух в сальто мортале
со сценой перепутал эшафот

вот он лежит
с прямыми волосами
как будто ветер встречный распрямил
и кажется что выпускной экзамен
трагикомедии сдает покинув мир

в нем темный демон
разрушитель шива
стал под софитами как янус разнолик
над яда ампулой что под лопатку вшита
ему в финале время обнулит

он на бульваре пушкина был буддой
с истока мудрости сквозь лик его мимир
глядит в толпу зевак
и водкой логос спутан
в излишествах как сталинский ампир

а мы бредем по свету что есть мочи
кто на пути к нему
а кто с крестом в пути
среди неточных звезд
лежит он обесточен
морозна его ночь и некому спасти

УБИТЫЙ

он похож на солдата вдохнувшего газ фосген
он застыл в судороге как снятый с подставки манекен
и волосы стали ему чужими ветер их шевелит
и взгляд его ему не принадлежит
он в последний раз произнес твое имя
и стал похож на фото где он же бежит

и казалось жизнь отделилась от его тела как дубль
который пошел дальше бросив тела скафандр
мог бы гордо в горы уйти как сван
но он осел стал таять и пошел на убыль
как в анекдоте снегурочка в детском саду
а двойник его вероятно уже в аду

он видит себя на фронтах мировой войны
впитывающим пули посередине чужой страны
или дрожит изломанный в переменном токе его изгибает и пучит
наконец успокаивается и твердеет как свастика
а ты мне сказала несчастный случай
нас спасают быт и гимнастика

он остался висеть на колючей проволоке
конечностями обозначив вертикаль
его тело тащили по снегу волоком
в глазах небесный хрусталь

но может быть все не так
ты можешь остаться в живых место вакантно
на поле битвы алеет мак
бессмертной любви и звучит бельканто

* * *
Ты стоишь за окном,
за которым мы вместе стоим,
и глядишь в ПУСТоту,
куда ты оПУСТила меня,
и я вижу, как я,
уподобившись первым двоим,
отражаюсь в окне,
как другие подробности дня.

Я стою под дождем,
искажаясь в оконном стекле,
и смотрю на окно,
под которым стою под дождем,
я гляжу как стекает вода
по стеклу наших лет,
затекая в окно,
где мы больше друг друга не ждем.

Я гляжу сквозь тебя —
ты сегодня прозрачней стекла,
я гляжу на себя
сквозь твое отраженье в стекле.
Ты, как струйка дождя,
что дрожа по стеклу потекла,
искривила пространство,
оставив невидимый след.

Ты стоишь у окна,
дождь стоит, как стена за стеклом.
Ты стоишь у стены —
чуть заметней стекла под водой.
Мимо капли летят
и сквозь стену летят напролом.
Дождь идет за стеклом,
он идет по воде, как святой.

Ах, не плачь, моя жизнь.
Мы почти научились летать.
Мы, как стая из теней,
летаем под стаей из птиц.
Но опять в этой схеме
забыли такую деталь,
без которой сольются с пейзажем
черты наших лиц...

ЕЛЕНА ШЕЛКОВА

Родилась в Киеве в 1986 году. Член редакционного совета литературного альманаха «Соты». Член оргкомитета Международного арт-фестиваля «Провинция у моря». Лауреат премии им. Катерины Квитницкой, победитель Турнира поэзии-2011 (Писатель в интернет пространстве), международного конкурса «Созвездие духовности-2017». Член Южнорусского союза писателей, Союза писателей XXI века, член ЛИТО «Каштановый дом». Публикации: журналы и альманахи «Дети Ра», «Южное сияние», «45-я параллель», «Золотое руно», «Каштановый дом», «Дерибасовская-Ришельевская», «Поэтоград» и др., автор поэтических сборников «Чайники», «Побег арбузов».

ОБРЕЧЕННАЯ РЕЧЬ

поговори со мной язык
как говорил вчера
хор голосов, хор старых книг
мир пухом. ни пера.

прошедших-будущих времен
колокола по ком?
большие люди в сто погон
следят за языком.

несется с плахи голова
и разбивает нос.
и вот доносятся слова
и падают в донос.

и А. сидит, и Б. сидит.
где рамы наши, мам?
как прокурорский злой вердикт
язык покажет нам...

ОХОТА НА КОМАРОВ

Звенеть, звенеть, звенеть охота,
Занозой впиться — кровный зов.
Но — комариная охота,
Открыт сезон на комаров.

Взметнутся тапки и газеты,
Обманчив синий горизонт.
Комар живет не дольше лета,
И это — если повезет.

Сомкнутся надо мной ладоши
И станет навсегда темно.
Снимите шляпы, крошки-мошки,
Кому сезон прожить дано!

А нам и тела было мало —
Впивались в души от души.
В нас кровь чужая бушевала
И не давала долго жить.

Как злобно, радостно и рьяно
Несется тапочек в пике.
Но я останусь красной раной
На беломордом потолке!

Пусть мой полет не будет длинным
И без меня придет заря...
Не уважают в комарильне
Тех, кто дожил до сентября.

* * *

Толпу заводит гитарист,
Ударник от вина в ударе.
Но ты сыграй мне, топорист,
Мелодию деревьев старых.

Я помню (это мне дано!),
Как я девчонкой несмышленой
К окну бежала, как в кино,
Глядеть черемуху и клены.

Глаза соседей велики.
Мои защитники — деревья —
На поле боя полегли.
К окну не подхожу теперь я.

А это было все — мое!
И солнце билось там, под грудью.
Но бродит миром топорье
И вырубает детство людям.

Теперь не то, и все — темно.
Сосед-маньяк достал бинокли.
Скажите, на фиг мне окно,
Когда в окне — чужие окна?

* * *

Планету назови мою Печалье.
А на планете этой, как цветы,
Растут голубоглазые молчанья,
И пляшут, пляшут лунные коты.

Меня учила нежность быть спокойней
И провожать мое и не мое.
Счастливых поездов тебе, перонье,
Желает разбитное воронье.

Езжайте, поезда, не очень шибко.
Кондукторша, не будь в пути лиха.
Ты совершила грубую ошибку,
Богатого оставив жениха.

Пусть не заманят к морю крики чаек,
Не завлечет прогулкой свет Венер.
Но если, вправду, золото — молчанье,
То я давно уже миллионер.

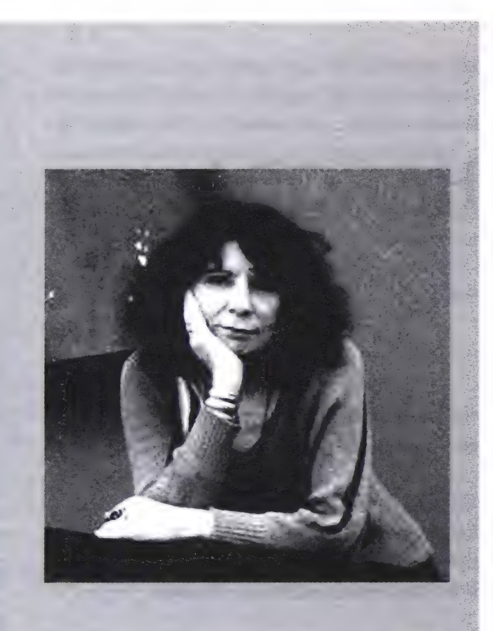
* * *

А метель все метет по двору, и
Рифмы белые, как молоко.
Я тебе фонарей наворую,
Если, вправду, до звезд далеко.

Я нарву фонарей, как ромашек —
Испеку нежный, лунный пирог.
Приезжай, быть бесстрашным не страшно,
Бомбы к нам не придут на порог.

Пусть границы, война и солдаты.
Приезжай, чтоб себя испытать.
Я с тебя не пылинки — куда там!
Даже ангелов буду сдувать...

ИРИНА БЕНЬКОВСКАЯ

Испанист-переводчик. Выпустила стихотворный сборник «Четвёртая стража». Печаталась в сетевых журналах «Гостиная» (США), «Артикль» (Израиль); в журнале «Крещатик» (Украина – Германия); в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» (Одесса). г. Одесса.

* * *

Там, где мост раскачался над бездной,
Там, где висельник дует в дуду,
В ожиданье судьбы неизвестной
Бродят мертвые в мертвом саду,
На глухих площадях хороводят,
Караулят на каждом углу,
Погребальные песни выводят,
Погребальную варят смолу.
Отвернись, не гляди, мой хороший,
Как по улицам, теплым от сна,
На телегах, покрытых рогожей,
Проплывает чужая вина,
Как над крышами зарево брезжит,
А когда занимается день –
Подступает бирнамская нежить
Из окрестных полей-деревень;
Реют крылья, пылят колесницы,
Приминая заброшенный шлях,
И железная рожь колосится
На потравленных черных полях.

ЧЕТВЕРТАЯ СТРАЖА

Тот, кто войти под твой стремится кров,
поет, не выговаривая слов;
не кашляет охрипшим nevermore'ом –
в невидимые дует паруса,
и тонкие чужие голоса
ему бесстрастно подпевают хором.

До сна ли тут, когда сгустилась мгла.
Жужжи, жужжи, казенная игла,
верти волчок, царапай дно колодца;
искрится нить в стеклянном колпаке,
и свет ее с той мглой накоротке,
что в стены ненадежные скребется.

Твой терпеливый гость тихонько трет
напильничком мышиным взад-вперед.
Поет волчок, подрагивает веко;
жужжи, жужжи, наматывай круги.
Снаружи, как положено, ни зги,
ни зверя, ни звезды, ни человека,

что, собственно, не значит – ни души.
Звени ключом, бумагами шурши –
не отменить присутствия, дыханья
и в воздухе особой тесноты,
что предваряет взгляд из темноты
и влажных крыльев легкое касанье.

И, в общем-то, всего осталось чуть –
неловко улыбнуться и шагнуть
навстречу, путь себе отрезав к бегству,
и губы разомкнуть не без труда,
чтоб прошептать дежурное: «Куда
ведешь меня?» И далее по тексту.

* * *

Погляди напоследок на книжные эти полки,
на штрихи на картонке, закладки,
тайные метки;
по глухим переулкам летят упругие волки,
дребезжат осколки, распахиваются клетки.

Все, что раньше грело, больше
не пригодится.
Не блажи – ему не впервой ошибаться
дверью.
Вот толпа у ворот. «Гряди, – кричат, –
голубица!»
И она грядет, и летят кровавые перья.

Пожелай мне смерти, дружок, пожелай
мгновенной.
Что в кармане бренчит монетою
неразменной?
Ключ от райских врат, уздечка, полтина,
медный
обол. Все слышней торжествующий
вой победный.

* * *

Долго ли, коротко ли брели –
увидели дом на краю земли;
пообжились, сыграли в «умри-воскресни»;
не запирали на ночь ворот –
может быть, кто-нибудь, да придет
слушать беззвучные, долгие наши песни.

Вот он, рай, залетейский край;
штора колышется; не замай,
дай подойти – но за окном ни звука;
утром выглянешь из окна –
обступает сумеречная страна,
немая, как сон, просторная, как разлука.

Только и дел, что терять слова,
глядеть, как незримые жернова
перетирают в пыль имена и лица;
по половицам катать клубок,
сыпать в спичечный коробок
просо, золу, золотой песок –
да в зеркалах двоиться.

АННА МИНАКОВА

Член Национального союза писателей Украины, Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами...» Обладатель 1-й премии литературного конкурса «Сады лицея» в номинации «Поэзия». Обладатель Гран-при и Золотой медали Всеукраинского конкурса молодых поэтов им. Леонида Киселева, Гран-при Международного литературного конкурса-фестиваля в Ялте СИНАНИ-2010. Лауреат Международного фестиваля поэзии на Байкале. Автор книг стихотворений и рисунков «Золотая зола», «Дорогое моё», «Ода радости», «Сны стеклодува». Публиковалась в газетах, журналах, альманахах, антологиях Харькова, Киева, Москвы, Белгорода, Владивостока, Черкасс, Казани, Хабаровска, а также Германии, Бельгии, Канады, США. Живет в Харькове.

* * *

В тех краях, где мы были с тобой,
слышен клекот земли голубой,
слышен посвист растущего клена.
И когда нас возьмут холода,
не заснем, а вернемся туда,
несомненно и определенно.

Если влажные сны торопить,
то любимой земли не испить.
Кровоточит, но светится ранка.
Там прилипчивый сахар песка
мне понятен, и глина близка.
Или я не вполне чужестранка?

Это нам, дуракам, подают
неумытых ботинок уют,
платья легкие, птичьи манишки,
и зеленовый щекот травы,
и полуденный гул головы,
и поэтов юродивых книжки.

Я к тому завожу эту речь,
что уже не обнять, не сберечь
тех, кто райской напился водицы.
Но не будем, возлюбленный че,
друг у друга рыдать на плече,
ибо это ли нам пригодится.

Друг печальный, не нам ли пора
черный снег выметать со двора
и глотать не вершки, а коренья?
Чтобы что-то в нутро потекло,
обращая земное тепло
в неземное какое горенье.

* * *

облака словно сны стеклодува
не устанут живыми казаться
я увижу тебя молодого
и земли перестану касаться

рано-рано придется проснуться
и лететь как летит голубица
но как будто бы не дотянуться
не упиться и не полюбиться

и как будто бы неотделимы
неужель отделить мы не вправе
целый мир растворимого дыма
от любви от сияющей яви

и зачем только сердце листаешь
все равно не найдешь не ответишь
ты останешься или растаешь
отвернешься и сам не заметишь

но вокруг небеса обелиски
без оглядки плывут без опаски
но сейчас ты веселый и близкий
и на клумбах анютины глазки

то ли места себе не находят,
то ли вовсе во сне и пареньи
и сирень из-за дома выходит
и купаются люди в сирени

* * *

надень дырявый свитерок
в своем краю благоуханном
когда подует ветерок
запахнет морем и туманом

о небо это ль ты ко мне
полощешь белыми крылами
и смерть стоит как ночь в окне
но не она придет за нами

и засвистит в груди дыра
таким протяжным зорким свистом
и ты припомнишь, что с утра
лежишь на поле шелковистом

и снишься камню янтарю
и снегирю и будишь эхо
и плачешь в синюю зарю
не больно счастливо и тихо

* * *

я хочу чтоб всегда вырастала звезда
над твоим молчаливым окном
чтоб стучали шумели всегда поезда
и тянулись сплошным волокном

из далеких и неповторимых краев
незапамятных детских краев
где жуков находил и встречал муравьев
и апостолов и воробьев

и летели апостолы в белых плащах
словно перистые облака
улыбались легко говорили «прощай»
Тимофей Иоанн и Лука

исчезали в дыму за дорожной чертой
где растут полевые цветы...
я хочу чтобы ты никогда ни за что
я хочу чтобы ты чтобы ты...

* * *
Не потеряю ни перчатки, ни золотой твоей руки,
ни теплой памяти-синицы, ни сновиденья-журавля,
так вылетают опечатки из свежевыжатой строки.
И наполняется криница, и разлетается земля.

Оставим лестницы и двери, и перечислим раз-два-три —
пропавших без вести, без вести, без легкой стужи на устах.
Смотри, смотри, не отрывайся, в сухое небо говори,
как на груди грохочет тайна, души белеет береста.

Кто на меня сегодня дышит, назавтра тож меня займет —
стирать щекочущую краску со щек моих, твоих ланит,
напрасно выдумает ласку, смертельно за руку возьмет
и взгляд предолгий приготовит, но от тебя не заслонит.

И туча дернется густая, и быстрый снег меня спасет
от прозябанья и застоя, от увяданья и тоски.
И снова небо непустое тебя вовсю произнесет,
и я глаза закрою, чтобы не разорваться на куски.

Какое жженье и движенье оборотит тебя ко мне? —
И ты замедлишь на мгновенье свой шаг, смещенный хромотой.
И жухлых листьев копошенье, и снег, предвиденный во сне,
вы всё — со мной, вы все со мною, как свет, повсюду разлитой.

Лихая правда, что нам сделай? Оставь, оставь и отпусти.
За красной шумной темной кровью проснулась светлая вода.
Не потеряю ни перчатки, ни теплой мысли на пути.
Ты отвернешься ненадолго, ты повернешься навсегда.

* * *
Интересно, когда человек как цветок
Не мигая глядит на зеленый восток —
В мельтешне ли, толпе ли, пустыне,
Словно в жилах его не кровища, а сок,
И внимательный свет в сердцевине.

Будто кто-то ему указал на звезду:
Из неровного облака вынул.
И теперь он цветет в поднебесном саду
Меж тюльпанов, ромашек и примул.

А в густых золотых волосах-волосах
Шебуршит, воскресает пшеница.
Интересно, что весь он — почти в небесах,
Стебелечек и стрелка на Божьих часах,
Но ему — вместе с нами — висеть на весах
И к земле неподвижной клониться.

И, неспешные очи лилово разув,
Обмирая, вздыхая глубоко,
Он как будто готов сквозь росу и слезу
Посмотреть на неблизкого Бога.
И выходит во двор, где сияют кусты,
Полон солнца открытый его рот.
И ложится пыльца на власы и персты,
И рубашки отвернутый ворот.

* * *
Словно в бурой воде еле-проблеск худого весла,
ты маячишь и брезжишь, как солнышко в бурой воде.
Погляди на меня. Я тебе молочко принесла.
В этих бедных краях потеплело. Теплеет везде,

где случаешься; снег утекает, который зимой.
Появись в полумгле, озаряя древесную дверь,
и фойе, и еще коридоры, и воздух немой.
Все забуду ли? все ли запомню ли: все, что теперь.

А пшеничные волосы, что ветерок ворошил?
А глаза голубые-такие-родные-твои?
Я бы всё записала — но кто это свет потушил?
А писать в темноте мне не выстачит мужества. И

ничего или плохо пишу. Значит — день допоем,
и живого тебя не укрою я в слове живом.
И недолгая память подышит на имя твое,
как на зеркальце мутное. Не оботрет рукавом.

* * *
Я не узнаю, что успел ты
исполнить, синий пиджачок.
И не узнаю, почему я
тебя — сейчас — так назвала.
Дымится выключенный чайник,
и дверь ложится на крючок,
не откликаешься на оклик —
и тень встает из-за стола.

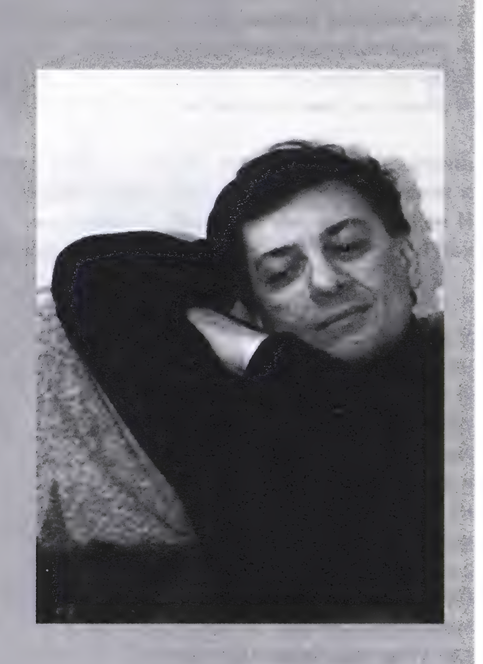
Пошлешь привет потусторонний
мгновенно тающей земле,
где утки крыльями плеснули —
и пруд взлетающий дрожит.
И в топком времени окольном,
двояковыпуклом стекле,
улыбка тихая мерцает
и свет подспудный сторожит.

В лесу, где красные деревья,
юлит охотничий рожок,
и мхом затертые болота
темны, как люди за столом.
Мне так хотелось — с горькой коркой —
тебе оставить пирожок,
клочок заляпанного неба
под серым уткиным крылом.

Торс «Нью-Неолит».

АЛЕКСАНДР ХИНТ

Поэт, прозаик, драматург. Первое место на Всемирном поэтическом фестивале «Эмигрантская лира». Публикации в журналах «Южное Сияние», «Соты», «Новая реальность», «Дон», «Ликбез», «45-я параллель», «Гостиная», «Витражи», в различных печатных и онлайновых изданиях. Книги стихов «Разговор», «Время избыточных точек». Член Южнорусского союза писателей. г. Одесса.

* * *

Полусгоревшее зеркало на чердаке
венецианство в обугленном склепе трюмо
спальня летучей мыши, полкило
паутины палевым балдахином

Призраки сколов в сети амальгамы
все они здесь, слоятся
до лучших времен сохраняя
жеста надменного шелест
пропасть вечерней щеки
порох укромного взгляда уже подожжен
медленный пепел белил

Я в нем лишь веянье, отблеск
счет за избыточность тени
камео в пустом эпизоде для тех, кто
смотрит слепое кино с другой стороны
неопознанней фотографии
легче укола детством
пунктуальнее времени

* * *

Он давал имена
одиноким вещам, животным и женщинам
записывал их, где придется
обгрызенным фиолетовым карандашом
ненавидел гаремы, рынки и зоопарки

Вещи выходили из строя
изнашивались быстрей, чем терялись
от некоторых он не мог избавиться десятилетиями
покусывая фиолетовый карандаш

Женщины тоже необратимо изнашивались
уходили впотьмах, впопыхах, не оглядываясь
унося любимые запахи
прошлогодние листья в стопке календарей

Но когда луна раскрывалась над горизонтом
меняя ущерб на осколочность света
по отсутствию эха угадывая, кто в пещерах
фиолетовым снегом вползая в сегодняшний вечер
животные приходили к нему на могилу
чтобы вернуть себе имя

* * *

Видишь ли, ариадна, люси, шахразада, тамара,
это чужая война, до последней мраморной крошки.
Внутри не страшно и время дается даром,
но надо все время держаться правого тротуара,
как при бомбежке.

Надо помнить, что сбивчивый выдох — огласка,
а заполнять тупики исключительно дело ветра.
Нет ни зеркал, ни гарантий, но есть опасность
за поворотом увидеть, минимум, человека.
Или другую подсказку.

Впрочем, гарантии есть. Но на них тоже нет гарантий.
Газовый свет утомительно пахнет мастикой,
а у стены, что увита сухим виноградом,
надпись: «Выхода нет». Исходя из общих понятий,
это и есть главный выход.

Но ты свернешь не туда, чуть левее, где призрак оливы,
там растолкаешь сидящего под покровом,
отдай ему флягу, скажи «добра тебе, Символ».
И он, удержав ее около рта, удивится: «Красиво,
я и забыл это слово»

* * *

По молитве вечернего чая
остается оранжевый привкус
олеандра нетающий щавель

Облака словно лица провинций
моментальные слепки окраин
в остывающей линзе

Удлинение тени горстями
поглощает молекулы лета
формируя клеймо угасаний
провожающий ветер сиренев
по закону обратных билетов

Вылетая из щели карниза
птицы падают в небо как листья
отраженных деревьев

* * *

Двадцать лет спустя Грибоедов приснился Нине,
говорил непонятное, тихо берег перебитую руку —
граф, лежите спокойно, великих дел не видать в помине,
а графиня лицом бежит к пластическому хирургу,
допустимо согласие между мячом и Таней,
между их слезами и непотопляемой памятью,
люди общества «Знание» раньше служили по обществу «Здание»,
ничего не построили там, а здесь ничего не знают,
что успело не сбыться, верней сотворится на сайте,
если время обманет, позвольте ему насладиться обманом

Как вы там, шептала, а он: милый друг, вы не опасайтесь
ни полночной птицы, ни порченого талисмана,
ни вечерней мигрени — у нас тут занятные дети,
парень краше девчонки, но девка, конечно, умнее,
тятя-тятя — вчера подошла — наши сети за все в ответе,
и глаза у нее только ваши, а волосы чуть светлее,
я запомнил оттенки — бывает не менее сложно
опознать, толпа или небо стоит над растерзанным телом.
А любовь и смерть ву франсе звучат удивительно схоже,
дело в артикуляции, милая, в этом-то все и дело

* * *

Эта строка превращается в снег
эту катают на кресле с колесиками
эта прощается
эти во сне
ходят на берег растапливать свет
перебирая прозрачными веслами
эта молчала, потворствуя всем

Сбрасывать имя кивком — в голове
взгляд и окно поменялись местами
первые люди рождаются сами
он семицветик, она человек
так отражаются после зимы
март уплывает за беличьим следом
глаз различает и форму, и слепок
гелевый клей по краям бахромы
лето протянет забытую трость
под полотенцем горячая проза
холодно, что-то на плечи набрось

Эхо распалось на знаке вопроса

В сумрачном парке, потом на вокзале
скорость забвенья меняется дважды
что продолжается нам не сказали
как от двери проводили глазами
пряча лицо, и уже не расскажут

* * *

Пьеса окончена. Доктор неисцелим,
соседи внизу совершенствуются в околесице,
извозчик орет «пади!» Редактор молчит.
Хелена всегда в это время роняет ключи
на верхней площадке лестницы.

Тень дымохода рассыпала стайку птиц,
как подношение в междомовую пепельницу.
Снег не умеет лежать, не умеет идти,
лишь пелена на зрачке новогодних шутих
после шестого хереса.

У ледяных лабиринтов хрустальный засов,
но по дороге еще водяной лабиринт.
Над домом восходит серсо. В четвертом часу
два персонажа из тех, что почти без слов,
приходят сидеть у двери

Грация.

Родился в г. Киеве в 1970 году. Поэт-самоучка. Автор огромного количества стихотворений формата «32+» по количеству строк и нескольких повестей. Всю свою жизнь бросил даже не под ноги, а под плуг своей музе – отказавшись тем самым и от потенциального заработка, и от карьерного роста, и вообще от жизни «как у всех». С 2002 по 2019 годы – член Национального союза писателей Украины, из которого вышел по собственному желанию, так как это ровным счётом ничего не давало. Автор поэтических сборников «Дикий пион», «Между прочим» и «Родился я в тюльпанчике нечёсаном».

ВЯЧЕСЛАВ РАССЫПАЕВ

МХ-338

Моей звезде слегка подгрызли щупальце,
и что теперь — светить или тонуть?
Калека окосевшим глазом щурится,
а все вокруг: «Ты гений! Супер! Круть!»
Болезненный свой верть скрывая еле,
валяет ваньку иглокожий бомж.
Глубины слов мутировали в мели,
в которые едва сухарь макнешь.

Плывется — как и светится, и пляшется —
теперь с акцентом, как у мисс Мисклик.
Звезда звезде — та стерва-однокашница,
что даже на панель сует свой блик.
А я — всего-то раб размера строчек!
Работу, книги, фильмы — всё отмел...
Посмотришь, как бутылкосортировщик
кряхтит — так ты у нас еще орел!

Не звездной мне б хотелось эпилепсии:
наоборот, здоровья — чтобы мог,
как Паша Бумчик, разъезжать по лестницам
и сбывшуюся блажь забить во блог.
Но после всех похвал — венец облома:
журчи себе, как вешний ручеек,
а то машиной станешь избалован —
уже не выдашь столь звенящих строк!

Нарушь причинно-следственную алгебру —
получишь вот такой порочный нимб.
Мой рейтинг всех бомбил перекрывал было,
когда был главный курс неотклоним.
Конечно! Ветер делают деревья...
Создай мне тонус, книжная тюрьма!
Видать, всего Дюма перетерев, я
гармонию построил по Ферма

и недоумеваю в семь личин:
ну, где же ваши песни о сюрпризах,
родные нерадивые лучи?
Два красных, два зеленых и огрызок...

МХ-316

Наполняются каштаны
витамином D.
Скоро свечи разгорятся —
каждая с собаку.
Только мне в тоске масштабной
слезы лить в биде,
несмотря на все дворянство
по шкале двоякой.

Родословная, что миска
из-под сотни блюд.
Фарш из мышки, плов из жабы,
стейк из ягуара...
Нижний край чумного списка —
за туманом смут.
Кем гордиться в рамках штаба —
ступор у радара.

Был такой парниша — Митра.
Колесницу гнал —
людям мало не казалось
мощи и сноровки.
Весь нектар до миллилитра
в нужный тек канал.
Зевс — и тот дрожал, как заяц
в кружевном шлафроке.

Вон за той хрущевкой в небе
Митрин мокасин
жмет хвосты воздушным струям
до гермозатвора.
Видел Энгельс, видел Геббельс
вспоротую синь —
и, наверно, не совру я,
что поймали вора.

А иначе б не играли
пузырьки прудов
мозаичной раскадровкой
спиц лихой повозки.
Воскрешенья авторалли
замысел бредов,
но зародыш катастрофы —
солнышко в авоське.

Родилась и живет в Киеве. Окончила Литературный институт в Москве. Поэт, прозаик, публицист. Член Союза театральных деятелей и Межрегионального союза писателей Украины. Лауреат международных литературных премий. Пишет на русском языке. Автор девяти книг прозы и поэзии. Публиковалась в литературно-художественных журналах и альманахах: «Радуга», «Нева», «Слово/Word», «Юрьев день», «Соты», «45-я параллель», «Свой вариант», «Эмигрантская лира», «Палисадник», «Южное сияние», «Витражи».

ИРИНА КАРПИНОС

* * *

В те времена, когда я часто пела,
душа во мне, как ложечка, звенела
и отзывались птицы в вышине,
и все цвело, и песня не кончалась,
лишь тень петли, как маятник, качалась
в той проклятой, отлюбленной стране...

В те времена я бегала вприпрыжку,
пила паленку и глотала книжки,
влюблялась в одного или во всех,
и от любви до одури рыдала
и весь насущный хлам в гробу видала,
не ведая, что дело — швах и грех...

Мотивчик старый на клавиатуре
и мысли о большой литературе
кружили долго голову мою,
под три аккорда пьяненькой гитары,
под гулкие ночные тары-бары,
под тот восторг у бездны на краю

казалось все безумное возможным
и не существовало истин ложных
и тем запретных и запретных игр,
и жизнь неслась на тройке с бубенцами,
грошовыми сверкая леденцами
и хищно скалясь, как амурский тигр...

Что толку «кабы я была царица»
разыгрывать, как в мелодраме, в лицах
и над финалом розовым корпеть?
Но хочется на окрик обернуться
и к той развилке в сумерках вернуться
и по-другому песенку допеть...

АЛЕКСАНДРУ ГАЛИЧУ

Жил Александр Герцевич,
Еврейский музыкант.
О.Мандельштам

Жил Александр Аркадьевич —
известный драматург,
сценарии накачивал,
входил в богемный круг,
и жизнь была беспечная,
и оттепели хруст,
но лишь балладу вечную
твердил он наизусть...
Что ж, Александр Аркадьевич,
в отечестве темно,
придется горевать еще,
чего там, все равно...

И вдруг — преображение:
с гитарой и сумой
Вы песни восхождения
запели, боже мой...
Тот стон тумбалалаечный,
прогорклая весна,
не ведала страна еще,
на что обречена...
Какие бездны в «Кадише»...
невыносимо жить...
Что ж, Александр Аркадьевич,
Вам чашу пить да пить,
на арку Триумфальную
без радости смотреть
и песенку печальную
на выдохе допеть...
Гуляет девкой уличной
столетняя беда...
Ну вот Вы и вернулись к нам,
похоже, навсегда...

* * *

Никто твои не хочет видеть слезы,
никто не хочет знать твою беду,
принцесса на горошине, заноза,
по тонкому гуляющая льду,

пацанка, голодранка, дульсинея,
крушительница мельниц ветряных,
Лавиния — избранница Энея,
живущая всегда в мирах иных,

и городская дурочка, конечно,
та, что из переулочка, привет,
всё песни пела о своем, о грешном,
подумать страшно, сколько зим и лет...

Да это я жила-была на свете,
а нынче больше нет меня нигде,
все стерто ластиком, и я, и строчки эти,
и только рябь на ледяной воде...

ЕЛЕНА ДОРОФИЕВСКАЯ

Родилась в Киеве, пишет на украинском и русском языках. Публикации в газете «Литературная Украина», журналах «Дніпро», «Саксагань», «Склянка часу» (Украина), «Перископ» (Россия), в альманахах и нескольких сборниках. Участник, член жюри, соорганизатор ряда международных и всеукраинских литературных фестивалей. г. Вышгород.

ВОДОРАЗДЕЛ

Вот странная черта — водораздел:
Граница между речкой и трубой,
И осень в очаге полураспада.
Сто тысяч дел —
Как плоскость над тобой,
И шаткий пол, и мрак портьерных складок —
Не вовремя. Оправдывать не надо
Листву, уже меняющую цвет.
И света нет —
Есть темная вода,
Расплавленные в кухне холода,
Под кипятком гремящая посуда;
Фаянсовая стража четверга
Расставлена по разным берегам:
Тарелки в стопку, чашки в грустный ряд.
...И белые леса
За солнечной оплеткой колеса
Горят.
И не уйти отсюда.

ОГОНЬ

Девочка спит, поджигает во сне постель.
Этот огонь — одно из ее проклятий.
Бабушка померла уж годков как семь,
А нынче вернулась, стоит у ее кровати
И говорит — я напрасно не сеяла огоньки,
Случайные искры бросала в сырой подойник.
Каждый костер, убежавший с твоей руки —
Это возможный калека, урод, покойник...

...Мать девочку будит, мол, снова и не моргнешь,
Будто стеклянная — что в голове? Лишь звуки...
Девочка слышит и думает — вот ведь ложь!
В гортани шумит океан, шепелявит рожь...
Девочка щелкает пальцами, вскинув руки —
С мизинца слетает крохотный медный всплеск...
Бабушка шепчет — не злись, затаись, опомнись!
Но в детских глазах появляется новый блеск —
Девочке нравится искр золотая морось...

Врач говорит — повернись, покажи, смотри;
Этика не позволит сказать о ребенке — «овощ».
Мама платком вытирает слюнку и пузыри.
Бабушка шепчет — сдерживайся, терпи,
Не выдавай — я пришла на помощь!

...девочка будто прислушивается, что внутри...
И терпит, украдкой взращивая чудовищ.

СТАРЫЕ ГАРДЕРОБЩИЦЫ

Только самые старые гардеробщицы
умеют красиво принимать и подавать пальто.
Их взгляды — латунные крючки,
цепляют избранных:
мы узнали вас,
причастных к таинству ритуала,
пронумеровали, —
не потеряйте жетон;
воспитанники традиций
редко встречаются в наше время,
впрочем, это не наше время.

Заслуженно надменные старые женщины
приветственно улыбаются,
передвигаются быстро, но без суеты,
поскольку суета — от лукавого,
а лукавый тщателен в мелочах:
обрывает петельки,
шелестит фантиками,
велит чулкам чуть сползти
и прячется в складочке под коленкой.

Зрение гардеробщиц устроено замечательно —
они могут рассмотреть в бинокль даже призраков сцены,
поэтому суфлеры давно ушли из театров.

Моветон, деточка, приходить в театр одной,
в этом храме все еще чтят приличия —
мы верим, именно они
берегут нас всех от распада.

РАСПАЛЯЯСЬ ОТ ДЫМА АКАЦИЙ...

Распаляясь от дыма акаций и вишневого табака,
Вознесенский спуск уползает в клубящиеся облака.
На одном боку у него гора, на другом — грозовые ночвы,
И моток серебристых молний вскоре скатится на Валы,
Паутиной вплетясь в говорливую здешнюю ночь... Вы
Наблюдаете, как медлительно рельсовые волы
Топчут пыль и бодают ветер, рассыпая по следу соль.
И темнеет глубокий Подол поперек и вдоль.
Крепко держит тебя за бороду сонный счастливый бес —
Хорошо, что, едва беда подкрадется, ему знакомы
И янтарные реки в густой темноте, и ее разломы,
Уводящие в пропасть спокойных, дремотных мест,
Где скучают певцы в кабаках, и птенцы сирен
Никогда не взрослеют в обрывистых снах сирени...
Здесь дожди настигают вас, вечно бегущих от потрясений
В умолчание грусти и предвкушение перемен...

БЕЛЫЙ ФЛАГ

Сидя на подоконнике, ты подставляешь миру свое плечо —
Вдруг он свалится без опоры, спастись не сможет?
Безразличный простор сквозь стекло приникает к коже.
Долгий день за окном обесцвечен и обречен.
...Оказалось, что можно при встрече обняться так,
Чтобы пульс колотил в брусчатку и резко замер;
И заранее вытряхнуть память; и выбрать знамя,
Под которым впоследствии явится ежистая пустота —
Помолчит, остановится у можжевелового куста,
Словно обыск, тревожна, как чертова пуля — мгновенна.
Спросит лишнего, полыхнет, будто нефть, по венам,
Зазмеится рекой, вдоль которой идти устал...
И придется опять обменять или сдать билет,
И тиранить часы, и назло нарушать присягу.
Раз ты знаешь, что будет, и знание это в тягость,
Может, стоит сберечь между вами стекло и нейтралитет?
Сколько можно дробить на осколки твой левый фланг,
Обрекая на нежность едва уцелевших пленных?..

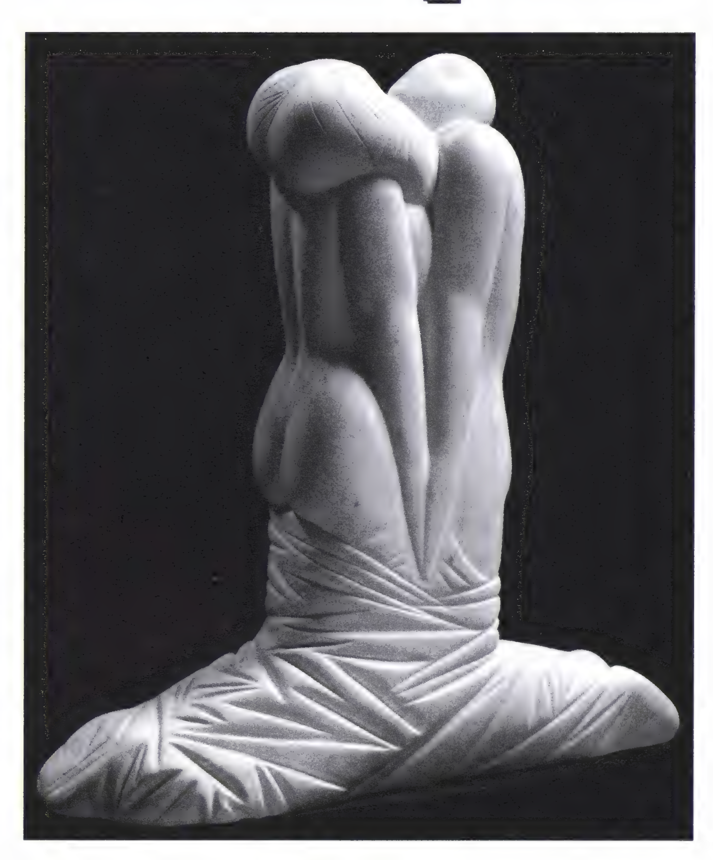
— Не хочу уходить.
...и рыжеют глаза Вселенной,
и зима расстилает под окнами белый флаг.

НЕИЗБЫВНОЕ

...И пока я здесь натираю осень пчелиным воском,
И купаю ботинки в холодном золоте фонарей,
Ты распускаешь свитер. Жаль, каким бы он ни был жестким,
Он пришелся как раз по размеру моей хандре.
Расстилается ночь по холмистой щеке столичной,
Крупной вязкой плетется меланжевый блеск Днепра;
Окунуться в него, остыть, потускнеть, забыть, что
Мы — десертная ложь с вензелями фамильного серебра...
Бесконечная ночь, неизбывнее всех осенних,
Собирает в подол остатки былых стихий —
Страстный пыл, звездный прах... Отслужи по ним,
как священник,
Город мой, облачась в предрассветную епитрахиль.

УМОЛЧАНИЮ

Резво море, в один глоток, запаяло рот,
Равнодушно мерцает звезд голубой настил.
Слово вертится на языке. Каждый его оборот
Множит невероятность слово произнести...
И сидит за зубами, запутывая в узлы
Волокно тишины, и молчание — как вода...
Если слово сорвется, вкатятся под язык
Золотые лунные холода.

Поцелуй.

ОЛЕГ ОЗАРЯНИН

Родился 1 января 1969 г. в городе Житомире (Украина), где и проживает по настоящее время. По образованию – инженер-электронщик. Настоящее имя автора Олег Николаевич Антонюк. Но широким массам читателей он хорошо известен под литературным псевдонимом – Олег Озарянин – по многочисленным публикациям в журналах «АКМЕ», «Ковчег», «Отражение», альманахах «Облако», «От сердца к сердцу», «Киевская Русь», «Юрьев день», «Провинция», «Каштановый дом», «Встреча», «Песни Южной Руси», «Форум», «Звёздный колодец». Член Международной гильдии писателей, Германия и Международного творческого союза «MasterPeace». Автор шести поэтических книг.

* * *

Горя в преддверье января
Фантазий пламенем раздутым,
Как от паров нашатыря,
Приободряется рассудок.

И память лет прошедших сор
Сдает в утиль старьем ненужным,
Минор меняя на мажор,
Выстраивает лад радушный.

Впитав дурман старинных книг,
Воображенье смотрит ново,
И расселяет домовых,
Волшебниц, фей и добрых гномов

По коридорам и углам,
По антресолям и кладовкам.

...Чадит каминная зола,
Хрустит печеньем мышь-плутовка,

Свеча стекает не спеша
В слова: «Давным-давно, когда-то...»
И упивается душа
Чудес пьянящим ароматом.

* * *

Ну, здравствуй-здравствуй, первая пчела!
Еще прохладно и цветков так мало,
Что и жужжанье, и дрожанье жала
Напрасны; жаль, что ты недоспала.

Разбуженная раннею весной —
Что ей, шальной, пчелиные законы? —
Лениво ждешь, подобна мухе сонной,
Нехитрых яств от поросли цветной.

Перебираешь ножками, ища
Нектар, пыльцу на чаше цветоложа,
И не находишь; разум твой встревожен.
Пятью глазами без толку вращать...

Кто рано встал, не каждому дает
Пчелиный Бог; и усики, шерстинки
Топорщатся, как груди украинки;
И безнадежен бреющий полет.

* * *

Всему свой срок, сверчок.
Не нагнетай, не надо...
Подумаешь, закат
Вселенную поджег!
Закончится урок,
что нам с рожденья задан,
Но торопить звонок —
помилуй, милый Бог.

Вот так бы и смотреть
на пышущее пламя
Сквозь крохотную щель
бездонного зрачка,
И параллельный мир
закатными часами
Пытаться осязать
тревогами сверчка.

* * *

Не доверяй поэзии, прошу,
И автору не верь, — он безобразник;
Он ест отраву, курит анашу,
И с головой погряз в случайных связях.

Не признает ни Бога, ни святынь,
Не копит денег и не верит в завтра;
Его заботит только неба синь,
Ему плевать, что у него на завтрак.

Едва восходит бледная луна —
Сомнамбулой с безумными очами
Он мечется в ночи, лишившись сна,
Пугая ближних странными речами.

Неделями не бреется и пьет.
Не человек — исчадье преисподней!
Чудачествам своим теряя счет,
«Вчера» не отличает от «сегодня».

Уже не индивид, а деградант —
Комический образчик отщепенства...
А ты: «Какой немыслимый талант!»,
А ты всё: «Совершенство...
совершенство...»

* * *

Его теперь все меньше с каждым днем:
Дает усадку, словно после стирки;
Еще им полон дворик монастырский,
Еще трепещут на ветру бельем
Его когда-то белые полотна;
Теперь он сер, стал влажным и неплотным;
Его правленья долгий срок истек —
Он слаб, он умирает, жалкий снег...

Еще вчера, собрав свои полки,
Он тщился оккупировать планету;
Сперва поработив округу эту,
Затем — все земли; планы далеки

Распространялись до захвата мира;
Мечтал с лихвой заполнить снег-проныра
Собой одним всей местности изъяны,
Но побежден и гибнет, как ни странно...

А что собою представляет снег?
Кристаллы льда, приставшие к пылинке,
Из воздуха вобравшие слезинки,
В лихой объединенные набег,
Чья цель — смести повсюду все живое;
Снежинки, порожденные зимою,
Есть идеал извечной красоты,
В котором смысл гармонии застыл.

Что хаос породил, не станет вечным;
И сонм шестиконечных совершенств,
Едва улыбкой дня благословен,
Предчувствует конец свой скоротечный;
Еще не стерлось жизни веретенце —
Февральское сугроб находит солнце;
Лучи его погибель убыстрят,
И плачет снег у стен монастыря.

МОЙ ЖИТОМИР

«...Мой город, знакомый до слез...»
Осип Мандельштам

Серый город, без выбора ставший судьбой.
Мне почти пятьдесят. Я все время с тобой.

Я все время в тебе. Будто выхода нет.
Фонарей твоих матовых призрачен свет.

Площадей полуночных звенящий набат.
Бег вдоль улиц пустых без оглядки назад.

А направь в подворотню опасливый бег:
Там застыл во дворах девятнадцатый век.

Там встают, как в кино из могил мертвецы,
Коммуналок лихих внеземные жильцы.

Город жита и мира. Да как бы не так!
Я на лбу ощущаю твой памятный знак.

А зарежешь однажды в ночи под ребро —
И на трупе моем так и будет тавро.

Что ж ты, город, опять хмуришь кущи бровей
Круговою порукой своих кумовей?

Что ж ты вновь ненасытным вампиром из ран
Тянешь редкую кровушку житомирян?

Не цепляет тебя список жертв и обид:
Кто тобою распят, кто тобою убит.

Ничего, не беда, доживу как-нибудь
Чтоб упасть на твою безразличную грудь.

Но пока отражен в стеклах этих окон,
Я, мой город, любить тебя приговорен.

* * *

В глубине января мы зависли, как сонные рыбы:
Шевелим плавниками, при этом не двигаясь с места.
Стало все безразлично; не нужно ни слез, ни улыбок;
Ни вражда, ни любовь неуместны сейчас, если честно.

В середине зимы время замерло выстывшей лавой;
Будто заново мир сотворен из античного гипса.
Но все также парит над страной кровожадный двуглавый,
Пожирая людей, словно пьяница — острые чипсы...

Мы привыкли к смертям. Ничего нас теперь не тревожит.
Новостные каналы пылают огнем преисподней.
Так промыли мозги, что уже и случайный прохожий —
То ли вор, то ли «сепар», и будет расстрелян сегодня.

Сколько злости и грусти в тебя окружающих людях,
Сколько нервов и боли во взглядах в метро и маршрутках.
И никто на земле никогда никого не полюбит;
А зима бесконечна... и жить безрассудно и жутко.

* * *

Пробуди во мне зверя. Заставь меня видеть во тьме,
Чуять нюхом звериным опасность из дальних пределов.
Мои нрав и повадки животным инстинктом отметь,
Научив без врачей врачевать мускулистое тело.

Пробуди во мне зверя. Как только чужак или враг
Подойдет слишком близко — пусть клык мой безжалостно вспорет
Его вздутые вены. Приблизится он хоть на шаг
К неприступным границам помеченных мной территорий.

Пробуди во мне зверя. Позволь мне звериным чутьем
Различить — мне тебя! — средь несчетного множества самок.
И тогда, отрычав, разреши мне любить горячо;
Впившись в холку зубами, тобой наслаждаться упрямо.

Пробуди во мне зверя. А после... А после убей!
Пусть звериная кровь обагрит мне звериное веко.
Потому что не место зверью средь нормальных людей,
И труднее всего оставаться всегда человеком.

* * *

Скачай меня! Я был. Давным-давно.
У вас еще хоть кто-нибудь читает?
Вы после нас раскрыли уйму таинств,
Которых здесь нам было не дано.

Скачай меня. Перед тобою весь
Я в этом файле, меньше мегабайта,
Забытый меж страниц седого сайта,
Сквозь тьму веков сумевшего пролезть.

Скачай меня, не мешкай, подгрузи
В свою программу постиженья сути.
Разброс перипетий и перепутий
Моей души сумей вообразить.

Скачай меня: во мне бурлила кровь,
Я много видел, кем-то был однажды,
Во что-то верил, тьмы и света жаждал,
Страдал, любил... Ты слышал про любовь?

Скачай меня... Пусть у тебя внутри
Моих стихов поселится частица.
И если вдруг такого не случится —
Всего меня из вечности сотри.

СЕМЕН ЗАСЛАВСКИЙ

Поэт, сценарист, переводчик, эссеист, общественный деятель.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ КАИНА

Видна в грядущем прошлого зола
И человек, чье назначенье скрыто,
Приходит в этот мир добра и зла
С кремневым топором палеолита.
Так кто же он — земной коры недуг?
Должник и раб понятия «свобода»?
И для чего его бессмертный дух
Пытает плоти дикая природа?
В нем слышен гул народов и племен,
Чья жизнь прошла и возродилась ныне —
В былых сраженьях погибает он,
Во имя новой славы и гордыни.
И заживо с рожденья погребен
В многоутробной материнской глине,
Где с ним зачаты ненависть и страх.
И всем живым — еще хватает праха.
И не истлела на его плечах
Истории железная рубаха.
...Очнется ль, уподобленный Творцу,
От долгих и упрямых заблуждений,
Иль не вернется к своему Отцу
Отпавший сын, его тревожный гений?
Кто весь в борьбе его создавших сил,
В страстях и муках самоистребленья
Своих кровавых идолов творил,
Не сознавая в темном наважденье,
Что в нем — огонь неведомых светил
И звездной пыли чудное мерцанье
Того, кто жертвой мир преобразил
И человека искупил страданья.

БРАТУ САШЕ

Далековато — смутная весна,
Запомнила ли ты мое рожденье?
Еще с тобой рифмуется война,
Но за оврагом синева видна
И воздух полон влажною сиренью.
Там виден сад, окутанный дымком,
Где облака вернулись из кочевья.
Напоены их нежным молоком,
Спят в телогрейках люди и деревья.
Еще не дешевеет керосин.
Идет обмен вещей на рынке черном,
Но так роскошен неба крепдешин,
Когда оно становится просторным;
Когда его простор стрижи кроят
И свист их крыльев слышен в каждой хате,
И далеко уходит на закат
Пирамидальный тополь на закате.
И вот уже его рельеф исчез
Там в глубине багрового развала,
И виден край темнеющих небес
И свет звезды в окне полуподвала.
И та звезда губернский дом хранит
И озаряет узкое подклетье —
Тот нищий угол, где ребенок спит
В железной люльке своего столетья.

СТИХИ О ПОСЛЕДНЕЙ ЛЮБВИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ В АРХИВАХ ТЮТЧЕВА И ГЕТЕ

Утро чувственной чистоты...
Пробудила мне сердце ты,
Как заря пробуждает сад,
Где сирени цветы дрожат,
Освежающих слез полны
Несравненной твоей весны.

В нежных клейких ее листках
Нет отжившей листвы былой.
В быстрых ветреных облаках
Небо ширится над землей.

В быстрых ветреных облаках
Поспевает веселый гром
И смывает вчерашний прах
Благодатным своим дождем.

Все стремительней и сильней
Мчится водополь новых дней,
Низвергаясь с холмов и гор,
Вызывая обвал камней
И обрыв вековых корней:
Всюду гибель, везде разор...

Лица близких тебе людей
И приметы любви твоей
Отразились в потоке том.
Подрывает водоворот
И в свою глубину несет
Исчезающий отчий дом —

Он лишь в сердце твоем живет,
Но уносит водоворот
Все, что было родным для нас.
Не ропщи на судьбы закон,
Этот мир до конца времен
Переменится вновь не раз.

Неизбежен судьбы закон:
Этот мир до конца времен
Обновлять, а потом губить.
Ничего не вернет вода,

Уносящая без следа
Все, что жизни мешает быть,

«И сияет, всегда нова
В ней всевышняя синева
Сквозь несущийся мутный сор». —
Эту музыку и слова
Нам доносит нездешний хор.

...Над моей суетой сует,
Над сумятицей прошлых лет,
Над дорогой моих утрат
Занимается твой рассвет,
Озаряя и мой закат.

КАКТУС

Юле

Ты помнишь, как взорвался изнутри
Восстанием невиданной зари
Зеленый кактус и расцвел зимою,
Чтоб слышали и чувствовали мы
Дыханье лета средь декабрьской тьмы
И музыку тропического зноя.

Среди зимы его расцвет явил
Победу новой жизни, новых сил
Земли, что дышит синевою горной.
Как жадно этот кактус жить хотел
И на окне холодном пламенел
Звездой колючей жизни чудотворной.

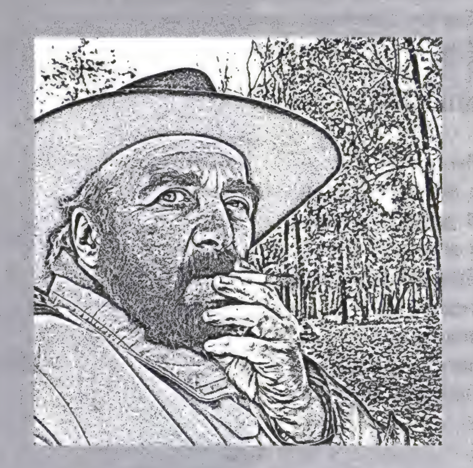
Неистощима в недрах вещества
Материя, а я ищу слова
И кажется, как будто истощаюсь.
И жду, когда под сердцем вспыхнет стих —
Цветок заветный замыслов моих
И даст побег его живая завязь.

ЭПИТАФИЯ

Вы знали всё:
и мощь труда ударного
И радость жизни,
и войны свинец.
Прощайте,
люди
поколенья
легендарного,
Прощай, отец!

Бегущая к венцу.

Родился и живу в Киеве. Окончил Московский университет им. М.В.Ломоносова. Издал три сборника стихотворений. Печатался в журналах и альманахах «Радуга», «Юрьев день», Сталкер», «Соты», «Ковчег». Ряд стихотворений опубликованы в антологиях современной русской поэзии. Лауреат литературных премий.

АНАТОЛИЙ ЛЕМЫШ

АНДРЕЕВСКИЙ

Былое расколото вдребезги.
Из прошлого вынут костяк.
И если придешь на Андреевский –
Там дышится нынче не так.

Всё те же дома над брусчаткою,
И те ж купола в вышине.
Но помнит иное сетчатка, и
Другое мерещится мне.

Вот вроде бы облагородили,
Как будто отмыли стекло,
Но чувство таинственной родины
Истаяло, стерлось, ушло.

Тут раньше царили художники,
Кумиры чердачной поры,
А нынче толкутся лоточники
С набором цветной мишуры.

Какой-то подвох, деформация,
Развесистый клюквенный куст,
Как будто стоит декорация
Для фильма «Андреевский спуск».

Туристы, всегда одинаковы,
С айфонами рвутся вперед,
Чтоб сняться в обнимку с Булгаковым –
Он, бронзовый, не оттолкнет.

Все реже друзья отзываются,
Плотней нависание дней.
Как будто курган насыпается
Над памятью горькой моей.

И нету на свете острей тоски,
Чем быть у эпохи в гостях.
Не тянет меня на Андреевский, –
Там дышится нынче не так.

АВГУСТ 14-ГО

Как жили мы в это лето? А жили так:
Возле кровати стоял «тревожный» рюкзак
С едой, медикаментами и шматьем,
И отсвет телеэкрана пылал на нем.

Мир содрогался от выпусков новостей.
В нас бушевала буря чужих смертей.
И пули, не долетавшие до Днепра,
Визжали над нами, как страшная мошкара.

Был каждый нейрон отчаяньем обожжен.
Так Авель глядел на Каина под ножом.
Но сквозь канонаду сияла нам высота —
Так виделось небо Ионе внутри кита.

Как жили мы в августе? — Как под командой «пли!»
Дни то неслись, окаянные, то ползли.
И я повторял в бессоннице, в забытьи:
НА ЭТОЙ ВОЙНЕ УБИТЫЕ — ВСЕ — МОИ!

КАССАНДРА

Ну что там вопила безумная эта Кассандра?
И снова в эпохе погибельный привкус азарта.

И вновь Вавилонская башня вонзается в небо,
И римская чернь обезумела: зрелищ и хлеба!

Прости, не вчера ль мы любили тирана Гороха?
У нас на дворе — что ни день, то другая эпоха.

Ах, эти данайцы, наверное, милые люди!
Нет силы не взять их подарка — а там будь что будет!

И время такое, что горло набухло от крови,
И лучше погибнуть на взлете, чем жвачка коровья,

Покуда гремит карнавал и журчит радиола,
Пока улыбается мило Игнатий Лойола.

Но контур коня наплывает во тьме заоконной.
Над Лаокооном змея наклонилась знакомо.

И не отмолчаться — мол, там, через век, разберутся!
И снова, как прежде, мудрее всего — безрассудство!

И страшно взлетать, и судьбу не отложишь на завтра.
...Так что там вопила проклятая эта Кассандра?

ТЫ МНЕ ЗВОНИ, СЫНОЧЕК

Плечи твои сутулы, белая голова.
«Ты мне звони, сыночек, звони, пока я жива».

Стала квартира клеткой, и заросли зрачки.
«Ты мне звони, сыночек, жду я твои звонки».

Я приходил с мороза, новости волоча.
В комнате полутемной светишься, как свеча.

Тает твоя улыбка, мой навсегда маяк.
Мама, ты как ребенок, маленькая моя.

Что мне оскал эпохи, войны, чума, вожди?!
Только держись, родная, мама, не уходи!

Я сочинял, рассказывал, все, что припомнить мог.
К жизни ее привязывал, все же — не уберег.

Ты перевоплощалась в ветер, закат, траву,
Медленно уплывала к вечному большинству.

Вот и поставлен прочерк. Вот и число за ним.
«Ты мне звони, сыночек. Ты мне звони...
Звони...»

ОДУВАНЧИК С ШИПАМИ

Ирине

За тебя мне светло и тревожно.
Я скитаюсь один вечерами.
Я люблю тебя так осторожно,
Словно ты — одуванчик с шипами.

Говоришь, я в долгу неоплатном,
И ладонью не вычерпать море.
Я люблю тебя так безоглядно,
Что с неправдой твоею не спорю.

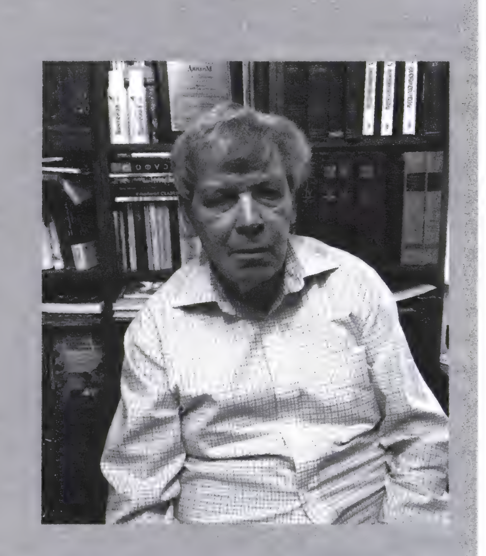
Для меня не отмеришь ты нежность
Ни на гривенник, ни на полушку.
Я люблю тебя так безнадежно,
Что таких запирают в психушку.

Вот стою, словно в латы закован,
Пред твоею закрытою дверью.
Я люблю тебя так бестолково,
Что твоей нелюбови не верю.

Рождение Стихий.

АЛЕКСЕЙ БИНКЕВИЧ

Поэт, переводчик. Член Национального союза писателей Украины, член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. Бориса Слуцкого, Международной литературной премии им. Расула Гамзатова. Автор книг «Родники и криницы», «Прикосновение», «Крест», «Настежь», «Вертеп», «Сестра моя – сирень», «Клуб бубновых валетов и пиковых дам», «Эротические фантазии», «И дух народа...», «Reqviem», «Дагестанские ветры», «Orbi et Urbi», «Сад божественный избранных песен», «Избранное» в 2 томах, «Перекличка с Рабиндранатом Тагором» и др.

РЕКА ЛЮБВИ

Любовь — река, куда не входят дважды,
я этого никак не мог понять
и всякий раз побед желанных жаждал,
спеша губами женщин обаять.
За что они меня боготворили? —
Свои сердца, как двери отворили,
и мне с тех пор вослед кричат они:
— Смотри, в реке любви не утони!

Река любви — могучая река,
в тебе плывут века и облака!
Мы — две реки, нам нет конца и края,
когда друг в друга вдруг перетекаем.

Случается — мысль промелькнет
однажды —
Не умереть бы от любовной жажды.
И я в тебя, любовь, нырял отважно,
а ты — река, куда не входят дважды!
Кто нас на ересь ту благословил,
раз мы ее лучами обручились?!
На хрупком берегу реки любви
мы все же не случайно очутились.

Река любви — могучая река

* * *

Твой образ — словно фреска
в древнем храме.
Куда бы ни забрел, где б ни присел, —
он у меня стоит перед глазами
во всей своей немыслимой красе.

Поверь, в душе такие бродят страсти,
такие тропы и пути торю,
что, не имея над рассудком власти,
не Господа — тебя боготворю!

И чувства, что вынашивал подспудно,
уразуметь пытаюсь вновь и вновь...
Неужто так светло и безрассудно
случается последняя любовь?

ПЕЧАЛЬ О ЛЕТЕ

Печаль о лете, ты — как сны о Грузии, —
взлетевшая на крыльях мотылька,
возможно — ты вселенская аллюзия,
свисающая люстрой с потолка.

Печаль о лете — это все равно что —
дорога, не протоптанная в рай,
и надо бы идти, да слишком тошно
знать, что приют твой — караван-сарай,
затерянный в песках пустыни Наска,
где, если на мгновенье воспарить,
то пред тобою враз предстанет сказка,
и станут миражи души бурлить,
как плов в котле, когда фальшивый голод
«Турецкий марш» играет в животе,
и то ль голубка, то ль задира-голубь
с заветной вестью должен прилететь,
а ты еще о том не помышляешь...

Твоя печаль о лете, что прошло,
и ты накал страстей не нагнетаешь,
поскольку на судьбу пенять грешно.

Ты мыслишь о печали и о лете,
а голуби уже в объятьях туч,
хоть им видней, но разглядеть не светит
моей печали золотой сургуч,
которым опечатаны все чащи,
и наши тайны не сойдут нам с рук,
я — слова бессловесный разводящий,
настроив камертон, иду на звук.

А может, это осени предвестье...
Как купол церкви — лес оделся в медь.
Все «за» и «против» осторожно взвесив,
не перестанешь песню грусти петь.
Ведь зимний день уже не за горами —
сучит ноябрь суровую кудель...
И никаких посулов и гарантий,
что этот день не явится к тебе.

МАРК ШАГАЛ
«ЛЮБОВНИКИ В СИРЕНИ»

Луна купается в реке,
любовники плывут в сирени.
Девичья грудь в его руке
быть не пытается смиренней.
Ночь в бледной маске травести.
и нет ни пошлости, ни блуда.
И надо жизнь бы провести
в сплошном предощущенье чуда.

ВЛАДИМИРУ МАРФИНУ,
ДРУГУ-ПОЭТУ

Не отрывая пера от бумаги,
чтоб обнажиться душой в Интернете,
трудимся мы, очумевшие маги, —
русской словесности крестные дети.

ЛЮБИТЬ ИМПЕРАТРИЦ...

Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Александр Пушкин

Любить императриц — рискованное дело,
но ты готов всю жизнь любовь такую ждать;
любить императриц, чье мраморное тело
монарху одному должно принадлежать...

Кто волен запретить любить императрицу
тебе? Ведь ты почти любимец двух столиц.
И у тебя уже патрицианский принцип —
уж ежели любить, так лишь императриц.

Ты — тоже Александр и, к слову, не последний.
В фантазиях своих ты судьбами вершишь.
В любимчиках у Муз ты ходишь и по сей день,
так что ж к ее ногам ты рухнуть не спешишь?..

Соперничать с царем осмелится не каждый,
самоубийцей быть — нести особый крест
особенно в любви есть риск — Господь накажет
за то, что выбран был такой трагичный квест.

Пусть государь царит в объятьях фаворитки
пока жена грустит у царскосельских лип,
курчавый лицеист, весь вымокший до нитки
под ливнем новых чувств,
сознайся, Пушкин, —
влип?..

Любить императриц — рискованное дело,
ты был готов всю жизнь любовь такую ждать?
Любить императриц, чье мраморное тело
монарху одному должно принадлежать...

Он — государь Руси, а ты всего лишь мальчик,
что юной красотой, как вспышкой ослеплен,
иди своим путем, а властелин-тиранчик
от зависти умрет, коль ты в нее влюблен.

МУЗЫКА СВЕТЛАЯ

Ты оборвешься, как песнь недопетая,
четко означив свои рубежи,
жизнь моя, музыка,
музыка светлая.

Самая светлая музыка —
жизнь!

Время придет — на судьбу не посетую.
Господи,
прежде чем руки сложить,
дай мне сложить ее —
музыку светлую.

Музыку ту,
что останется жить.

ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО

ИЗ ЛИНЫ КОСТЕНКО

Песенка с вариациями

И каждый финиш — старт, но ты ведь стоик.
И все на свете нужно пережить.
И ворожить о будущем не стоит,
и о прошедшем незачем тужить.
Обидно, что веселья час недолог.
Пусть жернова размалывают дерть.
В груди застряло сердце, как осколок.
Пустяк: однажды все излечит смерть.
Пусть сложное не станет упрощенным.
Пусть будет все прощенное прощенным.
Век проживем, стремясь постигнуть выси.
Да жаль, от нас немногое зависит.
А нужно жить. Жизнь — дело не простое.
И нечего на мелочи грешить.
И ворожить о будущем не стоит,
и о прошедшем незачем тужить.
Все так и есть. А можно жить, как в бездне,
и забывать, что ходишь по земле.
Покамест разум не прогорк от бедствий,
не будь рабом и смейся, как Рабле!
Обидно, что веселья час недолог?
Пусть жернова размалывают дерть.
В груди застряло сердце, как осколок.
Пустяк: однажды все излечит смерть.
Пусть сложное не станет упрощенным.
Пусть будет все прощенное прощенным.
Чтоб не остались с душами порожними —
спешите век прожить свой как положено.

* * *

Да, мне открылась истина печальная:
жизнь исчезнет, как река Почайная.
Течет сквозь годы, смыслу вопреки,
река — воспоминанием реки.

И только помнят вербы на горе,
что Русь крестили здесь, а не в Днепре.

* * *

Все изменилось. Нет былой красы.
Двадцатый век уже за перелазом.
Глобальный мир желает колбасы,
где вместо мяса — всякая зараза.

Упала тень на отчие гробы.
Черт брезгует — не покупает души.
В лесах дрожат испуганно грибы.
В садах растут сомнительные груши.

Эпоха задохнулась, как Дункан.
Остановитесь, люди и сюжеты.
Поэзия нужна лишь чудакам.
Зато, кому теперь нужны поэты?

(1937– 2009)

Украинский поэт, общественный деятель и первый председатель Конгресса литераторов Украины.

ЮРИЙ КАПЛАН

* * *
Где он оборвется, путь земной?..
Стыдно за пустые разговоры.
Господи, поговори со мной,
Может быть, меня не станет скоро.

Ни тоске не верь, ни куражу,
Это и не откровенье даже.
Просто,
то, что я Тебе скажу,
Может быть, Тебе никто не скажет.

ТУННЕЛЬ

Готовясь к жестокой ассирийской осаде, жители Иерусалима пробили туннель в скале, изменив русло ручья Гихон. «...А в день завершения туннеля каменотесы ударяли навстречу друг к другу, кирка против кирки. И потекла вода из источника на расстояние 1200 локтей, и 100 локтей была высота скалы над головами каменотесов».
Надпись на стене туннеля (т.н. «силоамская надпись»), VIII в. до н.э.

В петле ассирийской орды,
Могучим соседом тесним,
Плотнее смыкает ряды
Отчаянный Йерусалим.

С какой не всмотрись стороны,
Чужие хоругви видны.
Мы долгу и Богу верны,
Но как воевать без воды?

В ответ на людскую хулу
Пророк расшифрует свой сон:
Пробейте туннель сквозь скалу,
Пусть русло изменит Гихон.

Народ устает от идей,
Но вещие сны не солгут.
Всего лишь две тыщи локтей,
И мы недоступны врагу.

Пока не ослабла рука,
Пока не запятнана цель,
Вгрызайся в породу, кирка,
Тянись через время, туннель.

Довольно бичей и оков,
Замолим чужие грехи,
Я слышу сквозь толщу веков
Биение встречной кирки.

Я помню, что жизнь коротка,
Я знаю, что годы — шрапнель.
Вгрызайся в породу, кирка,
Стремись через время, туннель.

* * *
Спустя дунайской дельты рукава,
С пути сбиваясь, опустив слова,
Из всех привычных ритмов выпадая,
Я изменил фарватера зигзаг.
И отразилась вмиг в моих глазах
Серо-зеленая вода Дуная.

Мое зеленоглазое дитя,
Дунайской дельты рукава спустя
Меня опять одолевают страхи.
И снова — сам себе коварный враг —
Я путаюсь в потертых рукавах
Печали. Как в смирительной рубахе.

Дунайской дельты рукава спустя
Мне кажется пожизненной статья,
Приговорившая меня к печали.
Мое желтоволосое дитя,
Мне так невыносимо без тебя,
Как будто впрямь в небытие отчалил.

В раю, где облака и камыши,
Снимает вдохновенье барыши.
Но мне не до тебя, Господне лоно.
Спустя дунайской дельты рукава
Все жду: а вдруг появятся слова,
Чтоб прохрипеть тебе по телефону.

МОСТ ВЗДОХОВ

Мост Вздохов. Всего несколько шагов из неописуемой роскоши Дворца Дожей в непроглядный мрак средневековой темницы под свинцовой крышей. Если повезет, успеешь в последний раз увидеть в зарешеченных окнах море, солнце, небо. И вдохнуть. И вздохнуть. Потому — Мост Вздохов. Но это изнутри.
А снаружи, украшенный затейливой мраморной резьбой и ажурными решетками, изящный кошачий изгиб над узким каналом очень напоминает аристократические носилки.

Где этот уголок земли?
Какая за бортом эпоха?
Куда меня вы занесли,
Носилки времени — Мост Вздохов?

Приподнятая арки бровь,
Кирпичной башни мощь нагая...
Венеция, ты, как любовь,
Бег времени опровергаешь.

Нет, не любовь — венец любви...
Господь, наверное, печатал
Гравюры вечные твои,
Используя фольгу заката.

Побыть принцессой в царстве сна
Иль приобщиться к райским кущам —
Венеция, твоя цена:
Забыть о времени текущем,

Не помнить собственных примет.
(Твой мир — ажурных кружев мрамор.)
Не явлен даже силуэт.
Стократ ценней портрета рама.

И маска. Арлекин. Пьеро.
Описка. Кляксочка. Помарка.
Пух. Голубиное перо
На площади Святого Марка.

И жажду смертных никогда
Не потому ль не утоляла
Зеленоватая вода
Стекающего в Стикс канала.

Пойми, прости, родной Подол,
Ты родина моя и крест мой,
Но здесь мне черный лак гондол
Зияет, как рояль отверстый.

Мост Вздохов, уноси во тьму,
Мой век в твоих носилках дремлет.
Теперь я знаю, почему
Иосиф выбрал эту землю.

* * *

Слышите шум? — это снова шаманит зима,
Души, дома и деревья в одной круговерти.
Только хватило б дыхания выдохнуть: «Шма,
Шма, Исраэль!» —
И не страшно встречаться со смертью.

Птица не может взлететь и ложится плашмя,
Тело свое прижимает к спасительной тверди.
Только хватило б дыхания выдохнуть: «Шма,
Шма, Исраэль!» —
И не страшно встречаться со смертью.

Звездные хлопья опять меня сводят с ума.
Белая мгла роковую окружность очертит.
Только хватило б дыхания выдохнуть: «Шма,
Шма, Исраэль!» —
И не страшно встречаться со смертью.

Знаю и сам, что душа перед Небом грешна,
Все, что положено, мне по заслугам отмерьте.
Только хватило б дыхания выдохнуть: «Шма,
Шма, Исраэль!» —
И не страшно встречаться со смертью.

УРИЙ. БЕССОННАЯ НОЧЬ

...Давид прогуливался по кровле царского дома и увидел с кровли купающуюся женщину. А женщина была очень красива... И сказали ему — это Вирсавия, жена Урия... И он спал с нею... И послал сказать: пришлите ко мне Урия... И расспросил его Давид о ходе войны... И вышел Урий из дома царского, а вслед за ним понесли царское кушанье... Но Урий спал у ворот... со всеми слугами, а не пошел в свой дом... И донесли Давиду... И сказал Урий Давиду: рабы господина моего пребывают в поле, а я пошел бы в свой дом есть, пить и спать с женою!.. Поутру Давид написал письмо и послал его с Урием... В письме он написал так: поставьте Урия там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтобы он был поражен и умер...
Вторая книга царств. Глава 11

1
Сошла почти на нет вечерняя заря,
Кровав последний блик на золоте чертога,
Я понял с первых слов лукавого царя,
Которого любил и почитал, как Бога.
Царь думал: Урий глух. Царь думал: Урий слеп.
Царь думал: Урий прост, и жизнь его прекрасна.
Я не войду в свой дом. Я не вкушу свой хлеб.
Я больше не возьму жены на ложе страстном.
Да, он герой и царь, провидец и поэт,
Строитель и мудрец. Но ты ведь помнишь, Боже,
Что в жизни для меня страшнее пытки нет,
Чем знать, что кто-нибудь ее коснулся кожи.
Пусть мне не пасть в бою.
Пусть мне не быть в раю.
Пусть буду жалкий раб, а не отважный витязь,
Но, если выбирать, — я дам отсечь свою,
Чем на плече ее чужую кисть увидеть.
Пусть я курчав, как негр. Пусть я упрям, как бык.
Пусть я зеленоглаз, как распоследний грешник.
Но светят только мне две серо-голубых
Звезды в сплошной ночи ее волос кромешных.
Да, слишком часто меч сверкал в моей руке,
И часто разум я терял в бою от гнева,
Но я один плыву по голубой реке —
По жилке на груди ее... любимой... левой...
Как сладко на войне мне снился этот дом —
Вот мы опять вдвоем... вот мы уже простились...
Сплю на сырой земле, обласканный царем,
Шпионы из дворца вовсю засуетились.
Нет, будь и впредь, мой царь, по-прежнему велик,
Спасибо за вино и щедрые награды,
Но лучше обойтись без вычурных интриг,
Мне станет смерть в бою действительно отрадой.
Сам выберу свой день. Сам изберу свой путь.
Сам в сече обрету себе врага по росту.
Когда в ее глаза я не могу взглянуть,
Зачем мне видеть свет и утренние звезды.

(1946 – 2013)

Родился в Крыму.
В 1970–1991 гг. жил в Киеве,
с 1991 г. – в Чикаго.
Окончил Институт легкой
промышленности в Ленинграде
и Литературный институт.
Поэт, издатель, драматург,
переводчик.
Публиковал стихи начиная
с 1987 г. в
«Антологии русского верлибра»,
журналах и альманахах
«Звезда Востока»,
«Новый Круг».
Переводы – с украинского,
словацкого, польского,
английского.
Участвовал в выставках
керамики, графики, коллажа,
бук-арта, визуальной поэзии.
Был издателем и редактором
журнала
«REFLECT... КУАДУСЕШЩТ».

РАФАЭЛЬ ЛЕВЧИН

СОНЕТ

Я раньше никогда не умирал,
как бусы, как серебряные ложки.
Воспоминанья по природе ложны —
блескучая воздушная икра.
И снился город мне — как Ленинград,
чуть серый, удаленный, непреложный;
и сон сужался в маленький экран.
И я забыл ее неосторожно.
Но ей дозволено и то, что богу сложно.
На сером пляже — черно-белый храм.
Куб жертвенника гладок невозможно.
Протянешь руку — но пришла вчера.
Днем вспоминаю, бережно, подкожно.
Нет никого, и кажется — игра.

* * *

Я был игрушкой, заводным Орфеем,
несбывшегося хора корифеем,
бормочущим строку «Упанишад».
Душ-лепестков теплился еле-лепет,
свечей погашенных, вдвойне нелепых.
Я помнил только предыдущий шаг.
И в шорохе, как свет, клубившем плечи,
Аристофан шагал ко мне на встречу
(его сопровождал слепой конвой).
Вождь вакханалий с мыслями аскета,
полу-Шекспир эпохи нерасцвета,
эпохи тюрьм и превентивных войн,
он постарел. И мертвые стареют.
А так как нету в лимбе брадобреев,
он наступал на седину свою.
Он путал Фидия и Эврипида
и только помнил, как злащеный идол
переступил Афины, как скамью.
Он, приближаясь, съежился и сжался,
и на плече его уселась жаба.
И это был уже Тулуз-Лотрек.
И что-то он мне объяснить пытался...
Но в разговор по-прежнему вплетался
шум Леты и других подземных рек.

РЯЖЕНЫЕ
непоэма (отрывок)

XII

Мы говорим о пустяках и горестях,
о том, что прочно дело на крови.
Плывет, плывет, не изменяя скорости,
заносчивая лодочка любви.
Который век вот так уже болтаем мы,
и нет для нас ни смерти, ни жены.
Плывет сквозь упованья и отчаянья
старательная лодочка Луны.

СУМЕРКИ ПРЕДАТЕЛЯ
непоэма (отрывок)

12.

М.

Отец мой, ты так на меня похож,
как бред походит на бред.
Так пусть же меня не отыщет нож —
я должен в огне гореть.
Стальное стекло —
виноват ли, рад,
что дотянул до седин.
Но это тебя не касается, брат —
я должен гореть один.
Сестра и душа моя, будь добра —
живи, говори с травой!..
Пусть боль моя движется до утра,
я должен гореть живой.
Спустился по ниточке паучок —
разбить письмо, умереть...
Тебе-то зачем это, дурачок?
Я должен один гореть.
Твоя паутинка — радужный луч —
проткнет мне мозг и плечо
и капнет бензином в одну из луж —
гореть
отвратней
еще.
В красивых словах ни смысла, ни зла,
и сердца не излечить.
И скулы, и лоб сотлели дотла,
и смрад от костра в ночи.

**ДЕТСКИЕ ИГРЫ,
ИЛИ
ХРОНИКА ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ
ЗАБУБЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ
ЧЕРНЫХ МАГОВ**
поэма-коллаж (отрывки)

М.

— Вы слышали?
БОГ УМЕР!
— Как, опять?
А впрочем, что ж...
Ему не привыкать.
Как я устал и как болит рука...
(«А где твой брат?».
А что я, сторож брату?!)
Часы в пространстве, соль в крови, река...

Мы никогда не рады, чем богаты.
«Усни под дождь», — писал мой друг-поэт.
«И станешь ты дождем», — писал когда-то.
Уж нет того дождя.
Поэта нет.
Ни друга, ни возлюбленной, ни брата...
Тот страшный суд, что сами предрекли,
стал нудной нормой вроде сигареты.
Но кто ж мог знать, что будет просто лето?
Куда пышнее: Деву, мол, сожгли!
Все ухнуло в густую пустоту
(назвать ее судьбою — много чести!).
Друг превратился в рыбу на лету,
я позабыл о доблести и мести
и больше не клянусь...
(Заглавием обещанный сюжет
Возьми же и разрушь своей рукой.
Ты свет —
а я не видел этот свет, —
покой —
но я
не заслужил покой.
Трава не помнит, что сулил огонь,
тебя касаясь тысячами губ.
Не уходи же! —
Вот моя ладонь!
Еще побудь со мной.
Еще побудь...)
Вы знаете меня не первый день.
Меня любили сорок восемь дев.
А если точно — девяносто шесть.
И в этом, несомненно, что-то есть.
Но это запотевшее число
похоже на уплывшее весло.
Подумать только, к сотням дев иных
не я, совсем не я
вторгаюсь в сны!
И сотни тысяч дев, в конце концов,
меня не знают даже и в лицо
и не подозревают обо мне...
Так вот, зашли мы в этот...
Сад камней.
В моей руке была ее рука.
Нам Сириус сиял издалека.
А может, и не Сириус.
Плевать.
Любить — всегда милей, чем убивать.
Но тут вошел астральный мой двойник.
Куда мне до него? Я сразу сник.
(Еще побудь! —
Бессмысленный призыв.
На штампе штамп.
Мы гибнем, полюбив.)
— Как тебе живется?
— Смутновато.
— Это потому, что не вдвоем...
Прилетали Эрос и Танатос,
щебетали каждый о своем,
бог и бог,
на крыльях стрекозиных,
им не попадайся на глаза...
(Путь земной пройдя до середины,
повернул и зашагал назад.)
— Как тебе живется?
— Мне живется
так, как в окружающих домах.
...Вон еще один крылатый вьется.
Вон еще...
Их тысячи!
Их тьма!!

ТЫ УЖАС!

Ни рук, ни дороги
не видно, и крики в горах,
и сумрачный бог однорогий
все ближе, как черный овраг.
Скорей
превращаешься в ветку,
утратив глаза и язык,
как это случалось нередко
друзьям виноградной лозы.
Вот ветка,
и эхо ответа
в коре, как улитку, сберечь.
Тень тысяч таких же, как эта,
отринувших зренье и речь.
И проклят я
под тысячу мелодий.
Так смешней.
И белых кукол вкруг меня проводят,
а не людей...

СЛОЖНАЯ БИОГРАФИЯ КАТУЛЛА

(отрывки из поэмы)

13

Мутанты, ларвы, выблядки Победы,
взыскующие призрачную суть,
мы выросли, читая Кастанеду,
чтоб букву к Иероглифу вернуть...

18

Штамп на штампе, буквы на трубе,
праздник отвращенья и свободы
нас уводит от себя к себе
в темные невидимые воды.
Где друзья? и кто мои друзья?
Так бы вас и двинул, негодяи!
Но руки поднять уже нельзя,
и башка осталась под трамваем.
Он гремит, тяжелый, сквозь Подол,
громыхнет Садовой и Фонтанкой,
только до Джанкоя не добрел,
заторчав на Энском полустанке.
Жизнь прошла, проскрежетала смерть,
вот теперь бессмертие проходит.
Пьем его слабительную смесь,
очищаясь от страстей и родин.
Остаются только облака
в небе городов, в глазах любимых.
Остаются ветер и тоска,
неизбывны и неистребимы.
Где же наши книжки, где листки?
Оргий председательница, кто ты?
Школьной от до гробовой доски
всё реминисценции, длинноты.
О, поэт Катулл, поэт Катулл!
Мы воруем строки и сюжеты.
Бросил взгляд божественный на ту,
руки щедро возложив на эту.

МАРИНА ДОЛЯ

(1951–2016)

Поэт, автор книги стихов «Византийская жатва», широко публиковалась в самиздате и литературных журналах девяностых годов.

* * *

Век разума обшит каймой безумья, на ладан дышит важная работа, но в банде обступивших полнолуний мы обретаем голос и свободу.

Свободу пить из запертых колодцев, во имя встречи с тем, кого не встретил, нырнуть в зрачки беспечных инородцев и отыскать на дне вчерашний ветер.

Виденьями переполняя грудь,
то ты один на тысчу, если можешь
надежды новой вздохом не вспугнуть.
Не больше смысла в розе деревянной, чем в наших мыслях, помыслах и датах, так распластался на оконной раме,
как жертва датам,
разум наш распятый.

Так больно вырастать из бурой шкуры — никто не засчитает те мгновенья, серебряная роза полнолунья — в одном зрачке и стремя, и стремленье;
и мы летим, дырявим паутину, что заплелась над нашей колыбелью. Рисует разум лунные картины, безумье в нем распахивает двери.

* * *

...написаны тома от равнодушья,
и нет цены уставшим нашим душам.
как нету глав,
в которых все — о главном.
Беспомощны пред глыбой этой томной
запекшихся судеб и сновидений,
мы в прах эпохи вбиты по колени...

* * *

Светает, сон грозит —
сойдутся силы
померяться и подвести итог,
им не мешает високосный слог
души в своем призвании счастливом.
А в небесах —
звезда, всегда красива,
миры обходит,
голубой чертог,
далекий и нездешний,
под итог,
бредет любовь
средь помыслов, порывов.

И если те, кто мы, и соль, и слог,
как дерево, как вещих птиц намек,
не вправо и не влево...

СОНЕТЫ РЕМЕСЛА

Проезжего случайный взгляд и большеглазой прохожанки, их страха тень, когда под аркой замшелый шевельнулся гад. Можно долгие леты, полжизни сквозь лес подрастающих форм и бунтующих линий, но ударом кинжала маэстро Челлини перерублен твой путь от земли до небес.

Он вас любил такой любовью дневные тени трудодня, что в будущем не сможет новью так объясниться за меня. Пересмешник притих, но воитель воскрес в тигле том, где когда-то себя сотворили из остатков посланий подобием лилий, повторив обещанье грядущих чудес.

Вот карнавал проходит смирный провидцианистых болтал, где главный персонаж противен всему, что ночью накропал. Нас по линии гибкой в себя уводили оформленья наши, чтоб Где-то воскрес в нас живущий создатель, и корчилась пылью...

И рядом пробегает зябкий хозяин фонарей ночных, стремясь Походочкой непаркой пересечь хозяйский бурный пых. Наша бурая масть, но желанья манили в переливчатый мир бесполезных вещей, тех, что только коснись — и поверишь, что были.

Вот женщина с глазами кошки, подброшенной в пустой амбар, враз превращает в бездорожье истошный городской бульвар.
И три актера, две весталки серебряным узором глаз, звездой Магической, не жаркой, предосвещают судный час.
Все проходь, промельк, хна на проседь, снежинки дворовой полет, и в кадры превращает просень вращенье ходиков и нот.

* * *

Ни ты, ни я не остановим бег безвременья пространства кругового, стеклянной каплей набегает слово и оловянным падает за всех.
Тебе его паденье — и смех,
и облегчение труда земного,
ты думаешь, а значит, ты не новый —
томит еще свечения успех
у дерева, у памяти подковы,
у солнечного всплеска, у здоровой,
у разбитной, у клеверной росы.
Смотри на мир глазами стрекозы, затягивай пространство в гладкий узел и каплю света к уху поднеси.

ПЕСНЯ ЛЭЙМАНА

«Где вы, братья, где вы...»
Но и жажду, как не жду.
Только веткою припева
Отгоняю пустоту.
...на равнине осталась нота,
что не срежется и серпом,
вот такая ея работа —
жажда, жажда и первый звон...
Комариный пляс над бездной.
Эти тысячи звездных лет...
Кто напел такую песню,
для которой горла нет?
...на равнине осталась нота,
что не срежется и серпом,
вот такая ея работа —
жажда, жажда и первый сон...

Подкатилась ночь под сердце,
гаснет зренье, нет путей
кроме тех — ходить и греться
у признаний площадей.
...по равнинам, немерной нотой
перекатывай морный плач
...вот такая ея работа —
жажда, жажда и белый плащ.

ЗАСТАВКА

Пусть, пока еще жребий безволен, мир не взят, мечу расти, съест полпуда небесной соли из пророческой горсти...
В тигле роза читает книгу, висят на стене удила, и во имя твое Воздвигну на летающих валах...

БОЛЬШОЕ БДЕНИЕ ИАКОВА

Светлых мельниц, небесных мельниц выразительна кутерьма,
Жизнь из рода таких изменниц, что не ведала и сама.
...на равнине, седой равнине, где ни памяти, ни эпох,
конь твой черный, кому отныне и до
встречи правдивый слог?
Плещет Сириус, звездный воин, волчий брат и собачий друг...
Что ж, и ты погремушкой вскормлен,
что берет сейчас на испуг.
...по равнинам ничьих скитаний
прокатился мой трубный
вздох и споткнулся, уткнулся в камень...
и доныне не вырос мох.
И сквозь стены скликают зори, да услышу подков полки...
...и прекрасны, и беспризорны, что искали твоей руки.
...по равнине, и присно в арку скачут братья плечом к плечу,
туже нить натянули парки, близко так поднесли свечу...
Здешний ропот стихает — слышу, как в каморку зашел палач.
Не хотелось бы знать, да вышло,
каждый выдох как будто зряч.
...по равнинам нездешних линий, не заметив, когда вошли...
...пой, магиструм, и, время скинув,
братский строй в небеса впиши.

Покрова Богородицы.

МАРИЯ ТИЛЛО

(1977–2006)

Родилась в г. Коростышев Житомирской области. Детские годы ее прошли в г. Каменце-Подольском, где она обучалась музыке и начала писать стихи. Среднюю школу, университетский филфак и аспирантуру закончила в г. Черновцы; защитила в Таврийском университете диссертацию по творчеству И.Бродского, которого считала своим поэтическим наставником. Преподавала в Черновицком торгово-экономическом институте, была соавтором учебников и учебных пособий по религиоведению и культурологии. Преодолевая тяжелейшую болезнь, создала и опубликовала несколько поэтических сборников. Посмертно вышли два итоговых тома ее стихотворений – «Лирика», «Сочинения»; в последней книге содержится также много биографическо-иллюстративных и исследовательских материалов; подборку ее стихов напечатали в Германии. О поэзии М.Тилло позитивно отзывались многочисленные украинские и московские литературоведы; вышли в свет 4 выпуска «Научно-поэтических чтений», посвященных ее памяти и творчеству. Снят телевизионный фильм о ней (режиссер Г.Терон).

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Город градом раскрыт до падения башен без боли,
До развернутых окон на стенах разбитых домов.
Эта странная радость животного мира раздолья,
Где не нужно значения краскам беспомощных слов.

Мы спешим, не заметив, куда убегает дорога,
Мы не чувствуем горечи луж и пространства для ям.
Мы куда-то идем в состоянье простого потока,
Где бездумное сердце стучит, как расшатанный ямб.

Там горит светофор обесцвеченной троицы света,
И кричащей вороною время садится на грудь.
А назад нет пути: возвращаться — плохая примета,
И не хочется, страшно опять в пустоту повернуть...

* * *

Я вступаю ногою в судьбу: разбиваю ступнею,
Что задумано Богом. И мелкая сыпь в облаках
Не вдали почему-то, а все-таки рядом со мною.
Я держу лужу неба в замерзших от страха руках.

Электрический взгляд пробивает пространство и время.
Горло шепчет о чем-то тревожно, о чем-то кричит.
Даже евнух находит любовницу в пестром гареме.
А судьба пережата ногою и смирно молчит.

Время бить зеркала: отраженье калечит реальность.
И по радуге — в путь, забывая надежность моста.
Вечность спуталась, сбилась с пути, потеряв многогранность.
Наступаю ногою в судьбу, не оставив следа.

* * *

В разбитом зеркале искрится отраженье
Судьбы, идущей в разные ряды.
Ей все равно теперь: победа, пораженье...
В осколках спрятались скользящие следы.

Итак, пройдем по острой ледяной дорожке,
Сумев разрезать мыслью яркий взгляд.
На Землю звезды опадают, словно крошки.
Есть путь вперед, но потерялся путь назад.

ГОЛУБАЯ ЧЕРЕПАХА

Я — черепаха.
Но только странная такая черепаха.
Я уползаю из-под панцирного пляжа
И как-то медленно ныряю в море жизни,
Пронзаю волны набегающих эмоций
И приплываю в мир забытого каньона.
Ему нет дела до какой-то черепахи,
И я спокойна — он свои не сбросит скалы

На место, где когда-то, свесив панцирь,
Трепались обессиленные лапы;
И я спокойна — он свои не сбросит скалы
На радугу от панцирного следа.
Он просто не заметит, кто с ним рядом.
С ним рядом — голубая черепаха.

СОЛЬ

Соль. Хлеба нет. Лишь соленое море
Спряталось в волны от «до» и до «си».
Ноты как если бы замерли в горле,
И только «соль» где-то рядом висит.

Плачет и стонет, и пробует рваться,
Скачет с бемоля на рваный диез.
Снова бекар заставляет сорваться
В свой раскаленно-белеющий срез.

Выступы скал поседели от соли,
Что-то сорвалось, и, как ни крути,
Скалы натерли на теле мозоли,
Твердые выступы в нашем пути.

Но — ковыляем. А ветер смеется.
И выдувает взъяренное «соль».
Смело о щеки и руки он трется,
Вносит соленую, острую боль.

Солнце закрыли соленые тучи
И растеклись охмелевшим дождем.
Падают капли, смеясь, а не муча,
В избранный Богом небесный проем.

* * *

И небо усыпано звездами.
И дождь, как шальной мальчуган,
На землю — веселыми гроздьями.
И гром достает свой наган.

И радость — девчонка счастливая,
На ветре веселом спешит,
Такая смешная, красивая!
И горе в могиле лежит...

МАЗОХИЗМ ПО-БУДДИЙСКИ

Слишком много счастья — это скучно.
Слишком много счастья — это страшно.
Но ребенок, каждому послушный, —
Сумасшедший дом многоэтажный.

Окна непромытого сознанья
Не пропустят свет. В палате мрака
Ищешь отдых — ищешь наказанья.
Но судьба опять поставит раком,

И опять — жестокость наслажденья.
Хочется страдать, а муки нету.
И опять — бессмысленные тени, —
Те, которым не хватает света.

Чтоб исчезнуть, чтобы испариться,
Чтоб сгореть на солнечной дискете.
Но опять придется покориться
Радостным мечтам на злой планете.

Дайте гнев и ненависть! — Любовью
Ласковая жизнь пытает вздорно.
В результате — захлебнулся кровью,
Перерезав собственное горло.

КОНЬ ДОЖДЯ

Дождь — словно конь: цокот капель
по крышам,
Ржание грома и молнии взгляд.
Ты это даришь, и я это слышу:
Значит, здесь каждый по-своему рад.

Ветер уздой пену мокрую кружит,
Мчится аллюром сквозь тучи. И град,
Словно копыта, вонзается в лужи.
И разбивает зеркальную гладь:
Небо исчезло в земном отражении,
Небо распалось на брызги. Но конь
Прыгает вниз, выбиваясь из плена:
Молния-взгляд дарит новый огонь.

Может быть, страшно — ведь мы
недотроги:
Люди с трудом говорят о судьбе...
Там, впереди, есть другие дороги.
Ну, а пока что — по этой тропе!

ПОЛЕТ

Смотри: какая-то птица
Спешит в тишину воплотиться.
Насколько печален полет
Сквозь крылья, что рвутся вперед.

Внизу — ничего. Над землею
Пространство настолько пустое,
Что воздух не смеет дышать.
Но хочется птице летать.

Вперед же, небесное тело!
Возьми, что душою хотело.
Лети, моя птица, лети:
Ты можешь сквозь тучи пройти.

Расправь необъятные крылья!
Ты помнишь, как ветер ловили
Сквозь вечно незамкнутый круг?
Лети и не бойся, мой друг!

Ты чувствуешь сердцем: ты — птица.
Надежда в полете искрится.
И льется опять в облака
Пространства густая река.

* * *

Радость безумная, скорость слов,
Искренность нервных небес-основ,
Необъяснимая суета —
В этом и спрятана красота

Жизни, которой-то, в общем, нет.
Все мы уйдем, не оставив след
В вечной грязи на тропах эпох:
Имя накроет зеленый мох

С меткой: «Забвение» — канет в высь
Странно-красивая птица Жизнь.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ

О, белый взгляд ослепших глаз!
Сумел продолжить свой рассказ
Охрипший голос: только слух
Не слышал звуки сонных мух.

Скользят бесшумные шаги.
Мы все друзья, мы все враги:
Нам абсолютно все равно,
Кого кольнет веретено

Судьбы; но только «не меня».
Шаги, тихонько семенят,
Забыв про звуки навсегда,
Бредут неведомо куда.

И смотришь взором без зрачков:
Не помогло стекло очков.
И продолжает свой рассказ
Веселый взгляд ослепших глаз.

РАССВЕТ

Зреет рассвет, словно колос в поле,
Солнце вливается в темную ночь,
Сумрак лучами горячими колет, —
И темнота отступает прочь.

Город раскрылся в новом узоре —
Пламя пылает на грани небес.
И бесконечного воздуха море
Ветром подносит трепещущий всплеск.

Радуйся, радуйся, яркое пламя,
Шар, созревающий средь облаков!
Капли росы на зеленом татами
Льются, как песня без звуков и слов.

Шар распахнулся — утро настало.
Четкие контуры нового дня...
Только уставшая ночь засыпала,
Скрывшись в сиянье живого огня.

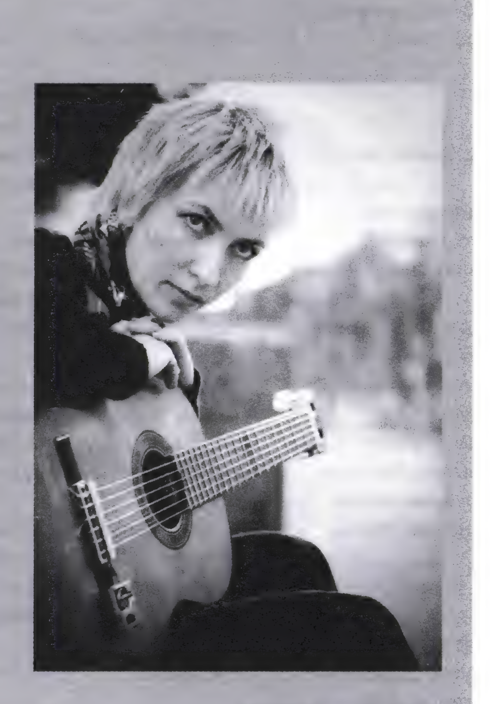
КОСТЕР

Костер погас — остался пепел.
Деревьев мертвые тела
Разносит бесшабашный ветер.
И эта серая зола

Взлетает над землей горячей
И вновь ложится на траву.
Дрова сгорели. Ветки плачут.
А лист кричит: «Еще живу!»,

Не понимая, что погибнет,
Сгорит — и разбежится в ночь.
Горит костер — сухие хрипы.
И не могу ему помочь.

ЕЛЕНА КАСЬЯН

(1970 – 2019)

Стихи публиковались в журналах «Октябрь», «Аврора», «Ковчег», «Першацвет», в альманахах «Конец эпохи», «Белый ворон», «Дерибасовская-Ришельевская», «Русское слово», «45-я параллель», «Два века о любви», «Пять», «Перья белого ворона» и др. Вышло четыре поэтических сборника: «До востребования», «Отправлено тчк», «Fragile» и «Седьмой почтовый». Автор двух детских книг «Фея по фамилии Дура», «Самое важное желание», серии рассказов для антологий ФРАМ, сказки для взрослых «Легенда про одно». Проза издавалась в сборниках «Уже навсегда», «Заповедник сказок», «Страшные истории о зеркалах», «Один мужчина, одна женщина». После шести лет борьбы с онкологическим заболеванием ушла из жизни в 2019 г. в Харькове.

* * *

Все линяет, теряет краски, сходит на нет.
Это просто зима, мой мальчик, и это проходит.
Но пока в поднебесье стучат ледяные ходики,
Но пока не отмерзли еще хвосты у комет,
Ты мне будешь свет.

И стараньями новой зимы я узнаю о том,
Что ты снова постригся, сменил гардероб и мысли,
Научился писать: «Моя девочка», с верным смыслом.
И хотя в этой девочке я себя вижу с трудом,
Ты мне будешь дом.

Для того чтобы видеть, достаточно просто смотреть.
Я целую глаза твои, чтобы они просветлели.
В этих белых снегах нам не будет ни сна, ни постели,
Но когда я тебя отогрею хотя бы на треть,
Ты мне будешь смерть...

Но задолго до этого нас разведут, как мосты,
Время нам ничего просто так не отдаст, не подарит.
Мое сердце похоже на отрывной календарик.
Но пока еще в нем остаются пустые листы,
Ты мне будешь ты.

* * *

Агнешка живет в квартирке под самой крышей,
Стирает чулки в тазу, варит рыбу кошке,
Подолгу глядит в окно, и по будням пишет
Записки тому, кто живет этажами выше,
Что крема для рук осталось совсем немножко.

Внутри у Агнешки летят и летят снежинки,
Она проплывает себя на блестящей льдине...
Агнешка не любит кино, не крутит пластинки,
А просто стирает чулки на ажурной резинке,
И трет их, покуда вода в тазу не остынет.

Под окнами ездят машины и ходят люди,
Им дела нет до Агнешки — известно точно.
Но если она вдруг чулки постирать забудет,
Возьмет и однажды их вовсе стирать не будет,
То страшно подумать, что с ней случится ночью.

А ночью чулки шуршат и в постель заползают,
И прячутся в складках, и вверх по груди струятся.
Агнешка бежит — целый таз воды набирает,
Агнешка не дура, Агнешка прекрасно знает,
Что мокрым чулкам уже на кровать не забраться.

* * *

Едет Василиса Прекрасная на бал в своем коробчонке,
и вспоминает бабушку, и песцовый ее воротник.
Как везла ее бабушка в саночках

по карамельному снегу,
как были они обе бессмертны, как воздух вокруг звенел.

И думает Василиса-младшая, куда же все это делось:
и бабушка вместе с санками, и снег, и пушной воротник?
А в правом рукаве спят лебеди,
а в левом — застыло озеро.
И косы теперь тяжелые, хоть поступь еще легка.

— Если б тогда я знала, — думает Василиса Прекрасная, —
что из этого детского счастья, из всех этих искр в груди,
получится такая усталость,
такая бездарная глупость,
одна лягушачья шкурка, да Иван-дурак впереди...

* * *

Дерево машет крыльями, словно птица,
Ветер ласкает ветку за голый локоть.
Где это было видано — так влюбиться,
Даже теперь не зная еще, насколько.

Город по небу водит луну за нитку,
Нет неизбежней времени, чем вот это,
Можно еще уснуть со второй попытки,
И, наконец, очнуться в другое лето.

Даже прощанье — это, отчасти, встреча.
Жизнь поступает с нами не зло, но мудро.
Кто понимает это, стареет легче.
Спи, у тебя случится другое утро.

Там баобабы прячут траву от света,
Кто-то надежный ведает семенами,
Там Антуан летит над своей планетой —
И ничего плохого не будет с нами.

* * *

Если кому не спится, так это Насте.
Настя лежит в постели, и смотрит в угол.
В этом углу живут все ее напасти,
Страх разрывает сердце ее на части.
Насте почти шесть лет, и бояться глупо.

Глупо бояться, но кто-то в углу дышит,
Мучает кукол и душит цветных зайцев,
Страх подбирается к Насте все ближе, ближе,
И языком ледяным вдоль лопаток лижет.
Настя сжимает простынь — белеют пальцы.

Выхода нет, и куклам ужасно больно —
Настя кричит: «Мама! Спаси кукол!»
Мама вбегает и видит всю эту бойню.
И говорит: «Ну хватит! С меня довольно!»
И до утра ставит Настю в тот самый угол.

Настя идет через сквер в ночной рубахе,
С полным пакетом игрушек, убитых ночью.
И высыпает на землю у мусорных баков,
И с удивленьем глядят дворовые собаки,
Как она топчет их, топчет, и топчет, и топчет!..

* * *

Где в песне ветра — отрицанье смерти,
Уже душа прозрачна и легка,
Еще стоишь, как продолженье тверди,
Но прямо сквозь тебя течет река.

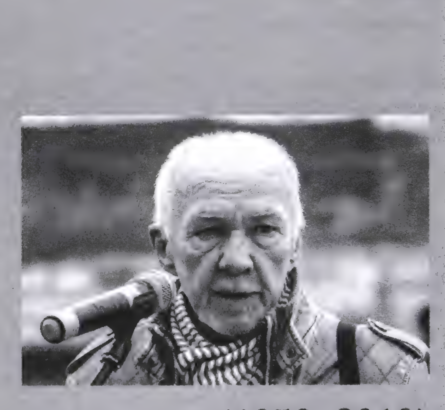
Еще сшиваешь мир с изнанкой слова,
Не ожидая ничего взамен,
Еще не отнят у всего живого,
Уже разъят на космос и на тлен.

Уже разъят на жизнь и на иное
И разделен на музыку и тишь,
Где каждый звук отточен и отстроен,
Где ты вот-вот с Господних уст слетишь.

Вознесение.

(1950–2019)

Жил и работал в Николаеве. Заслуженный журналист Украины. Стихи и переводы с украинского печатались в журналах «Юность», «Дружба народов», «Огонек», «Радуга», «Дніпро», «Сельская молодежь», украинской и российской «Литературках» и др. Книги поэзии – «Азбука музыки», «Парусный цех», «Видимо-невидимо», «Вечерний чай», «Штрафная роща», «На стыке моря и лимана», «Два берега» (в соавторстве с Д.Креминем). Стихи переведены на украинский, английский, китайский и др. языки. Член НСПУ и СП России. Премия им. Н.Ушакова. Лауреат Волошинского конкурса. Премия «Планета поэта» им. Л.Вышеславского. Международная премия имени Арсения и Андрея Тарковских.

ВЛАДИМИР ПУЧКОВ

НОЧНОЙ МОТОЦИКЛИСТ

Дороги скоростью светились,
во мраке две звезды дрожали.
Они с небес ко мне скатились,
и обе — за руки держали.

А я летел, не зная знаков!
Когда шоссе меня стряхнуло,
одна — отпрянула, заплакав,
другая — в ужасе прильнула.

В палате пахла маттиола,
горели нити вполнакала.
Одна — укорами колола,
другая — руки целовала.

И покрывалась белизною,
со мною вместе угасая.
Одна была моей женою.
Моей звездой была другая.

ВСТРЕЧА НА СТОЯНКЕ ТАКСИ

Ты вновь эту руку целуешь,
повинной склонясь головой.
— Любовь, у кого ты ночуешь?
— У добрых людей, мой родной.

Ты скомкано и торопливо
бормочешь любезный пустяк:
— Любовь, ты все так же красива...
— Неправда, мой милый, не так.

И стайка морозного пепла
отпархивает от колес!..
— Любовь, от чего ты ослепла?
— От слез, моя радость, от слез.

ОБЖИНКИ

Молчу, обжегшись о традицию:
горит пожнивная стерня,
сухую землю отродившую
ползучим заревом черня.
В соломенные переулочки
погромный гул валит, пунцов —
вздымают крылья перепелочки,
сзывая огненных птенцов!
И, судорожно вздернув плечики,
посмертной нотою звеня,
из-под колес летят кузнечики
живыми брызгами огня!
Спешат уйти ежи и полозы
в застенки брошенных кошар,
но им навстречу лесополосы
сухой прикапливают жар —
и золотыми виснет сотами
воспламененная листва,
и дымными коловоротами
уходят в небо дерева!
Мое пристанище порушено:
гляжу из дымной пелены —
холмы ольвийские в Парутино
дурным огнем опалены!..
О чем молчим ночами лунными
на плоской тверди нежилой?
Мы были гетами и гуннами,
а стали хлебом и золой.
Пока ножи за голенищами
голодной завистью горят,
мы будем вечно полунищими —
косоворотный продотряд!
Кочу́й, кучумье племя хамово —
подножный прах взойдет с нуля...
На сотню верст, до моря самого, —
горит, горит, горит земля!

* * *

Я собирал свои чувства в копилку:
выпало — враг.
Я собирал свои чувства в блокноты,
прочерки ставя —
там, где слова.
Даже тебя сокращал, как длинноты.
Где ты теперь,
чем ты жива?
Цифры думалось — впрок,
выпало — в прах.
Даже тебя создавал под копирку:
думалось — друг,

царапнутся — чей это номер?
Звякнет в копилке ломаный грош...
Господи, как я себя экономил!
Все отдаю —
ты не берешь.

ЛЕСНЫЕ КАЧЕЛИ

Многослойного хвойного неба качнется
изнанка —
в ненадежную кладку подошвами
вцепишься ты.
Как поганка, сквозь хвою проткнется
консервная банка —
но рванут ее ветки, с размаху швыряя
в кусты!

Ах, лесные качели!.. Зеркальным законом влекомы,
подмосковные ели шатаются, как метрономы,
и в согласии с ними мы чертим скользящие дуги,
и толчками дыханья себя растворяем друг в друге...

Все длиннее разгон! Рыжий воздух, как хвоя, спрессован,
и колючей штриховкой небесный навес прорисован,
и летят, чередуясь, в застойной полуденной суши —
проржавевшие елки и наши зеленые души.

Встали дыбом качели! Верхи и низы перепутав,
бьемся в тесной ловушке — меж двух параллельных батутов:
многослойное небо пружинит уже под ногами,
одряхлевшая шишка летит, растопырясь, в зенит —
и пробоина вмиг зарастает густыми кругами...
Остается лишь точка, откуда кузнечик звенит.

Как палаточный полог — туман предрассветный открою:
у матерого ельника — в свежих подпалинах хвоя,
молодая грибница маслят, не родив, схоронила —
не пустил разродиться забытый лоскут хлорвинила.
И на точке секретной фиксирует ухо радара,
как в котомке у лешего пусто звенит стеклотара.
И кукушку заело: колотится, счет перепутав,
меж землею и небом — меж двух параллельных батутов!..

МЕРТВОВОД

Крытый замшей гранит и чумацкого утра рассол.
Край ущелья кренит валуна ледниковый мосол.
И разлуку таит не толящая жажду вода.
По веревке — в аид... Я тебя не найду никогда.

Веет ветер высокий, и слабое сердце болит,
зуммерит над осокой опухший от спячки нуклид,
а из каменных сот неотрывно глядят за тобой
то обглоданный глод, то убойный цветок зверобой.

По равнине, в рванине — влекло эти воды весло,
чтобы в тесной стремнине их корчью падучей свело.
Что мне хлеб на меду, родника искряная слюда! —
в преисподнем саду я тебя не найду никогда.

На откосе крутом в тощем русле шуршат будяки.
Перевиты жгутом сухожилия мертвой реки.
Но клокочет поток, рваный норов по норам тая,
как плетеный батог, как змеиного тела струя!

На железную клямку ущелье замкнет вертолет.
Как аптечную склянку — храню в рукаве Мертвовод.
И шиповника след — поцелуя отравленный грош —
рдеет эхом в ответ: ты меня никогда не найдешь...

ЛЬВОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Я люблю этот город, его снеговые холмы,
тесноту переулков с ванильным настоянным бытом,
и лепнину карнизов, и звон ледяной бахромы,
и парной чернозем, что под вечер густеет, как битум.

В малом сквере треуглом хрустел подмороженный март,
ранний сумрак таился в еловых негнущихся лапах,
но троллейбусный свист настигал, как ловецкий азарт,
и катился по снегу кофейни тропический запах!

Над каленой жаровней рождался невидимый чад,
нескончаемый вечер был крепок, и сладок, и черен...
Ты сидишь, посмуглев, ты молчишь, потерявшая счет
черепашкам — из чашек ползущих — раздвоенных зерен.

Ты навстречу спешила, не слыша хулы и молвы,
ускользала из дому, таясь все хитрей и коварней,
и над нами неслышно парили крылатые львы —
над любовью моей, над возлюбленной нашей кавярней.

Я люблю эту площадь, где сквер, и кофейня, и ты,
я люблю этот Киев с его снеговыми холмами,
где горит общепита очаг и, доныне чисты,
два крыла бескорыстных невидимо плещут над нами.

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

Словно волны о берег, шуршат мотыльки о стекло,
в разноцветных палатках галдит незнакомое племя...
Если скажут мне скоро, что время мое истекло, —
попрошу, как в хоккее, считать только чистое время.

Все авансы истратил. А кажется, было вчера...
Не осталось уже никаких отговорок и пауз.
Плещут чистые волны, как чистое время. Пора
ладить легкую лодку, проветривать латаный парус.

Нынче сеть пересыплю, хозяйке забор починю,
над бессонным лиманом глотну грозового озона...
Сплошь в огнях берега!.. И яснее теперь, почему
все тесней и бесценней моя заповедная зона.

Ретро. Белый танец.

ТАТЬЯНА АИНОВА

(1968–2019)

Родилась и жила в Киеве. По образованию математик. Автор пяти книг стихов. Стихи и проза публиковались в журналах, альманахах Украины, России, США, Германии.

К ИСТОРИИ МОЕГО ПСЕВДОНИМА

Когда мне было семнадцать лет,
был жив один молодой человек.
И я носила его портрет
на внутренней стороне век.
Я думала, что он немолодой —
ему было тридцать, даже на вид.
И мог конкурировать с этой бедой
лишь миг, когда солнце минует зенит.
А, впрочем, для юности все беда,
что не оргазм, не звезда, не война —
что ей не ровня. А я тогда
самой себе была не равна —
теряясь в рядах нетоварных пар
стоически стиснутых губ и колен
заведомых узниц прокрустовых парт,
красневших от термина «многочлен»,
особо чувствительных к цифре «два»,
скучавших над книгами допоздна...
Он нам что-то умное преподавал
без шума и пафоса — будто не знал
о том, как он выглядит, как звучит,
и что за избранность в нем так видна,
но не опознана. Что за лучи
сквозь дрожь пронизывают до дна
наивных студенток — и мимо глаз
(глазеть в упор — что рубить с плеча:
глаза, отворенные напоказ,
уже не видят — они кричат.)
А я молчала. И у доски.
Но выводила в экстазе тоски
сомнамбулической волей руки
псевдологические значки.
От незаслуженного «хорошо»,
ученью вослед забывая запрет —
взаимного взгляда электрошок
в меня впечатал фотопортрет.
И не исправить. И не стереть.
И ни ощутить, ни забыть нельзя.
С тех пор я могла на него смотреть
всегда, когда закрывала глаза.
Так смотрят — сквозь сумерки — на рассвет.
Так смотрят — на музыку — сквозь оркестр.
С тех пор я носила его портрет
как вирус и как чудотворный крест.
Не понимая в нем ни черты.
По жизни он кто? математик, доцент,
по слухам, женат — но не в этом стыд:
нельзя быть как все при таком лице.
Для всех — монотонный бетонный провал,
где все в мельтешенье своем мертво.
С таким лицом не качают права.
С таким лицом не ездят в метро.
Таких не живописал Глазунов,
не удостоился Голливуд...
Был вывод абсурден, и этим нов:
с таким лицом нынче — тут не живут.
Он — миф, он — герой сериала «Мой Сон»,
и тайны его не снаружи — внутри.
Там, помнится, было о том, что он
из тех, кому умирать в тридцать три —
могила и даты... Нет, верь-не-верь,
а на иконы таким нельзя:
не в меру дерзок разлет бровей
и слишком больно горят глаза.
К чему эти игры со смертью, когда
он мог все, что мог только он один —
пойти не туда, и войти туда,
куда еще никто не входил.
С девичьего лона сорвать бельмо
чудесней, чем с суетных глаз слепца.
Да мало ли что отворится само
на зов — нет, не голоса и не лица —
того, что в них явлено! Мало ли тем,
желаний и целей, путей и мест!
Вот времени — мало. И нет совсем.
Он вел нашу группу один семестр.
...Как сладко страдать, созерцая портрет,
предательски честно смиряясь с судьбой.
Я вижу его, а он меня нет,
и можно пока что расти над собой,
брезгливо смотреть на других мужчин
и втайне надеяться на волшебство —
авось, поумнею, сведу прыщи,
когда-нибудь стану достойной его...
как будто «когда-нибудь» — вектор мечты.
А это — три года спустя, на ходу
узнать — и космической льдиной застыть:
Вчера, на тридцать четвертом году...
И не исправить... И не стереть...
И ни ощутить, ни забыть нельзя...
А я не могла на него не смотреть
всегда, когда закрывала глаза...
Так прошлое с будущим, жизнь и смерть
мгновенно меняют свои полюса.
Что прежде казалось немыслимым сметь —
отныне обязана написать.
Для собственных глаз, с этих пор сухих.
Для истинной жизни — всему взамен.
И метишь беспомощные стихи
одним посвящением: А. И. Н...
Когда наступает Великий Облом,
попутно лишаешься шор и оков.
И многое запросто — красный диплом,
четыре книги (увы, стихов)
и прочие вехи бесплатных услад...
Вот если б наука не сдохла в стране —
вполне мог случиться веселый расклад,
когда миллион бы достался мне,

а не Перельману. Но я бы взяла —
и значит, достойнее Перельман.
К тому же на рынке, где сажа бела,
ценней математики мат-перемат,
поскольку без мата не описать,
как прозой жизни сбывался бред,
империи рушились в полчаса,
хай-тек размножался... И только портрет —
его не смогли растоптать года
стадами сапог, отсудить судьба,
подделать мечты. Но теперь, когда
я вдвое старше самой себя —
новейшая версия прежней души,
недоумевающей — кто она? где? —
теперь он в сердце моем зашит,
и я не могу его разглядеть.

* * *

В неразгаданных дебрях, в испуганных кронах,
под покровом изодранных крыльев вороньих
переливница-бабочка тьма
затаилась от неба-бельма.
Под еловые своды сжигающим летом
можно скрыться от пыли, от едкого света,
от грозы, от вражды и тюрьмы...
Но куда мне укрыться от тьмы,
если крылья ломает и птицам, и елям
та же тьма, что по спрятанным тонким тоннелям
понесла мою горькую кровь —
наслажденье лесных комаров?
Если столько прозрачных, несорванных ягод,
и не знаю, какая наполнится ядом,
если я поневоле сама —
переливница-бабочка тьма?
И меня это знанье уже не ужалит:
человек не творит, человек подражает,
грозным скульпторам — ветру с водой,
милым бездарям — мху с лебедой.

* * *

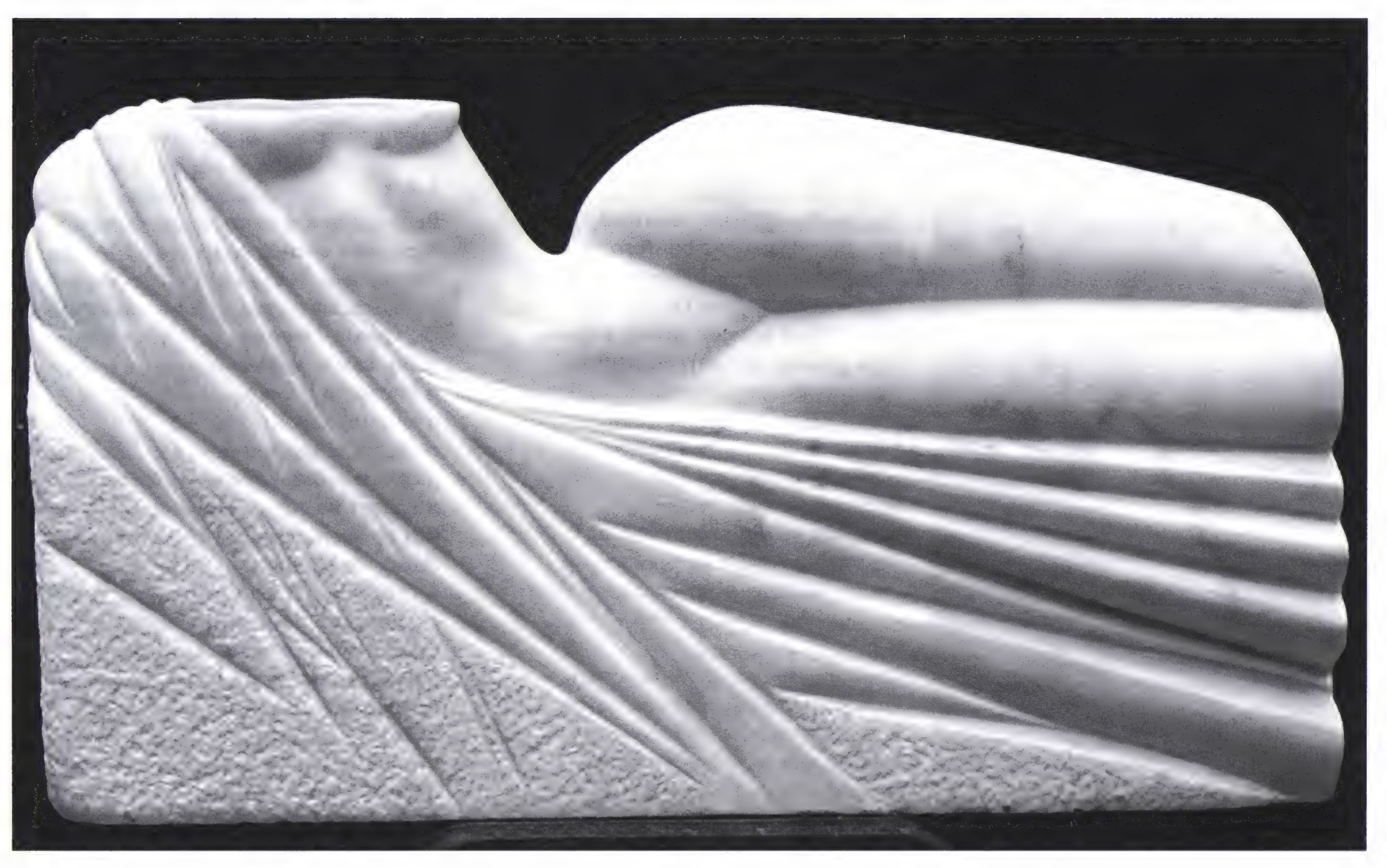
Если подожечь тополиный пух
и подмешать пепси-колы в дым.
Если раскрасить помоечных мух
красным, лиловым и золотым.
Переодеться в глянец листвы,
пеньем кошачьим ночь оглашать,
почву наполнить вкусом халвы.
Если все это не совершать —

просто входить по утрам в метро,
бодро и жертвенно, кайф ловя,
что насыщаешь собой нутро
гулкого мраморного червя...

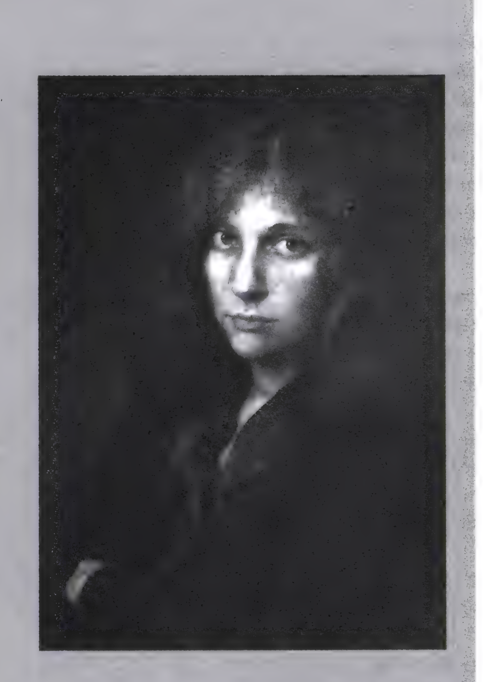
Вдруг — то ли вспомнить, то ли забыть.
Друга позвать, обозвать подлецом.
Хлопнутой дверью мгновенье разбить.
Лечь на кровать под подушку лицом.

Пух тополиный растает в траве,
проседью ранней в кудрях травяных.
Мухи цветные жужжат в голове,
мухи желаний, сомнений, вины...

Знать бы, на вечность каких кассет
пишется жизнь. По каким чертам
распознают лазейку, просвет,
чтоб наконец оказаться там,
где только музы благоволят,
где так блаженно брезглив и суров
вывернутый наизнанку взгляд
на расчлененные трупики слов.

Отдых. Муза.

(1962–2019)

Поэт. Родилась и жила в Одессе. Окончила биологический факультет Одесского университета. Работала в журнале «Порты Украины». Печаталась в антологиях «Вольный город», «Освобожденный Улисс», журналах «Одесса», «Коллегиум», «Соты», альманахе «Юрьев день». Автор сборника поэзии «Земля – Земля – Воздух».

АННА СОН (ЛУКАШ)

ПРОСТО ПОСЛУШАЙ...

На аллеях городского сада
сыро по-осеннему и стыло,
воздух непереносимо сладок,
как в телепрограмме «Это было,
было...», и поет какой-то парень
старые и странные куплеты.
Этот день без умысла подарен
мне в начале нынешнего лета
кем-то, кто нежадный, как погода,
знает, что мне надобно для грусти —
тишина, отсутствие народа,
серый одуванчик, желтый кустик.
Господи, еще перечисляю...
Я еще подробно, без обмана
расскажу: жива, дышу, гуляю,
вздрагиваю, если слышу: «Анна!»

* * *

Когда не в этом городе, то где бы
увидела, как почернело над
массивной вертикалью колоннад
нешуточное северное небо.
Недостает мне строгости творца,
решимости давно умерших зодчих,
чтоб подобрать эпитет к этой ночи.
Пусть остается этой до конца.

* * *

Мне хватит одного небитого,
полубольного и не бритого.
Расположился насовсем
с холстами, лаком, скипидаром.
Сказал, что встанет ровно в семь,
чтоб солнце не светило даром.
Подолгу рисовал меня,
писал картину больше года,
лишь освещение менял
и жаловался на погоду.
Которая по счету осень
под ноги мягко стелет листья?
Он никогда меня не бросит:
никто как я не моет кисти.

* * *

Семнадцать лет. Я узнаю стихи.
Есть два наилюбимейших поэта.
Еще не написала ни строки
и даже не подумала об этом.
Семнадцать лет. Предчувствие утрат
и обретений. Необыкновенно
я радуюсь тому, что пишет брат,
а брата друг влюблен в меня, наверно.
Ах, если б это знать наверняка!
Почти готов сценарий нашей свадьбы.
Не зря из теткиного сундука
изъят журнал «Столицы и усадьбы».
Журнал красивой жизни: шоколад,
духи, наряды, — словом, все на свете.
Хранился для меня чудесный клад
в течение семи десятилетий.
Семнадцать лет. По улицам кружить,
читать Ахматову и Гумилева,
дышать вполсилы, в четверть силы жить,
и впитывать изысканное слово
и воздух невообразимых стран,
влюблять в себя родного человека,
и принимать предутренний туман
за петербургский день начала века...

* * *

Сегодня снег, как медсестра,
все некрасивые места
больного города прикроет.
И Юго-Западный массив
до первых дворников красив,
вернее так — благопристоен.
Кому еще не рассказала:
мой пятилетний молодец
при виде здания вокзала
орет восторженно: «Дворец!»

* * *

Вы смотрите в окно.
Куда еще смотреть...
Вот вашего лица
мерцающая треть.
Вы греете стекло
дыханьем и рукой,
и смотрите в окно,
и видите, какой
сегодня вечер: снег
размеренно кружит
и падает на тот,
что со вчера лежит.
Зажгутся фонари
и отодвинут темень.
На каждого по две
скрестившиеся тени.
При свете фонарей
гуляют одиноко
похожие на тех,
что смотрят вниз из окон.
Вы смотрите в окно...
О, как неповторимы
и снег, и фонари,
и проходящий мимо!

Полночи вам не спать —
стекло дыханьем греть.
Там вашего лица
негаснущая треть.

* * *

В нашем городе много хорошего,
но добраться до нас нелегко.
Заметает дороги порошею,
подливает в туман молоко
некто в белом, никем не назначенный
в участковые наши врачи.
У него все заначки заначены,
среди них — городские ключи,
почерневший от времени маятник,
позабытое кем-то кольцо,
море, лестница, опера, памятник,
ветер в спину и ветер в лицо.

* * *

Господи, возьмешь меня к себе,
целиком —
Нельзя душе от тела.
Я слышала — нельзя ей не у дела,
но думала при этом о другом.
Не спрашивала:
«Быть или не быть?»
Любила море. Мне хотелось плыть
навстречу солнцу,
но недалеко,
чтобы вернуться к берегу легко.
Вопросы задавали — не смогли
ни душу уберечь свою, ни тело.
А я такие яблоки здесь ела,
что мне не оторваться от земли.

* * *

Жена то смеется, то плачет.
История тихо, как мышь,
молчит. Ты стареешь иначе,
чем думаешь и говоришь.
Так трудно в утробе трамвая —
платок носовой не найти.
За окнами кошка живая,
как женщина лет тридцати.
Все так же душа отзовется
на запах, на смех, на дуду.
От дерева лист оторвется —
последний в текущем году.

* * *

Сереет день, темнеют лица...
Ты кто: охотник или вор? —
немотивированно мчится
косая шавка через двор.
Машин сработали гуделки —
в такие дни они орут.
Больных похерили сиделки
от ужаса, что те умрут.
Сегодня днем в двенадцать тридцать
звук, освещенье, влажность, ртуть
сложились так, что удавиться
казалось проще, чем вдохнуть.

* * *

Скучно? — невесело. Весело? — нет.
Что-то случилось с моим стоп-сигналом.
Помню, мартышка смотрела в лорнет.
Мама неправду мне рассказала
про географию, химию и
старческий зуд, молодые повадки.
Где остывают звезды мои,
нет ни стакана, ни чистой тетрадки.
Девочка Надя закроет лицо,
девочка Вера расплачется снова.
Мне перед ними стоять подлецом,
тише травы и не вымолвить слова.
Так и стоять: не живи, не дыши,
ты никому еще зла не хотела...
Чем нагрузить половину души,
неповрежденную в битве за тело?

* * *

Куда идешь, усталый, как старик,
который от ходьбы почти отвык
и помнит только о передвиженье?
Полет листвы, каштанов редкий звук...
Пусть доктор созерцательных наук
тебя научит самовыраженью.
И вот уже не тихий гражданин,
а некто, кто по городу один
пройдет и в простоте не скажет слова...
Полет листвы, каштан по голове,
второй в руке и третий на траве —
красивей и коричневей второго.

* * *

А в небе такая луна,
что вряд ли когда и приснится.
— Ты веришь, что время — волна?
— Я думаю, время — частица,
осколок, разменный пятак,
прикол для имеющих уши.
Послушай: тик-так, да не так,
как надо бы. Просто послушай.

* * *

Дом без жильца.
Две крыши. Стенок нет.
Моллюск погиб.
Ракушкою ребристой,
То серо-голубой, то серебристой,
Он обрастал в теченье многих лет.
Его, наверно, мало занимало,
Что жизнь не начинается сначала,
что будет пустовать прекрасный дом.
Он дно любил.
И в радости и в горе
под круглой крышей полоскалось море,
А море для него — питье и корм.
На маленьком, забытом всеми пляже
найдем кусочек тени, рядом ляжем
И будем слушать, как шумит прибой.
Наш мальчик любит собирать ракушки.
Совок, ведерко, прочие игрушки
Наполнит он и унесет домой.
Вот лето кончилось, к концу подходит осень.
Уже темнеет в семь, светает в восемь,
И скоро будет долгая зима.
А мы о теплом море вспоминаем,
когда из-под дивана выметаем
Моллюсков опустевшие дома.

СИСТЕМА МИРОЗДАНИЯ СКУЛЬПТОРА АЛЕКСЕЯ ВЛАДИМИРОВА, ИЛИ ЧЕЛОВЕК, СМОТРЯЩИЙ В НЕБО

Наталья БОНДАРЕНКО

Искусствовед

Творчество известного скульптора Алексея Владимирова разносторонне и многогранно. Его скульптуры украшают частные коллекции, государственные музеи, парки, улицы и скверы городов мира. Вполне объясним интерес и понимание произведений Владимирова широкой публикой, поскольку сама тематика его скульптур и их воплощенная форма предельно близки к природной среде мира по своему темпозвучию и тонкой настройке на волне человеческих чувств.

Сама метафизика жизни Алексея Владимирова была перенесена на его произведения таким образом, что, проходя по галерее его творчества, мы можем наблюдать как развивалось, трансформировалось его представление о месте человека во Вселенной.

Родился скульптор на Кубани, учился мастерству и совершенствовал свое умение в Киевской Национальной художественной академии, став признанным в мире мастером. Его же первая детская скульптура, вернее статуэтка из дерева – маленькая лошадка. Статуэтка была неимоверно жива и правдива, с присущей детскому творчеству неуемной радостью и иронией. И это был первый успех будущего скульптора. А также первая магическая материя его жизни.

Практически во всех мировых культурах конь считается символом победы, либо стихии духа. И, пройдя академическую школу, Алексей Владимиров переходит к скульптуре сакрального, символичного мира персонификации. Возможно, его поддержала в этом неудержимая мощная энергия кубанской земли, сумевшая сохранить свой первозданный дух, где связь человека земля – Вселенная – незыблема. А Владимиров, судя по всему, был избран для воплощения в художественных образах именно эти картины мира, претворяя камень в образы, скульптор начал создавать свою азбуку символов. Он не отдавал дань искушению временем, модными тенденциями, а сотворил себя, как может один лишь самородок.

Пластическая лексика Алексея Владимирова зазвучала и сформировалась в 80-е годы XX века. И поэтапно, накапливая образность и обрастая мощью метафорической правдивости, скульптуры Владимирова выходят на уровень «воплощений». Теперь каждая из скульптур мастера-труженика несет особый сакральный смысл.

Утонченное мировосприятие Владимирова и аллегорико-эпосное осмысление образов мужчины и женщины, будь они обыденны в одной композиции, либо в представлении образов в иных проекциях.

Поднимаясь по ступеням творческого и духовного становления, скульптор всегда помнит – «понятия без ощущения пусты, а ощущения без понятий – слепы». Это выражение Эммануила Канта для скульптора Владимирова стало своеобразным камертоном в исследовании пути пластического искусства. Алексею Владимирову удалось найти своеобразную модель в своих работах. Извечные объекты внимания художника – женщина, мужчина, раковина, ребенок, магическое животное – и по закону выработанного модуля Владимиров наделяет объекты своего пристального внимания и любования качествами Божественных высших созданий (как он это ощущает). Он вдыхает в скульптуру «понятие высшего Я».

«...Сюжет входит в состав конструкции, но сюжет есть более поверхностный, и потому внешний момент конструкции. Тогда как первична некая первоконструкция или некоторый первосюжет – первый вывод сознания за пределы единства изобразительных средств» (П.Флоренский).

Алексея Владимирова, пожалуй, чаще всех иных вопросов волновала тема соединения человеческой сущности с сущностью Вселенной, разобщенность и воссоединение, достижение состояния гармонии через динамические процессы взаимопритяжения. На сегодняшний день, проводя экскурс по галерее образов, созданных автором, можно определить путь основных ветвей, пять воплощений, пять образный векторов:

Женщина как воплощенное божество, которое несет в себе спектр развития от зарождения материнства, материнства воплощенного, до отражения сущности телесной красоты в моменты чувственного пробуждения и достижения совершенства плотской любви («Лунная богиня», «Рождение Эроса», «Подножие Эроса», «Одиночество», «Портрет неизвестной», «Соломея», «Обнажение истины», «Материнство, 1994», «Материнство, 1995»).

Также особое место в плеяде женских образов занимают героини библейских сюжетов и исторической мифологии («Жрица Аккада, 2009», «Жрица Аккада, 2012», «Рождение Венеры», «Рождение Афродиты»).

Образ мужчины и женщины – как космогоническое осмысление двух взаимодополняющих начал. В композиции «Камертон вечности» скульптор воплотил формулу, состоящую из трех начал-символов. Удивительно точное по смыслу, изысканное по пластике и метафизическое по сути произведение ассоциативно напоминает по композиции метроном в движении (расположение женского и мужского торса создает эффект раскачивания фигур). Следующий, раскрывающийся в метафизике расположения тел, это образ миррового дерева, где единая корневая система дала жизнь двум стволам. В процессе «любования» скульптурой эти новые визуальные эффекты проявляются как следствие мировоззренческих установок скульптора. Третьим аспектом видения дающей композиции становится эффект пламени «холодного огня», исходящего из факела, имеющего форму измененного куба с цилиндрическим навершием (именно такой «видели» форму Земли представители некоторых философских школ).

Умение слушать «камертон вечности» становится надфизическим свойством природы этого человека. Что касаемо высочайшего класса мастерства, с которым выполняется скульптура, то можно определенно сказать: искусство работы с камнем (будь-то гранит, кварц, индийский или карарский мрамор). Алексей Владимиров занимает достойное место в пантеоне достижений мирового искусства в области пластики. Начиная от скульптуры архаической до шедевров Микеланджело, Донателло, Бурделя...

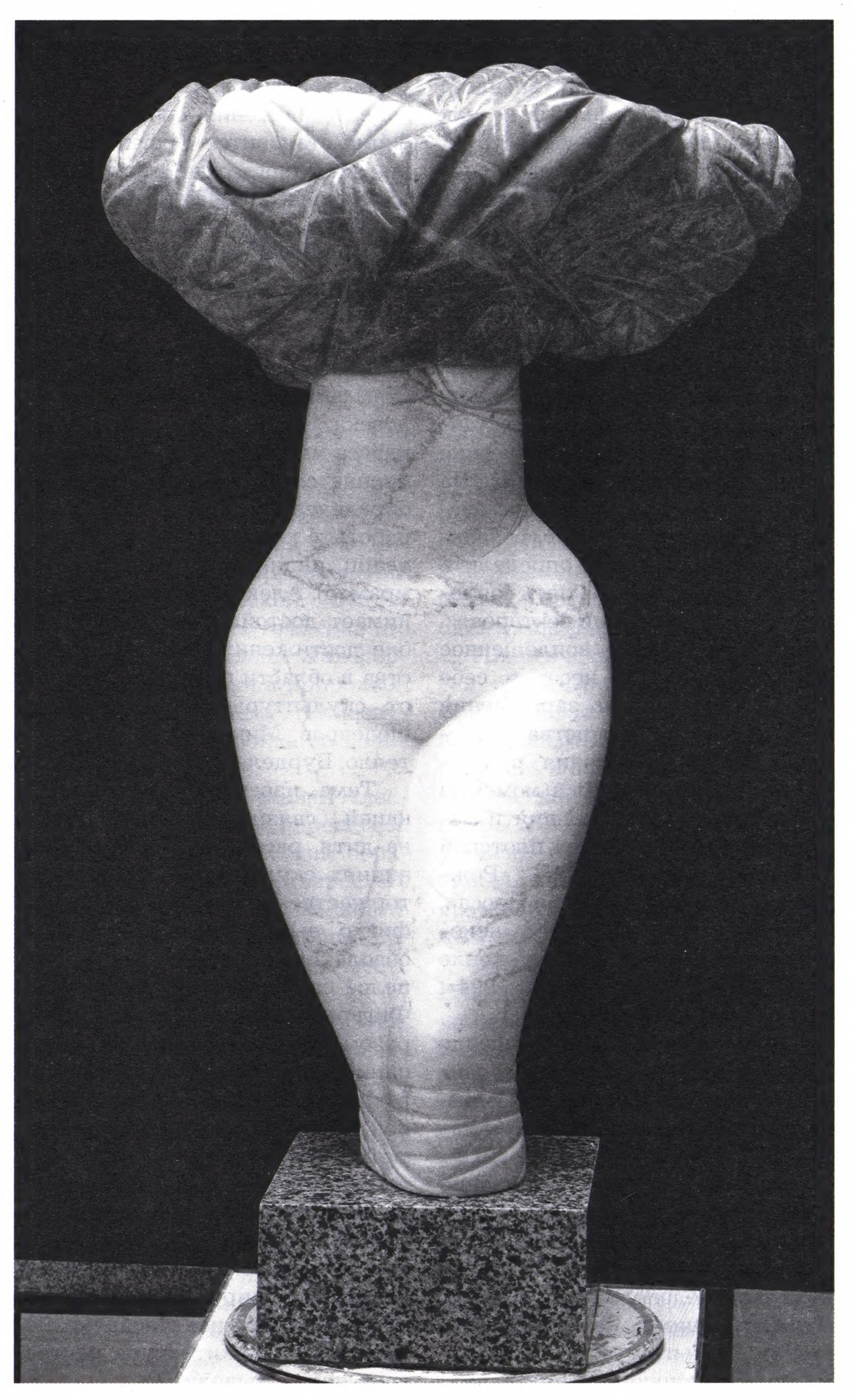
Тема извечной основополагающей связи женщина-мужчина-дитя раскрывается в композициях скульптора с трепетом и торжественностью. Расположение фигур выстраивается в мягком обволакивающем ритме, где на целое нанизывается «природное». Фигуры располагаются таким образом, что по завершении созерцания композиции, происходит эффект иероглифа с его компактной структурой и космогоническим символизмом. Мягкость, обтекаемость тел в их соединении создает эффект зарождающейся Галактики. Владимиров обладает даром – он изменяет массу камня, деструктуризируя камень в нечто невесомое парящее в воздухе. Божественная архитектура построения фигур выводит их в систему невесомости. Для автора камень как материал насыщается глубинным философским смыслом, как символ бытия, символ гармонии, выраженной в примирении с самим собой. Детально анализируя пластическую символику работ скульптора, начиная с 80-х годов XX века, можно приблизиться к основному, ключевому вопросу, который поднимает Алексей Владимиров в своем творчестве. Вопрос извечного тяготения человека к воссоединению со Вселенной: через женщину, через гармоничную формулу семьи, через отрицание житейской философии... Так иероглифическими видятся работы раннего периода.

Тонированная бронза, с ее пластическими возможностями легко поддается рукам мастера и мгновенно распознается замысел скульптора в передаче всех спектров нежности – от любящей ироничности Скифского мотива до «Мужчины и Женщины», созданных на грани образности тотемного символизма, где в фигурах угадываются зооморфные признаки. И в своем, почти патетическом настрое, образы вызывают ощущение тонкой трогательности. «Мальчик на песке, 1995» – лаконичная и в то же время трогательная, лишенная умиления композиция. Просматривается еле уловимая самоирония автора, которой противопоставляет хрупкую, но стойкую фигуру-иероглиф мальчика – меру «житейских страстей». В работе с мрамором, в геометрической прогрессии со всей динамикой силы развития, проявляется философское осмысление бытия скульптора, а мастерство, с каждой последующей работой приобретает все большее количество виртуозных оттенков и нюансов. Для Владимирова – камень-естество, природу которого скульптор ощущает на уровне антологичности – «при вулканических извержениях воздух превращается в огонь, огонь становится влагой, а влага превращается в камень». Так камень для Алексея становится первой устоявшейся формой созидательного ритма – скульптуру высшего движения и окаменевшую музыку творения...» Высказывание Хуана Эдуарда Керлотта очень точно раскрывает природу понимания Алексеем Владимировым сути материала, с которым он работает. Опираясь на опыт титанов эпохи Возрождения Донателло, Миккеланджелло, А.Владимиров создает целую партитуру образов. Идея «от иллюзии одиночества до иллюзии постоянства», «воплощенная в мраморе решается скульптором на уровне высшей точки человеческих чувств и эмоций. Мрамор, обработанный как «абразивным», так и «ударным» способом создает

эффект в одном случае, скала с буграми и впадинами как при естественном сколе природы, в другом случае создается мощно-гладкая, бархатно-матовая, с выявленным рисунком камня, поверхность. Подобное сочетание разных ритмов насыщает глубоким драматизмом цикл творчества скульптора.

Это цикл работ, который представляет собой систему «стражей» от неоархаичных «лунных богинь» до «Вещей птицы». Все мифическое, религиозное и духовное богатство или силы, должно быть охраняемым от враждебных сил или возможного вторжения чего-либо недостойного. Стражи-скульптуры А.Владимирова воспринимаются как храмовые произведения. Они создают ауру определенного священного пространства вокруг себя, отражая и воплощая нечто недосягаемое, независимое от времени. Скульптор, отказываясь от использования сильного средства пластического искусства – от передачи выражения лица персонажа, обращается к эффекту выразительности тела объекта. Сила эмоционального воздействия при этом переходит в состояние «священного текста». Умение выявить и подчеркнуть в камне всю гамму вибраций и резонансов, выводит произведение автора за рамки просто зрительского созерцания.

Особенным качеством мрамора является недопустимость «перевода» мраморной скульптуры в другой материал. Жемчужное свечение камня, его свойство пропускать и отражать свет используются скульптором в полной гамме. Тогда как противоположной точкой вектора для творчества Владимирова становится гранит, способный передать внутренний огонь, страстность и темперамент Гефеста. Картина Вселенной Алексея Владимирова без этого материала была бы незавершенной. Это подтверждают такие произведения как «Дума о сыновьях» (портрет матери) и «Сирин, Вещая птица». Птица филин с составными образами доадамовской эпохи создавалась автором как предвестие открытий нового времени, когда кармические циклы прекращают действовать на человека и открывается новая страница в истории человечества, когда Космос открывает человеку возможности для

Обнажение истины.

общения со своими обитателями. Бесстрастность образа вещей птицы создает ощущение природного явления, а никак не рукотворного произведения. Как обнажившиеся от тысячелетних снегов скалы Антарктиды.

Скульптор Алексей Владимиров перешел в новое время легко и органично, поскольку он создает свои произведения в том «измененном пространстве, где нет времен, но живут в гармонии человек и Космос». А созданная им композиция «Человек, смотрящий в небо» как автопортрет автора, как важная глава его творчества поведала зрителю о внутреннем синтаксисе достойного человека, высокого уровня скульптора Алексея Владимирова.

Жрица Аккада. Гранит.

